

10.335

1957

საქართველოს
საბჭოთავო ენის
სამეცნიერო ცენტრი

2

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

1957

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал

ОРГАН
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
ГРУЗИИ

СОДЕРЖАНИЕ

67.218

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ. Ленинграду. Стихи . . .	3
ШАЛВА ДАДИАНИ. Семья Гвиргвилиани. Роман. (Продолжение)	5
ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ. Николаю Тихонову. Стихи	38
ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ. Вдохновенье. Стихи . . .	40
МАРИДЖАН. Книга жизни. Стихи	43
АЛЕКСАНДР СОКОЛОВСКИЙ. Человек проводит дни на пляже. Стихи	43
РИММА КАНДЕЛАКИ. Бродил художник по городу. Повесть о Пиросмани	44
ФОТУЛА ЯННОКОПУЛУ. Песня о Грузии. Стихи	81
АРЧИЛ СУЛАКАУРИ. Майский дождь. Стихи . . .	83
КОНСТАНТИН ЧИЧИНАДЗЕ. Народное торжество. Стихи	85
АНДРО ЛОМИДЗЕ. Козуля. Рассказ	86
ЛИДИЯ МАГИСТРОВА. Дорога. Стихи	89

ОЧЕРКИ

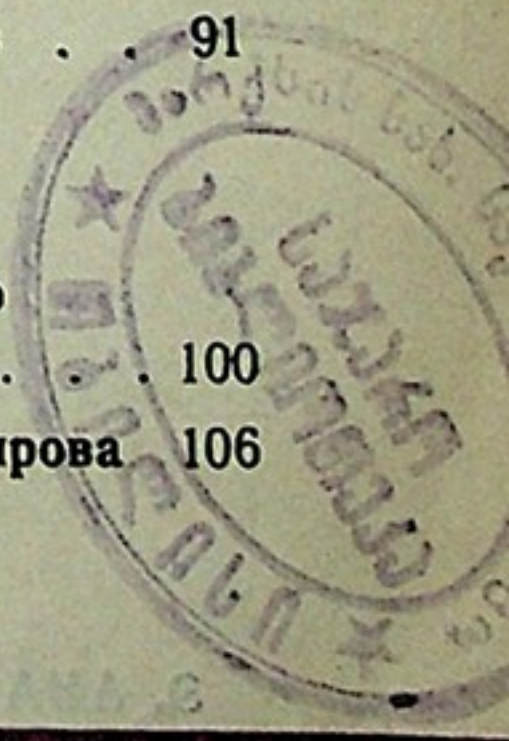
Н. НОВИЦКИЙ. Рустави — город металлургов 91

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- ✓ Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ. Подлинное богатство поэзии. (Статья первая) 100
- ✓ М. ЗАВЕРИН. Заметки о переводах А. Межирова 106

(См. на обороте)

2
АВГУСТ
1957

ПУБЛИЦИСТИКА

М. СТУРУА. Преступления без наказания 110

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

В. ШАДУРИ. Страницы великой дружбы 114

ГРУЗИЯ НА СТРОЙКЕ

Г. ОНАНЯН. Сегодня и завтра Тбилисского
телецентра 121

Т. ДЖАНЕЛИДЗЕ. С чем молодежь Грузии при-
шла ко Всемирному фестивалю 125

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Дружба сокращает расстояния 128

Очерки истории Коммунистической партии Грузии . 130

СРЕДИ КНИГ

А. МИРЦХУЛАВА—Шествие весны; Я. ХУ-
ЦИШВИЛИ — Книга о героической борьбе
грузинского народа за победу Советской вла-
сти; Г. ГИГОЛОВ — Литературовед и его
труд; И. УРУШАДЗЕ — Монография о
Бека Опизари; Е. ВИРСАЛАДЗЕ — Посло-
вицы русского народа; Ш. РАДИАНИ —
«Избранное» Георгия Церетели; Вл. МАЧА-
ВАРИАНИ — Книга стихов Григола Аба-
шидзе; И. ВАКЕЛИ — Стихи Ноэ Зомле-
тели; Л. РОСТОВЦЕВ — По родным до-
рогам 132—142

Коротко об авторах 143

Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ (заместитель редактора),
А. КУТЕЛИЯ, В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ

საქართველოს
საქართველოს

ПОСЛАНЦЫ ГРУЗИИ У ПЕТРА I.

С картины художника Т. Самсонадзе

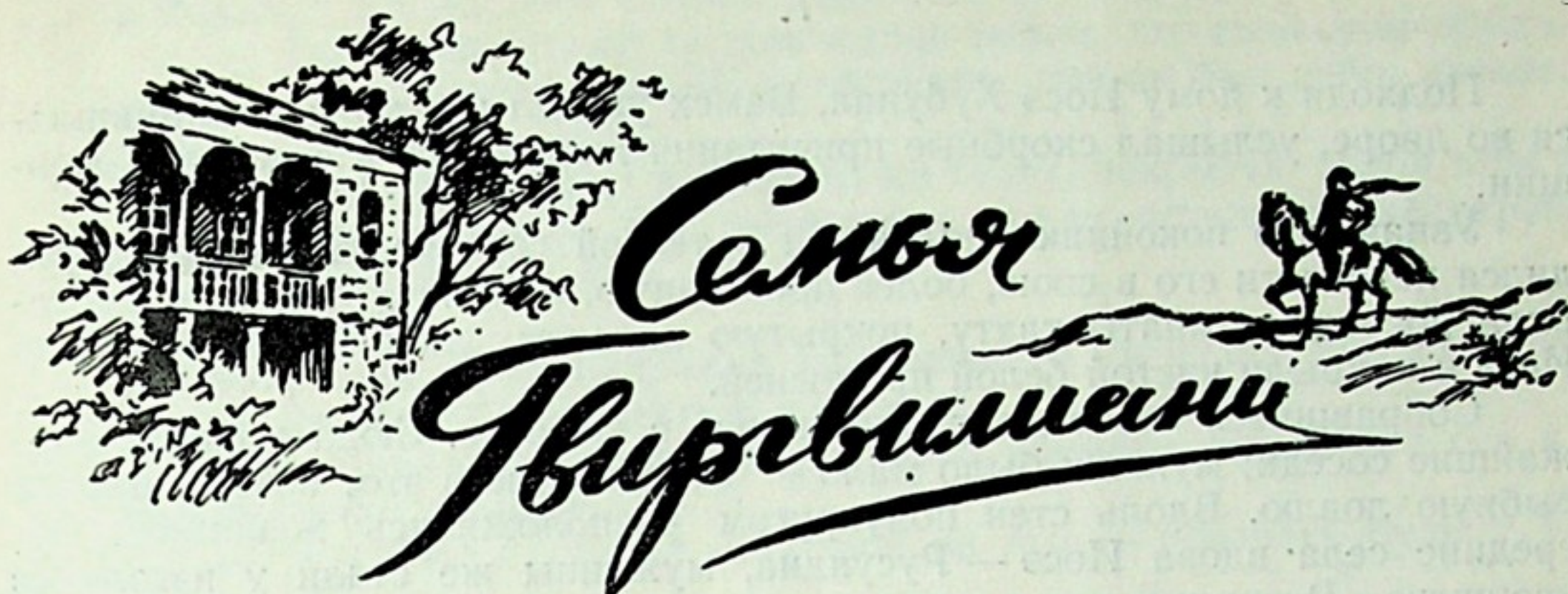
Ленинграду

(К 250-летию со дня основания)

Перевод с грузинского А. Патарая.

Леса. Балтийское безлюдье.
Дремотным дням потерян счет.
Но слышу — шум великий будит
Извечный сон лесных болот.
Здесь белой ночи свет струится,
И косит, косит огневица
Простых людей. Но светел круг
Шатров, огней сторожевых.
На топких берегах Невы
Была воздвигнута столица —
Туманный город Петербург.
Прошли года.
Нева и Лена,
Рождая свет грядущих гроз,
Перекликаются, горят...
Здесь — на виду у всей вселенной
Из года в год мужал и рос
И возносился Петроград.
И вновь я ночь предзорья вспомнил:
И мрачный Зимний и Сенат,
И клич победный:
— Ленин в Смольном! —
Твой клич, восставший Петроград...

Весь мир, дыханье затаив,
Следил за битвой небывалой,
Когда защитники твои
Спасали город от вандалов,
Когда, разжав тиски блокады,
Сметая заграждений ряд,
Свой гнев обрушил на врага ты,
Непокоренный Ленинград.
Я славлю путь,
Победный путь —
Из Октября — в цветущий сад,
Я славлю жизнь
Твою большую,
Наш первый зодчий и солдат!
Я славлю грудь
Твою стальную,
Орденосный Ленинград!

РОМАН

(Продолжение)

Перевод с грузинского Наты Чхеидзе*

НАЧАЛО ПРИТОКОВ

Ты вновь посетила меня, Цибедуль?

Да, ты неразлучна с моими мыслями, всегда желанна для моего сердца. Я никогда не видел тебя, хотя ты не раз являлась мне в образе пленительных женщин, встречавшихся на моем жизненном пути.

Сейчас я снова один, — и ты далека от меня, моя недостижимая, неуловимая Цибедуль!

И я люблю тебя еще более зрелой и сильной любовью.

Пусть ты не со мной — ты все же моя!

Какие сегодня красивые сумерки... Давай-ка сядем рядышком и отдадимся думам...

ПРИТОК

Приток... Что значит это слово? Ведь я веду большое повествование и, казалось бы, для чего перебивать его течение какими-то притоками? Да это и не принято в беллетристике. Почему же я не иду проторенным путем?

А вот почему: в авторских отступлениях, названных мною притоками, я излагаю свой взгляд на тот или иной предмет, те или иные исторические события, отраженные в моем романе. Приток — это лирическое отступление автора.

* Перевод 7—13 глав осуществлен в соавторстве с Т. Гвелесиани.

Но ведь приток — это маленькая река, впадающая в большую? Да, и потому пусть это произведение называется: беллетристическая река и ее притоки.

Подходя к дому Иосэ Хубуная, Вамех увидел крестьян, столпившихся во дворе, услышал скорбные причитания жены Иосэ и соседских женщин.

Узнав, что покойника положили в тесной горенке, Вамех распорядился перенести его в свою, более просторную, комнату. Мужчины поставили посреди комнаты тахту, покрытую паласом, уложили на нее тело Иосэ и накрыли чистой белой простыней.

Собравшиеся свободно разместились в комнате. Сюда пришли ближайšie соседи; мужчин было мало — большинство в этот вечер ушло на рыбную ловлю. Вдоль стен полукругом расположились женщины, посредине села вдова Иосэ — Русундия, мужчины же стали у изголовья усопшего. Русундия снова заголосила, но теперь уже глухо, сдержанно — видимо, стесняясь Вамеха.

Вамех вышел вперед — наступила могильная тишина. Тусклый свет едва мерцавшей лампы не мог рассеять царившего в комнате полумрака. Этот зыбкий призрачный свет и лица людей, застывших в скорбном молчании вокруг покойника, создавали какое-то возвышенное настроение. Даже Русундия подчинилась торжественности момента, рыдания ее стихли, и она, словно ожидая какого-то чуда, устремила на Вамеха широко раскрытые скорбные глаза.

Ведь Вамех был в глазах Русундии и ее бедного мужа человеком, наделенным почти божественной силой. Он, может, даже воскресит покойного — пусть же совершится невиданное чудо! Вамех подошел к усопшему, опустился на колени и низко склонил голову. Прошла минута, другая, плечи его дрогнули — окружающие поняли, что он беззвучно плачет. Никто из мужчин не издал обычного в таких случаях громкого вопля, даже женщины не возобновили своих причитаний. Сама Русундия исходила слезами молча, чувствуя, что глухие рыдания Вамеха объединили этих людей, оплакивавших ее мужа. И это общее выражение горя явилось большим утешением для бедной вдовы.

Но вот Вамех поднялся с колен и вполголоса, словно беседуя с умершим, начал:

— Иосэ, родной мой! Хороший ты был человек — трудолюбивый, честный, искренний, соседу — добрый сосед, самоотверженный в минуту нужды. Незлобивый и тихий, ты был горд душой, умел оберегать свое человеческое достоинство. Помню, на тебя как-то обрушился, совсем незаслуженно, мой брат Беги, но ты не испугался, ты крепко постоял за себя. Я удивился тогда твоей смелости. Позже, узнав тебя ближе, я убедился, что ты хорошо разбираешься в тяжелых условиях нашей жизни. Ты порой говорил мне со вздохом: «Крестьян, видать, сотворил не бог — ему и дела нет до нас». Но разве ты один в таком положении? Не так ли томятся твои соседи и собратья? Их притесняют полицейский и староста, помещик и ростовщик, и сам священник пристаёт к ним с церковным налогом как раз в ту пору, когда они привозят домой свой скудный урожай. А разве справедливо отнимать у труженика последний кусок? И не пора ли разорвать эти путы, сковывающие и мысль и руки народа? Ты иногда спрашивал меня: «Долго ли будет так продолжаться?». Нет, дорогой Иосэ, так долго продолжаться не может. Придет время — оно не за горами, — народ сбросит с плеч ненавистное ярмо и добьется свободы — надо только

объединиться. Ты, бедный мой, не дожид до этого дня, но сын твой увидит новую жизнь. А где же Сквამая? — спросил, оглянувшись, Вамех.

Смуглый мальчуган лет пяти-шести с черными огненными глазами, сидевший на коленях у матери, соскользнул на пол и доверчиво подошел к Вамеху. Тот ласково погладил ребенка по голове:

— Ты, малыш, вряд ли понимаешь сейчас, что твой отец ушел от вас навеки. Но ты хоть постарайся запомнить, как он был добр, ласков к тебе, ко всем нам.

Ребенок пристально посмотрел на тахту, покрытую белой простыней, и вдруг, словно поняв, что произошло что-то страшное, непоправимое, пронзительно закричал:

— Папа!

Женщины снова надрывно заголосили, и Русундиа, дав волю слезам, принялась громко причитать и плакать.

Вамех вывел мальчика в соседнюю комнату, приласкал его и сдал на попечение женщин.

— Я уйду, — сказал он одной из них, — ночевать буду у Парны Бжалава.

Крестьяне начали уже расходиться, когда в дверях появился отец Тэдорэ. Он выразил соболезнование вдове, просил извинить за опоздание: ему пришлось зайти за псаломщиком.

Между крестьянами, возвращавшимися домой, завязался разговор. Один сказал:

— Большой человек наш Вамех!

— Другого такого поискать! — подтвердил второй.

— А как он душевно помянул нашего Иосэ — видать, и впрямь любил беднягу, — добавил третий.

— Он не только Иосэ помянул, — вмешался в разговор старый крестьянин, — он это говорил для нас, к нам речь держал.

— О-хо-хо, какое он слово сказал! Утешил меня, спасибо ему! — продолжал первый. — Вы, говорит, путами связаны. Пора уже нам разорвать эти путы!

— Да, да, тяжелое, говорит, ярмо надо с плеч долой!

— А что это за ярмо, а? О каком ярме он говорил, Обишхиа? — обратился пожилой крестьянин к старику.

Собеседники сдержанно рассмеялись.

Обишхиа укоризненно заметил:

— Ну и дурень ты, коли не понимаешь этого. Впрочем, толковое слово и слушать надо с толком.

«Дурень» умолк. Он и сам знал, что не слыл на селе большим умником, и поэтому не стал возражать собеседнику.

Тогда заговорил Гудуиа:

— Надо, говорит, вам, мужикам, объединиться, — слышали? Когда я с помещиками насчет леса спорил, лес, говорю, наш, вам тут нечего делать, и одного под горячую руку чуть не послал на тот свет, вы меня тогда поддержали? А будь мы все заодно — и лес и та гора остались бы за нами.

— Дай бог тебе здоровья! Оно хорошо — единство, да надо выстоять до конца, а на это требуется сила. Уж как заодно были крестьяне во времена Уту Микава¹, поднялись так, что весь Одиши² потрясли, — да нагрянули царские солдаты и разогнали всех, как коз.

— Верно! Правильно говоришь, — подтвердили крестьяне.

¹ Уту Микава — руководитель крестьянского восстания в Мегрелии в 1857 г.

² Одиши — старинное название Мегрелии (Западная Грузия).

— Да ну вас! — огрызнулся в сердцах Гудуиа. — Зайцы вы трусливые! — и повернул к себе домой.

— Ну, а ты как думал? Осилишь ты русского царя, — бросил вдогонку уходящему Обишхиа. Но тот уже не отозвался. За него ответил другой:

— Русского царя? А ты что предпочел бы — чтобы опять-таки свой князь сидел у тебя на загривке, или русский царь?

— Эх, что в лоб, что по лбу — все одно, — печально вздохнул Обишхиа. — Вамех все твердит нам: «Ваше спасение в единстве». А на что нам надеяться? На кого?

Наступило тягостное молчание. Но вскоре один из крестьян заговорил снова:

— Что ни говори, Вамех — хороший человек. Только удивляюсь я, как такого чуть не загубили на каторге.

— А ты не знаешь? — объяснил другой. — Он убил девушку — дочь одного влиятельного человека... Из-за любви вышло, случайно.

— Какая там любовь — он, слышать, с русским царем тяжбу завел, вот его и упекли в Сибирь.

— Сам не одолел, теперь хочет нас в драку вовлечь, — снова вмешался в разговор Обишхиа. — Он одни слова расходует, а нам кровь проливать.

— Ты что же это — против Вамеха идешь? — накинулись на Обишхию крестьяне.

— Умный он человек!

— Образованный!

— То-то же, что образованный. Выходит, у него своя дорога, у нас — своя!

Слова Обишхии заставили крестьян призадуматься — словно они заглянули в пропасть, которая отделяла их от Вамеха. Они не могли понять, почему существовала эта пропасть, но все же чувствовали, что в словах Обишхии была большая доля правды, — и молча разошлись по домам.

8.

Холод мартовской ночи был довольно ощутителен, но Толисквами продолжала сидеть на балконе и смотреть на облака. Луна изливала на окрестности свой призрачный свет, расцвечивая на тысячу ладов летучие облака, принимавшие все новые, причудливые формы. Толисквами смотрела на небо и радовалась, как ребенок.

Вот откуда ни возмись выплыл большой корабль с высокой мачтой и парусами, позолоченными луной. Толисквами никогда не видела корабля (она ведь еще не выезжала за пределы Бертеми), но знает о них по рассказам и по изображениям в книжках. Да, да, это настоящий корабль, он все увеличивается и подплывает к луне. Только бы не закрыл, не поглотил волшебницу-луну!

А все же, чем прекрасна луна? Круглая, желтая — на ней даже какие-то пятна. Но почему луна так привлекает людей? Дядя Беги поет иногда:

Луна, луна,
Надежда душ воспламененных!

Кто же эти «воспламененные»?

Толисквами вдруг стало стыдно самой себя — она даже зарделась. Однажды ей объяснили, что так говорят о влюбленных. Не влюблена ли она сама?

Но что это? Корабль вдруг распался на части, и одна из них, отдаля-

ясь от луны, превратилась в дракона. Потом у дракона стали вырастать крылья, из-под туловища неожиданно высунулась гусиная лапа. А другая часть — просто смех! Это же верблюд — безобразный, двугорбый верблюд! Толисквами и верблюда никогда не видела, но тоже знает его по книгам. По Тайным книгам. Он их привозит каждое лето и оставляет здесь, говорит, что в следующем классе они ему больше не понадобятся. Толисквами любит эти книги — они принадлежат Тайе!

Но почему так стыдливо чувство Толисквами даже в минуты одиночества? Ведь это почти оглашено. Сама тетя Нектарина не скрывает от домашних, что была бы бесконечно рада, если бы Тайя и Толисквами поженились. Как бьется тогда сердце Толисквами, как вспыхивают ее щеки! Застенчиво опустив глаза, она убегает во двор или же куда-нибудь в укромный уголок дома, а если застанет нянюшку Дзилхану одну, — подбежит к ней и присядет у ее ног. А старушка, как бы угадав мысли девушки, гладит ее по голове и шепчет ласково:

— Дождешься, дитяtko, дождешься своего счастья! Господь сподобит и меня увидеть тебя с Тайей под венцом. Чего же ты плачешь, родная?

Облака снова разошлись — от верблюда остались одни клочья. Мало-помалу они приняли форму только что вылупившихся цыплят, прижавшихся к наседке. Облако, напоминавшее дракона, долго сохраняло свою форму. Но вот верхняя часть туловища округлилась и стала походить на человеческое лицо. Вот лоб — высокий, открытый, обрамленный непокорными кудрями.

Толисквами чуть не вскочила. Это же Тайя, вылитый Тайя! Сидя в лодке, он плывет прямо к луне. Ведь и настоящий Тайя сейчас в пути. Завтра вербное воскресенье, начались каникулы, и он приедет, непременно приедет в Бертеми. Сердце Толисквами радостно забилося. Но вдруг словно тучка нашла на солнце — ею овладела непонятная грусть. Она и сама замечала за собой — порой невольная тоска сжимала ее сердце. Казалось, для этого не было причин. Она здорова, сыта и красиво одета, все ее ласкают и балуют — о чем же ей тужить? Тетя Нектарина прочит ее в невесты Тайе. Какого еще счастья оставалось ей желать? Но все же иногда Толисквами чувствовала себя очень несчастной. Так было и сейчас.

Кто она такая, Толисквами? Круглая сирота, бесприданница. И что у нее за жизнь? Богатая и знатная княгиня приютила и удочерила ее — свою дальнюю родственницу. В доме Нектарины все к услугам девушки — ей не хватает только материнской ласки. Нектарина делает для нее все, думает о ее будущем, но холодом веет от всех ее забот. Толисквами считается дочерью, но у нее нет дочерней привязанности к княгине. Девушка стесняется ее, чувствуя себя скорее служанкой, чем дочерью, и не очень-то любит оставаться с ней наедине. При княгине ее охватывает тревога, она чего-то боится — как бы та не рассердилась, не разгневалась, не обрушила на нее ужасной кары. И потому, когда Толисквами говорит с Нектаринной, голос ее осекается, и она умолкает. Девушка так привыкла к этому вынужденному молчанию, что и с другими бывает робка. Она часто сердится на себя из-за этого, сердится потому, что в душе она гораздо смелее, непокорнее, чем внешне. О, какие смелые мысли мелькают порой в голове Толисквами, какие дерзкие слова готовы сорваться с ее губ, — но слова остаются невысказанными, а сама она — подавленной и замкнутой. У нее нет и сверстниц, подружек в своей среде, а сблизиться с крестьянскими девушками ей не разрешила бы княгиня, да ее и не тянет к ним. Иногда разве в церкви, во время праздников или народных гуляний, она перемолвится двумя-тремя ласковыми словами с какой-нибудь из девушек, но те относятся к ней, как к барышне, и держатся отчужденно. И потому одинока Толисквами, потому и любит

она мечтает при звездах и разговаривать с облаками. Правда, есть одно существо, самое близкое ей и сердечное, — это Дзилхана, но она тоже не мать и не подруга. Она лишь старая няня, которая смотрит на Толисквами снизу вверх, как служанка на молодую госпожу. И никого, никого нет у Толисквами, кто бы дал ей ощутить тепло дружеского сердца, кому бы она могла открыть свою душу.

Тайя?

О, Тайя — совсем иное дело. Ему можно поклоняться, на него молиться можно. И если он обращается с ней просто, по-товарищески, — иной раз пошутит, а то и подтрунит над ней, — или же если сама она, поддавшись его шутливому тону, передразнит или заденет его, — разве это значит, что между ними дружба равных?

А из гостей? С ней особенно ласковы Марина и Дагмара, а баронесса даже иногда обнимает и целует ее. Но и в их обращении девушке чудится снисходительность, с какой взрослые относятся к детям.

ПРИТОК

Я хочу быть ближе к тебе, Цибедуль, чувствовать твою нежную теплоту, твою дружественную душу.

Нет у меня никого, кроме тебя, Цибедуль! Если бы я мог встретиться с тобой наяву! Ведь ты нежишься в моем сердце, как на брачных шелках, как тростинка на озере, и растишь в моем разуме удивительные сказочные цветы!

Как часто пьянишь ты меня их ароматом! И мне не хочется вырваться из сладостного дурмана, хотя я как будто бы с большой верностью подмечаю и показываю подлинную правду — правду жизни.

Мне ясно видны обе стороны жизни — и тeneвая и светлая.

И думается, я не так неумел, чтобы не найти своей дороги на этих темных и светлых спусках и подъемах!

Идти надо собственной дорогой.

И в этом произведении, чтобы верно воспроизвести действительность, я, несомненно, пойду своей дорогой.

Только бы ты была около меня, Цибедуль! Не отходи далеко!

9.

Ночью крестьяне собрались на берегу, там, где Гурдземия впадает в Техури, неподалеку от усадьбы княгини Нектарины. Вместе со взрослыми сюда пришли мальчишки-подростки с кошелками, котелками и мешочками для рыбы. Иные тут же, у берега, сложили маленькие очажки из булыжин и, разведя огонь, стали варить свежую рыбу. Многие из крестьян прихватили с собой кукурузные лепешки и вино в небольших кувшинах. Там и сям уже раздавались песни, слышался веселый смех и гомон: сельчане знали, что рыбу, привалившую к берегу для метания икры, шумом не спугнешь.

Рыболовы всё прибывали. Вскоре появились и гости из усадьбы. Они расположились на удобном пригорке и сверху наблюдали за рыбной ловлей.

Луна, поднимаясь все выше и выше, посеребрила гладь реки. Блеск ее усиливался легкой зыбью, когда рыба вскидывалась на поверхность воды. Она подыскивала плоский камень, чтобы, вынырнув, упасть на него, выметать икру и снова ускользнуть в реку. Но как раз в этот момент настигали ее рыболовы. Улов бывал очень обильным, и его до деляжа складывали в поле. Рыба несколько мгновений еще металась по зем-

ле, как бы порываясь к реке, но постепенно слабела, замирала и, наконец, задыхалась без воды.

Рябинина с жалостью глядела на трепыхавшихся рыб.

— Как жесток человек, — сказала она сидевшему рядом Беги, — ради своего желудка он не щадит чужой жизни.

Беги рассмеялся и бросил ей в руки трепетавшую рыбку.

Марина вздрогнула от прикосновения холодной, скользкой чешуи и отбросила рыбу в сторону.

— Что вы делаете! — воскликнул Беги. — Слишком уж вы чувствительны, Марина Ивановна! А подать ее вам в вареном и заправленном виде — вы с удовольствием ее отведаете.

Марина ничего не ответила, но, видимо, признав правоту слов Беги, кротко заглянула ему в глаза. А про себя она подумала: «Такова, видно, жизнь! Нам неприятно видеть чужие страдания, но если из этих страданий мы извлекаем какую-нибудь пользу, то уже не возражаем против них».

Волков и Дагмара тоже были увлечены рыбной ловлей. Волков подал девушке живую рыбу, но та выскользнула у Дагмары из рук и метнулась к реке. Волков насмешливо заметил:

— Как можно упускать из рук счастье? А вы как раз упустили его.

— Какое же это счастье?

— Это показатель слабости вашего характера, Дагмара Альбертовна. Вы, видимо, не сумеете удержать счастья, если даже оно само постучится к вам в дверь.

— Напрасно вы так думаете, — с нарочитой наивностью бросила собеседнику девушка.

— Ага, понимаю, что вы хотите сказать! Женщина — это неразгаданная тайна, сфинкс. Пока она девушка, ее характера не поймешь — она нежна, мила, покладиста, но стоит ей выйти замуж — она тут же выпустит когти.

Между тем Леварси окружила группа сельчан. В их словах, обращенных к нему, сквозила почтительность; казалось, им льстило, что их земляк и сосед стал таким богатым, влиятельным человеком. В то же время чувствовалась и неприязнь к нему — почему не они, а Леварси так преуспел в жизни. Эта почтительность, смешанная с легкой завистью, проявлялась в церемонном обращении к нему, в показной радости: наконец-то Леварси «почтил своим посещением родную деревеньку». Все делились с ним своим уловом. Он благодарил за подарок, приветливо со всеми беседовал и вообще старался быть приятным, желанным гостем.

Один из бывших приятелей осмелился даже попросить Леварси не побрезговать крестить у него младенца. Леварси согласился. Послышалось тихое, завистливое шушуканье: каждый понимал, сколь выгодно было крестьянину покумиться с Леварси.

Барам, покачивая головой, наблюдал за рыбной ловлей, лицо его выражало недовольство. Наконец он крикнул стоявшим в воде рыболовам:

— Стойте, погодите!

Рыболовы остановились. Народ, столпившийся на берегу, обернулся к Бараму. Тот продолжал:

— Так рыбу ловить нельзя, надо соблюдать правила. Вы так тут перемешались, что аллах ведает, кто сколько вытаскивает. Натуи и Онисимэ чуть не поссорились, каждый доказывал, что рыба — его, что это он ее наловил. Я же вам объяснял: ловить рыбу надо по очереди, по родам, посемейно. Скажем, один род ловит двадцать минут, другой — следующие двадцать, и тогда все обойдется без ссор, каждому достанется по справедливости.

Все зашумели. Одни соглашались с Барамом, другие спрашивали,

как быть с выкинутой на берег рыбой. Делить улов заново никто не пожелал, и Барам согласился со всеми: «Что было — было, давайте хоть в будущем соблюдать порядок».

Но вдруг кто-то возвысил голос:

— Это-то все хорошо, господин Барам, но, скажем, начали мои родичи рыбу ловить, а ее мало подошло, а потом, может статься, начнут ловить Читанава — и рыбы привалит видимо-невидимо.

— Ха-ха-ха! — засмеялись все.

Барам с улыбкой возразил:

— Вы, братья мои, о Руставели, наверное, слышали...

При слове «братья» один из молодых крестьян шепнул товарищам:

— Нечего сказать «братья»: мы — да Гвиргвилиани!

У окружающих сорвался приглушенный хохоток. Но на замечание крестьянина никто не отозвался, Барам же и вовсе не слышал его.

— Руставели говорит, — продолжал он, — кому что судьбой дано, пусть тем и довольствуется.

— Верно, верно, — неохотно согласились с Барамом рыболовы.

Один спросил:

— Начать сначала?

— Да, конечно, сначала! Сколько родов у нас? Около пятнадцати, не больше?!

— Ну, ладно, начинаем с Читанава, пусть они первые ловят.

За Читанава пошли Бубуная, Гвадзабия, Давитая, Бердземишвили, Бжалава, Пиртахиа и другие.

Все остались довольны: рыбы на этот раз зашло в Гурдземию много, и улов был богатый.

Барам, сидя поодаль, молча наблюдал за тем, как распределяли доли по родам, складывая рыбу в отдельные кучки. К нему подошел один старик из дворян:

— А вы, господин Барам, почему своей доли не требуете? Разве не ваша река Гурдземия со всей ее рыбой?

— Оно верно, но когда это было, чтобы я беспокоил сельчан.

— Ах, князь, такой ангельской души мы еще не видели. Попади вы кому-нибудь в глаз, как соринка, никто, как говорится, себе и глаза не протрет.

— Ладно, ладно, Ростохан. У тебя какая-нибудь просьба ко мне?

— Нет, ваша милость. Но я насчет того, что ни вы, ни князь Беги ничего не потребовали, а народ между тем рыбы набрал — хоть завались.

— Всяк свое дело знает, друг Ростохан! Видимо, сами догадаются, меня и Беги без доли не оставят! Сказано ведь: кесарево — кесарю, божье — богу. Это надо помнить.

Ростохан отошел от Барама, и вскоре рыболовов облетели его слова. Через несколько минут возле Беги и Барама образовались довольно большие горки рыбы. Каждый род считал своим долгом уделить, по крайней мере, десятую часть деликатным помещикам.

Рябинина с удивлением спросила:

— Неужто вы за несколько дней одолеете такое количество рыбы? Она же попортится!

— Поедим вволю, а остальное пойдет в засол, будет коптиться. Эта рыба долго сохраняется, она гораздо вкуснее знаменитой копченой сельди.

Но Марина уже не слушала его. Почти у самых ее ног вскинулась из воды рыба и прильнула к плоскому камню. Стоявший неподалеку парень переждал немного и, проворно схватив рыбу, отбросил ее на луг.

— Удивительно! — воскликнула Марина. — Рыболов-то ловкий, но что связало рыбу, почему она не сумела выскользнуть из рук? Неужели не почувствовала, как к ней подошли?

— Когда рыба мечет икру, она как пьяная и теряет всякую осторожность, потому и ловят ее в таком изобилии, — пояснил Беги.

— Как все удивительно в природе, — сказала Рябинина, — величайший жизненный акт приводит и рыб в самозабвение. — Потом добавила: — Итак, икру для еды готовят из этих крупинок.

— Именно так, — подтвердил Беги, — но у нас славится осетровая икра. А сейчас я вам покажу, как выглядит эта. Эй, малый, — окликнул он рыболова, поймавшего рыбу рукой. — Принеси-ка тот камень. Да, камень, камень! Что? Тяжелый? Ах ты несчастный, неужто не осилишь? — Беги было встал, чтобы самому поднять камень, но рыболов уже бежал к нему.

Камень был большой, круглый, как бы искусственно сплюснутый с одной стороны — на это и обратил внимание Рябиной Беги. Девушка напрягла зрение, но при бледном свете луны на серой поверхности камня трудно было различить что-либо. Наконец Марина увидела мелкие икринки.

Беги пояснял:

— Из них появляются мальки, которые потом вырастают в рыб.

Рябинина все повторяла:

— Как чудесна и многообразна природа и ее законы!

Стало холодно. Первой, поеживаясь, поднялась Дагмара. За ней последовали другие. Все направились к усадьбе. Отстали только Евтихий и Леварси, занятые беседой с крестьянами.

Волков и Дагмара пошли вперед и почти бегом поднялись на гору. Рябинина и Беги шли неторопливо. Беги, заметив, что девушке холодно, накинул ей на плечи край своей бурки. Марина не сопротивлялась, словно это так и следовало, и доверчиво прижалась к своему спутнику.

10.

Парна Бжалава с друзьями сидел за ужином, когда, не постучавшись, вошел Вамех и непринужденно обратился к хозяину:

— Хизан! Сегодня я буду твоим хизаном. Ого, у тебя гость, — добавил Вамех, увидев Манчу Джгереная.

Присутствующие встали и приветствовали желанного гостя.

— Пожалуйста, господин Вамех, присаживайтесь! — радушно пригласил хозяин.

Вамех недовольно покачал головой:

— Неосторожны вы, как я вижу. У вас, молодой человек, ружье в руках, — обратился он к Джгереная. — Я бы на вашем месте держал двери на запоре.

Парна хотел что-то ответить, но Вамех перебил его:

— Я узнаю этого человека. Это Джгереная, не правда ли? Благо еще, его не слишком преследуют, видно, не считают за настоящего разбойника, а все же нужно остерегаться. У княгини Нектарыны бывает тьма всякого народа, приезжают уездный начальник, пристав, частенько заглядывает и староста. Вдруг кто-нибудь заметит, что тут у вас Джгереная, дело может обернуться плохо.

Парна попытался возразить:

— Все это верно, уважаемый Вамех, но почти ежеминутно выбегают во двор то сын, то жена, смотрят, нет ли кого вокруг. Только перед вашим приходом выходил мальчик, сказал, что нет ничего подозрительного. А двери-то забыл закрыть, разиня!

— То-то же! И мальчика не мешает научить осторожности. Бог знает, что нас ждет впереди. Очень возможно, что придется действовать тайно. С открытыми дверями недолго продержитесь.

— Дай бог тебе здоровья за то, что наставляешь нас, — ввернула словечко хозяйка дома Панта и придвинула Вамеху низенький стульчик.

Парна наложил на двери засов.

— Я очень удивился, не найдя вас в доме бедного Иосэ. Потом решил, что ты на рыбалке, но отсутствие Панты показалось мне странным.

— Да, бедный Иосэ! Господи, как жалко! — горестно воскликнула Панта.

Вамех не дал ей договорить:

— Теперь мне понятно: ты не могла оставить гостя. Сегодня и я к вам на ночлег.

— Милости просим! — воскликнули в один голос муж и жена. — А пока отведай чего-нибудь, ты, небось, проголодался.

— Да, я, признаться, голоден.

— Вот, пожалуйста, отварная рыба, сыр, гоми.

— О! У вас, оказывается, вареная курица, мое любимое блюдо. Я предпочитаю его сациви.¹ Очень вкусное блюдо! — И Вамех принялся за угощение, добавив: — Непонятно, почему эту курицу, хоть она и под соусом, называют просто вареной.

— Видишь ли, родимый, — стала объяснять Панта, — курица варится в собственном соку, воды к приправе не подливают, отсюда и название.

— Как ее варят, я знаю! Ты думаешь, я не умею готовить это блюдо? Когда я был в Сибири, куплю, бывало, курицу и зелень найду для приправы. Вот только с шафраном трудновато было. А все же ничего, получалось!

— Ах ты, ласковый мой, — сочувственно произнесла Панта, удивляясь про себя: как он легко упоминает о Сибири, точно она здесь же под боком находится. Будто он прогулялся туда по своей воле.

Панта не знала, что Вамех не очень-то любил вспоминать о своей жизни в Сибири и редко говорил о ней.

Вамех отхлебнул вина из маленького стаканчика, похвалил его:

— Откуда взялась «изабелла» весной? И так хорошо сохранилась, без кислинки! Отменное вино! Это твое, Парна, или Пепуи? Он, говорят, тоже умеет хранить вино.

— Мое вино, родимый, — ответил Парна. — Ведь высотный виноград² в имении княгини Нектарины мною разведен! Но теперь ее управляющий Гутати пристал: «срок, — говорит, — прошел, виноградник надо возвратить княгине!».

— Неверно это! Так можно было говорить только до того, как вышел закон о хизанах от первого июня 1891 года. Тогда, действительно, помещик мог согнать хизана с земли, дав ему какое-нибудь пустячное вознаграждение!

— Это-то я знаю, вы в свое время нам это разъясняли. А Гутати уперся: «Закон в пользу помещика написан, он должен только заранее предупредить о своем решении. Я, — говорит, — согласно закону еще в прошлом году тебя предупредил. Расходы твои возместим, это решат люди, выбранные с обеих сторон, — и скатертью дорога, катись вон отсюда».

— И это верно, Парна! Законом 91-го года собственнику дается такое право.

— А я, господин Вамех, пока жив, не уступлю того, что заработал потом и кровью!

¹ С а ц и в и — курица под ореховым соусом.

² В ы с о т н ы й в и н о г р а д — виноград, выющийся по деревьям.

Вамех молча отодвинул тарелку, внимательно поглядел на Парну и глубоко задумался.

Молчание нарушил безмолвствовавший до этого Манча:

— Удивительное наше хизанское дело, господин Вамех! Насколько я слышал, такие крестьяне водятся только у нас в Грузии.

— А? — сказал Вамех, очнувшись. — Совершенно верно, хизан можно встретить только у нас.

— Я вот что хочу сказать, — продолжал Манча, — наши хизаны как будто пользуются, как и пользовались до отмены крепостного права, личной свободой. Но получается так, что у хизана, кроме этой личной свободы, ничего за душой нет. Он, как был, так и остался неимущим. Крепостные же, освободившись, сделались временнообязанными. За ними, если они откупятся, остается свой участок, двор, усадьба, а хизан вечно должен маяться на чужой земле. Да еще на нем господские поборы — то оброк, то винная подать, то отработки на помещичьем поле, в винограднике...

— Так, так, мой Манча! Эту вот несправедливость и надо искоренить. Но чтобы улучшить жизнь, придется вести большую борьбу.

Манча, как будто что-то смекнув, усмехнулся в усы, однако ничего не сказал.

Панта спросила Вамеха:

— Объясни, сделай милость, что значит слово «хизан»? Сколько времени я жена хизана, а слова этого не понимаю.

— Ты что же! — полушутя, полусердито напустился на жену Парна. — Сколько раз я объяснял тебе это, а ты никак не запомнишь?

— Нет, мама знает, а я вот не знаю, в школе нам не объясняли, — неожиданно воскликнул сынишка Парны.

— Ха-ха! — засмеялся Вамех. — В школе? Ты где учишься? В нашей, приходской?

— Да, дядя!

— Так кто же тебя, дорогой, в школе будет учить таким вещам? Эхехе! — глубоко вздохнул Вамех и долго не отрывал глаз от Манчи. Джгереная ответил ему понимающим взглядом.

Вамех снова посмотрел на мальчика:

— Разве священник Тэдорэ сумеет тебя обучить всему этому? Да и что он сам в этом смыслит? Он вас, наверное, только молитвы заставляет зубрить?

— Да, дядя, — бойко ответил мальчуган, — «Отче наш», «Верую»...

— То-то, сынок, — заметил со вздохом Вамех, — твой отец гораздо лучше разбирается в хизанском деле, чем ваш достопочтенный поп. А слово «хизан», Панта, буквально значит: «приютившийся». Вот я сегодня у вас приютился, следовательно — я ваш хизан.

— Что вы, как можно, уважаемый Вамех! — застеснялась Панта.

— Так что, как видишь, это слово не уничижительное, оно еще значит «доверившийся», «положившийся», иногда даже — «остерегающийся опасности, беды». Когда на страну нападал враг, народ уходил «хизанить» в горы или в леса. А еще бывало — ходит по деревне заразная болезнь, предусмотрительные люди, опасаясь несчастья, упрячут, «ухизанят» семью куда-нибудь подальше.

— Вот и мы, значит, остерегаясь беды, убегали от одного жестокого барина и укрывались у другого! — вмешался в разговор Парна.

— Правильно, дорогой Парна, и так случалось, что хизанами были бежавшие от своих помещиков или откупившиеся от них, но искавшие более плодородных, урожайных земель крестьяне. Хизаны либо не имели земли, либо же имели ее так мало, что жили впроголодь. Так и переходили от одного помещика к другому.

— Да, да, как говорится, от «ахов» спаслись, да «охов» напаслись! Все одна беда!

— Верно, Парна, есть еще другая старая пословица: из огня да в полымя! Наверное, ее придумали намучившиеся крестьяне. Предполагают еще, что народ говорил так о чужеземных врагах. Придут турки, разорят все, поднимется плач в стране. Но вот сбросили иноземное иго, не успели как следует вздохнуть, уже напали персы, и еще большее приходит горе, и снова плач стоит в стране!

— Мы сами из беглых.

— Знаю, Парна, вы были крепостными князей Пагава и перешли к нашим Гвиргвилиани. Это так. Но к хизанам относился и такой люд... Вот, скажем, в Восточной Грузии (это еще тогда, когда Грузия не была единым государством) воюют с врагом, а в Западной в это время мир. Народ уходил на запад. А бывало и так: нападали турок на Одиши, бежит мегрел на восток, в Картли или в Кахети¹, и остается там навсегда. Об этом свидетельствуют некоторые карталинские фамилии, например, Картвелишвили, так сказать, «омегрелились» — в Кортуа, мегрельцы же в Гурии стали Мегрелидзе, Мегрелишвили.

— Верно, так и есть, — промолвил Манча, — меня всегда удивляли в Мегрелии такие фамилии. Но так или иначе, хизан, вроде, имеет какие-то права: лично-то он свободный, не крепостной, никому ничем не обязан, а на деле, по сравнению с другими, освобожденными, самый угнетенный из крестьян.

— Да, так получается, — начал Парна. — Мой отец сбежал от своего господина Пагава. Был этот помещик страшно сварлив, надоел отцу своими придирками. И вот в одну темную ночь отец взял да с помощью соседей разобрал свой домик, уложил его на арбу и вместе с семьей поехал прямо в Бертеми.

— Подумаешь, в какую даль укатил! — фыркнул Манча. — От Бертеми до Бандзы верст восемь, не больше.

— Дело не в верстах. Слух ходил, что Гвиргвилиани добрые помещики, влиятельные. Отец решил, что Пагава не рискнут затевать с ними ссору.

— Ну и что получилось? — снова заговорил Манча. — Не ты ли сам жаловался: тут, мол, служи Гвиргвилиани, а там Пагава отдавай в счет откупа все, что заработал.

— О! Эти хизанские дела вконец доконали нашу семью, — сказал Вамех. — В былое время у нас укрывалось очень много чужих крестьян, все становились нашими хизанами. Уже сорок лет у нас тянется тяжба с Пагава, Апакидзе, Дадиани — и все по хизанским делам. Сколько энергии, денег потрачено и нами и другими помещиками! Разбогатели лишь никчемные адвокатишки и судейские чинуши. Дело сначала разбиралось на месте — в Кутаисском окружном суде, потом в Тифлисской судебной палате, а потом, наконец, в самом сенате, в Петербурге, и только сильнее запуталось; то мы дело выиграем, то наши противники, а положение хизан хоть бы немного улучшилось.

— Неужто и князьям не сладко приходится из-за хизанских дел? — спросил с усмешкой Манча.

— Представь себе! — живо отозвался Вамех. — Хизаны мытарствуют, чтобы добыть кусок хлеба, а князьям эти судебные хлопоты — одно разорение. Тебе это кажется странным? Закон на стороне князей, казалось бы, чего им еще? Но в том и суть, что царский закон не только да-

¹ Картли, Кахети — названия центральной и восточной частей Грузии.

вит и притесняет угнетенных, но и сам подсекает сук, на котором держится.

— Царский закон... Когда же придет конец этому закону? — тихо произнес Манча.

— Сомневаешься, будет ли конец? — спросил Вамех.

Манча выпрямился и крепче обхватил руками ружье, зажатое между колен.

— Слишком вяло действуют русские. После убийства Александра II никого из больших зубров не сумели прикончить.

— Ого! — произнес с горькой усмешкой Вамех. — Ты, конечно, за террор! Мне даже известно, что ты уже совершил один террористический акт... — Тут Вамех остановился, решив не высказывать всего, что лежало у него на душе. «Не поймут», — подумал он.

Вдруг послышался громкий стук в дверь. Все насторожились. Манча вскочил и, держа ружье наготове, скользнул в кладовую. К дверям направился Парна, но Панта схватила его за полу и, почти силой усадив мужа на место, сама пошла к выходу; открыла двери и сразу повеселела:

— Ах ты, ласковый мой! Тайя к нам пожаловал! Милости просим. Да, да, родимый, Вамех у нас!

ПРИТОК

Цибедуль!

Ты видишь, что я начинаю свое повествование издалека, а стремлюсь довести его до сегодняшнего дня!

За какое же большое дело я взялся! Но говорят, что если падать, так уж лучше с лихого коня. И я тоже так считаю.

Сейчас, в этих главах, я буду рассказывать о тех временах, когда рабочий люд Грузии стал просыпаться... Угнетенное крестьянство тоже начало расправлять плечи, его будили призывные гудки заводов Батуми, Тбилиси, Чиатура, всех тех мест, где уже разгорались неугасимые революционные искры.

Князья, дворянство и мещане держали ухо востро, словно засевшие в кустах зайцы, которых уже облаяли гончие, ожидали, что вот-вот появятся борзые и начнут гнать их.

Не так ли говорится в народном стихе:

Заяц сказал: «сижу я в кустах,
Кто посмеет напасть на меня?»

Обе стороны словно притихли в ожидании.

Иные верили, что народ — это Голиаф, который вдруг потянется, рванет и разорвет цепи, скинет связывавшие его путы.

Иные же, посматривая на горизонт, со страхом замечали, что над их головой собираются грозовые тучи: не дай бог, грянет гром, и молния снесет их теплые берлоги?!

Все ждали событий...

Эти события, Цибедуль, смешиваются с ходом моего повествования так, как в рощицах Западной Грузии сплетаются лозы винограда с ветками стройных деревьев — ольхи и хурмы.

Хочется немного рассказать и об этих событиях, моя милая Цибедуль.

11.

Перевалило за полночь, но Парна с семьей и гостями всё еще не спали. Не спал и сын Парны. Много удивительного услышал он в этот вечер, но особенно заинтересовал его рассказ Тайи.

...«Малый кружок для больших дел»... — запали ему в память слова Тайи. — «Он был основан в Кутаиси, этот малый кружок для больших дел, и мы, гимназисты, тоже принимаем участие в его работе». Но Тайя, оказывается, больше не гимназист, он «исключен». Что такое «исключен»? — Малыш догадался, что это должно обозначать: «выгнан». Раз ве, когда он расшалится, отец Тэдорэ не грозит выгнать его из школы? Что же такое натворил Тайя? А-а, он говорит о царе, осуждает его. Надо кого-нибудь спросить обо всем этом. Но кого? Вамеха неловко беспокоить. Манчу? Но Манча вот-вот исчезнет. Он абрек, ему нельзя засиживаться на одном месте. Это мальчик хорошо знает. Отца? Но вдруг отец надерет уши? Лучше спросить у Тайи. Я его видел не раз, но всегда издали. Так близко вижу впервые. Тайя очень весело смеется. Все его любят. А какие глаза у него — красивые, привлекательные, но когда Тайя горячится, глаза его мечут искры, прямо как у сказочного коня.

Очарованный Тайей, мальчик не сводит с него глаз. «Какой он высокий и плечистый, еле в дверь вошел! Лицо белое, щеки полные! Ух! Красавец! Прикажет, я в воду брошусь, — думает мальчик. — Он, ведь, из здешних господ. Вырасту, буду ему служить. Вернее меня он никого не найдет! Но лучше послушаю, что говорит Тайя».

— Парна сказал о дяде Бараме, что он «большой человек». Большой, Парна, можно назвать лишь ту личность, которая велика своим умом, образованностью, опытом, а не происхождением. Знатное происхождение — ничто.

— Это-то я и сам понимаю, но кто родом знатен, тот и властен, может погубить или возвысить человека.

— Да, мой милый! — воскликнул Тайя. — С таким неравенством нам и нужно бороться. Барам такой же человек, как и ты, и условия жизни у обоих должны быть одинаковы!

— Дай бог тебе всех благ, как бы это было хорошо! Мы, крестьяне, давно понимаем, что не должно быть господ и угнетенных. В свое время еще Уту Микава о том же говорил нам. Но что вышло? Проиграли, да так проиграли, что до сих пор очухаться не можем!

— То были другие времена, Парна! Одни крестьяне не могли достичь того, чего добивался Уту Микава. А теперь у вас есть руководитель — могучий рабочий класс.

— Именно об этом говорит и Манча: он ведь в Батуми бывал!

— Ясно, он это знает! Батумцы — настоящие революционеры. Ими недавно руководил человек, который воодушевил и сплотил рабочих, а объединившись, они сделали такое большое дело, что...

— Правда, правда, расскажите, как было, уважаемый Тайя! — с воодушевлением воскликнул Манча. — Меня ведь тогда уже не было в Батуми.

Тайя стал рассказывать о мощных демонстрациях и выступлениях батумских рабочих в 1902 году.

ПРИТОК

Цибедуль!

Сейчас, когда я пишу эти строки, здесь — в Москве — зима; в моем же романе занимается весна, и какая! Легкая, нежная! Такая весна бывает только в Мегрелии — одном из лучших уголков Грузии. Там солнце весной ласково кусается, незаметно меняя всем цвет кожи. Побудьте долго в марте в саду или в поле, и если вы блондин, то станете смуглым, если же смуглы — превратитесь в араба.

Весна!..

Весной ранее всех поднимает свою головку ярко-красный цикламен,

растущий большей частью среди опавших осенью и к началу весны почти сгнивших листьев. За цикламеном появляется фиалка, скромная фиалка, занимающая потом свое место на груди влюбленных, тихо и вкрадчиво пьянящая своим чудесным ароматом девушек-красавиц.

И я ведь тоже, мой юный или пожилой и степенный читатель, срывал фиалки, когда был молодым, и, связывая их в букетики, робко преподносил той, кого тогда принимал за тебя, Цибедуль!

Исчезли, умчались те годы навеки,
Но тот же я вечно, я тот же навеки.

Как правдива первая строка этого стихотворения! Она правдива потому, что прошлое погасло, ушло безвозвратно, а это так остро ощущается к старости, особенно, когда отдаешься воспоминаниям юных лет.

Как смела вторая фраза стиха! Она смела потому, что вряд ли кому-нибудь удастся всю жизнь оставаться неизменным. Впрочем, если говорить о духовном «я», то может статься, это и правда?

Осмелюсь сказать, что для самого себя я остаюсь все «тем же». И если бы не зеркало, показывающее мои морщины и седые волосы, то внутренней перемены я в себе не почувствовал бы: ведь я отдаюсь жару творчества с тем же желанием, с той же душой, что и на заре юности, когда мне казалось, что я могу двинуть горы, повернуть реки вспять и свершить такие великие подвиги, какие под силу только Голиафу.

Сейчас зима, а мне хочется перенестись в весну!

Но я в Москве... Больше двух тысяч километров отделяет меня от моей любимой Грузии, больше пяти десятков лет отделяет меня от тех событий, которые я описываю.

И мне хочется поговорить о Грузии, о Мегрелии, которую люблю за ее пышно-великолепную и вместе с тем прелестную природу, в которой отсутствуют суровая недоступность ледниковых кряжей и равнодушные вознесшихся ввысь великанов (не привлекавших, кстати, и Илью Чавчавадзе).

Горы Мегрелии выглядят как-то человечней. Они напоминают мне сказочных палаванов, борцов-одиночек, надевающих зимой белоснежные кольчуги, а летом светлые черкески каких только душе угодно цветов! А как чудесны дремучие лиановые леса, шаловливые, журчащие источники, стремительные и мощные реки, пробивающиеся здесь и там лечебные воды, буйно разросшаяся зелень побережья Черного моря!

Край родной! Имя твое было, увы, опорочено топями и болотами, из-за которых издревле стонал народ.

В нашей художественной литературе изображались только заболоченные маляринские места, как будто бы другой, здоровой Мегрелии и не бывало! Этому впечатлению отчасти способствовала железная дорога, которая прошла по самым непролазным топям приморской низменности, оставив в стороне лучшие, здоровые, не зараженные места древней Колхиды. И многие жители гор тогда сошли к болотам, чтобы быть ближе к железной дороге.

Но это все в прошлом... Наша великая эпоха излечила и этот вековой недуг Черноморского побережья. Большая часть колхидских болот с их ядовитыми испарениями и комарами осушена, и все, что когда-то было вредоносно, сейчас служит на пользу человека.

Я любил и люблю мою горную Мегрелию, а сейчас моя любовь раздвоилась, охватила и ее равнины с цветущими насаждениями янтарно-золотых цитрусов.

И теперь уже не скажешь того, что говорили о моей родине старые поэты: «Чем прекрасней ты, тем больше ноет рана в сердце».

Грузия быстро подвигается вперед, к еще большему расцвету, вместе со своими собратьями занята великим строительством коммунизма.

И мой прелестный край — Мегрелия становится все краше и краше.

Ну, что ж, Цибедуль, давай шагать вперед, чтобы скорее дойти до сегодняшнего дня, ибо, как чаяние веков, он ведь всего нам дороже — сегодняшний день!

Только не надо слишком торопиться!

Мы хоть и начали издалека, но следуем словам народного сказа: обойди стороной — домой спокойно воротишься.

Одно лишь вызывает тревогу: мое сердцебиение.

Но я прикажу и сердцу: сердце, дай мне возможность закончить этот труд!

12.

Все внимательно слушали Тайю, но каждый слушал по-своему: Вамех полулежал на длинной тахте, облокотившись о мутаку. Взор его был устремлен куда-то вдаль. Парна сидел с опущенной головой у огня, время от времени подправляя поленья в очаге и бросая на говорившего внимательный взгляд. Рядом с ним, не сводя глаз с Тайи, примостилась на низеньком стульчике Панта. Мальчик, уже лежавший в постели, притворился спящим. Натянув на голову одеяло, он исподтишка наблюдал за юношей. Каждое слово Тайи находило живой отклик в душе ребенка. Манча повернулся лицом к входной двери и жадно ловил каждое слово говорившего.

Тайя с горящими глазами продолжал рассказывать о демонстрациях батумских рабочих, о том, как похороны погибшего рабочего были превращены в грандиозную демонстрацию.

Поленья в очаге вдруг ярко вспыхнули, языки пламени взметнулись к самому потолку. Встревоженная Панта крикнула мужу:

— Что ты делаешь, этак погореть можно!

Парна, смутившись, раздвинул поленья и сказал Тайе с улыбкой:

— Это мне и нравится, что он устроил такие похороны бедному рабочему! Как зовут, родной, того молодого человека?

— В Батуми его звали просто руководителем.

— О! За такого не жаль голову сложить!

— Ох, хоть бы и я был там! — неожиданно воскликнул мальчуган, приподнявшись с постели.

Парна с любовью посмотрел на сына, как бы одобряя его смелость. Панта же сказала мальчику с укором:

— Ты чего не спишь, Гури, тебе же завтра в школу идти! — Она подошла к постели сына и села у его изголовья.

— Ты забыла, мама, завтра вербное воскресенье, я не иду в школу. Уж очень рано ты меня уложила!

— Ну, ладно, сынок, замолчи! Если хочешь, послушай еще немножко.

Вамех продолжал полулежать в глубокой задумчивости. Казалось, он обдумывал и взвешивал значение событий, о которых рассказывал Тайя. Многие из услышанного было для него новостью. В газетах не сообщалось ничего, кроме официальной хроники, а так называемое общественное мнение, питавшееся сплетнями, искаженно изображало действия батумских рабочих. В рассказе же Тайи события эти предстали в совершенно ином свете. У Вамеха даже вырвалось:

— Гроза разразится! Великая гроза!

Когда Тайя рассказал, как батумские рабочие схватились с царскими войсками и полицией, Манча, сидевший все время молча, вскочил и воскликнул с жаром:

— Ох, проклятье! Где я был тогда? При мне ничего такого в Батуми не происходило. Как же! Стал бы я дожидаться других! Спрятался бы в засаду и этого генерала Дрягина прикончил на месте!

— Ах! Ты опять за свое, за террор! — усмехнулся Тайя. — Да обстоятельства нынче не те. Теперь мы уже хорошо понимаем — террором дела не выправишь! Убьешь одного, на его место посадят другого, такого же изверга, а все останется, как было: гнет не уничтожится, равенство не установится, народ по-прежнему останется бесправным.

Слова Тайи заставили Манчу призадуматься.

— А по-моему, убивая этих тузов, мы устрашаем правительство, капиталистов. Да и народ вздохнет свободней.

Беседовали долго. Вамех, очнувшись от задумчивости, сказал:

— Пора уже тебе отказаться от разбоя, Манча. А дел тебе предстоит очень много, но уже других, иного характера.

— Дядя правду говорит, — поддержал Вамеха Тайя, — нам сейчас надо действовать не в одиночку, а общими силами наступать на самодержавие. В этом сейчас наша задача, и тут ты многое можешь сделать, Манча.

Доводы Вамеха и Тайи, видимо, сильно подействовали на Джгереная. Он решительно заявил:

— Прикажете, я готов! Жизни не пожалею для общего дела!

— Да, да, чтоб добиться свободы, надо постоянно общаться с народом, надо готовить людей. Сначала маленький кружок — не следует гоняться за количеством. Это придет само собой. Так работает батумский руководитель, так работает Саша Цулукидзе в Кутаиси. С них и надо брать пример, — сказал Тайя.

Манча выпрямился, перекинул ружье через плечо и, отыскав глазами бурку, спросил Вамеха:

— Который час?

Вамех достал карманные часы.

— Четыре!

— Ого, скоро рассвет — мне надо уходить.

Никто не стал задерживать Манчу. Только Панта беспокойно засуетилась по комнате, ища что-то. Вскоре она вытащила из-под тахты туго набитый портфель.

— Ох, а о нем-то я совсем позабыл! — воскликнул Манча с веселым смехом.

— А что это? — спросил Вамех. — Книжки с собой носишь?

— Нет, не книжки!

— Я спрашиваю потому, что... видишь-ли, над тобой подсмеиваются: «Что он за абрек, книжки таскает в сумке!».

— Это не сумка, это портфель судебного пристава.

— Судебного пристава? Евтихия?

— Ну да. Сегодня под вечер я подстерег его у Менджи-Робу — его и Бандзги. Бандзги сдал мне оружие и деньги, а Евтихий — свой портфель.

— Вот, дай бог тебе здоровья! — воскликнул обрадованный Парна. — Молодец, что скрутил Бандзги! Ему-то уж нельзя давать спуску — вся деревня от него стонет. Да разве одна наша деревня? Он дает деньги взаймы, а потом шкуру сдирает с бедных крестьян.

— Знаю — это пиявка, кровосос!

— Ох, хорошо, что прижал его! — вырвалось у Парны. — Мир и упо-
коение твоему родителю! Ну, а портфель на что тебе?

— Портфель-то и есть самое главное.

— Я видел сегодня вечером Евтихия у Нектарины, уже, видно, после нападения. Но он ни о чем даже не обмолвился, — заметил Вамех.

— А хоть бы и обмолвился, что он со мной сделает? Откуда ему знать, где я скрываюсь?

— Да, но Бандзги, Гутати?

— Бандзги не знает, что я бываю у Парны, да и Гутати не может знать, что я сегодня здесь. Вы же говорите: Евтихий никому ничего не сказал.

— Да, он все время был с нами, никуда от гостей не отходил. Повторяю, вряд ли он кому что сказал! Иначе мы знали бы об ограблении.

— Я слышал, он порядочный человек, — заметил Парна. — Дай бог ему здоровья за то, что не выдал. А то Гутати мог бы заподозрить, что Манча...

Вамех укоризненно качал головой.

— Не годится так, Манча. Пусть этот случай послужит тебе уроком. После нашей беседы надо быть особенно осторожным.

Лицо Манчи стало серьезным.

— Слушаюсь, уважаемый Вамех! Будьте уверены, приму меры. Ну, прощайте! — И Манча быстро направился к двери.

— А портфель оставляешь? — крикнул ему вслед Парна, но Манча, не оборачиваясь, сказал:

— Достань все бумаги и изорви в клочки.

Парна бросил портфель на тахту, побежал вслед за Манчей во двор. У столба, под высоким кукурузным амбаром стоял нерасседланный Кескенджи. Парна ласково потрепал коня по круто изогнутой шее и подвел к хозяину.

— Скакун у тебя на славу — под стать хозяину.

Манча ничего не ответил, вскочил в седло, быстро повернул своего Кескенджи и исчез во мраке ночи — ни дать ни взять руставелевский Тариэл!

Тайя раскрыл портфель судебного пристава. В нем оказались приговоры сенатского суда «...именем его Императорского Величества», исполнительные листы, векселя и фамилии должников.

— Гм, гм! Сколько слез скрыто за этими, как будто невинными, бумагами! О какой только нужде и страданиях не говорят они, — с горечью сказал Тайя, откладывая в сторону целую пачку. — Ты видишь, дядя, большая часть бумаг в самом деле в пользу Бандзги составлена.

— Еще бы! Разве сам Бандзги не есть порождение социальной несправедливости?

Вошел Парна. При виде бумаг он спросил:

— Что же в портфеле оказалось, уважаемый Вамех?

Тайя с улыбкой ответил:

— Тут перечислены все должники твоего Бандзги!

— Моего? Чур меня! А все же, кто они?

— Кто? Да... Бошиа Кварцхава из Намколоу.

— Знаю, очень нуждается, бедняга!

— Гудза Ломая.

— И этот мне знаком, тоже не из благоденствующих.

— Отиа Циргава.

— Ох, несчастный, отец малых ребят!

— Утутиа Давитая из Бертеми.

— Уйме, уйме! — с горечью воскликнула Панта. — Мы же его толь-

ко похоронили, что же этот негодяй Бандзги возьмет с бедных сирот и вдовы? Что там описывать, когда в доме пусто, хоть шаром покати!

— А вы знаете, что выкидывает этот изверг Бандзги? Он, говорят, прячется.

— От кого? — удивился Тайя.

— От своих должников!

— Как так?

— А так: скажем, принес должник взятые деньги в срок, хочет расплатиться. Но Бандзги дома нет, ни сегодня, ни завтра — целую неделю. Просрочил должник, а потом изволь платить вдвое, втрое, вчетверо. Так вот и дерет шкуру с людей.

— Спаси бог нашего ближнего от этого Бандзги! — сказала с горечью Панта.

— А, собственно, эта проделка — только шутка, озорство со стороны Манчи, — улыбнулся Вамех.

Парна и Тайя пристально посмотрели на него:

— Почему шутка?

— Да ведь немногого таким способом добьешься! Ростовщик возобновит свои дела, возьмет новые исполнительные листы...

— Но хоть на короткое время, да вставлены палки в колеса Бандзги и ему подобных. И Манча насолил-таки ему, отвел малость душу, — попытался оправдать Манчу Тайя.

Вамех улыбнулся:

— Насчет души — пожалуй. А так это похоже на те террористические действия, которые ты только что осуждал. Разве таким способом уничтожишь нужду? Или тех же ростовщиков?

— Это, конечно, так, дядя! Я понимаю, что социальное зло надо уничтожить в корне. Тогда само собой отпадет и такое, сравнительно, меньшее зло, как...

— Верно, верно, — вмешался в разговор Парна, — разве не об этом мы говорили целую ночь? Но вот тут векселя. Если мы уничтожим и их, как же ростовщик сможет возобновить дела? Я слышал, что по нынешним законам в денежных делах свидетели не имеют силы.

— Ты прав, Парна, но там, кажется, не все векселя.

— А я все же выполню наказ Манчи, но только не разорву их, а лучше сюда брошу, — и Парна кинул в огонь весь ворох бумаг, добавив: — Пусть сгорит и испепелится все, что порождено обманом и несправедливостью для угнетения народа!

Вамех и Тайя, услышав эти патетические слова, весело улыбнулись. Да и у Гури с Пантой стало веселее на душе при виде ярко вспыхнувших исполнительных листов и векселей.

ПРИТОК

Цибедуль!

Я не помню, в чьем лице ты мне являлась в те времена, о которых я собираюсь рассказать, вернее, я мог бы восстановить его в своей памяти, но не надо имен!

Кому и что бы это дало?

Важнее всего, что это была ты, и не все ли равно, какое имя ты тогда носила?

Я только-только вступал на жизненное поприще. И, насколько мне помнится, это было мое первое знакомство с женщиной.

О, молодость, незабываемая юность! Какими дивными грезами озарены даже ошибки в твоих деяниях!

Как кружится голова, когда, не размышляя, воображаешь, что ты обрел счастье. Кажется, что лучше, добродетельнее и милосерднее тебя нет никого на свете, что один ты испытываешь такие высокие чувства.

И я любил, был увлечен. Увлечен? Да нет — я утопал в блаженстве. И моим идолом было искусство, был театр.

Я готовился к самоотверженному служению искусству.

А вокруг разворачивались события. Народ волновался, народ поднимался, правда, пока еще неуверенно — то здесь, то там, но наблюдательный человек понимал, что за этой легкой, казалось бы, зыбью последует возмущение больших и ярых волн.

Будет буря — мы поспорим
И поборемся мы с ней.

Но последуем за моим повествованием.

13.

Настало вербное воскресенье. В одиннадцать часов утра в дворовой церкви княгини Нектарины зазвонил колокол — священник Тэдорэ оповещал народ о начале службы.

Церковь, выстроенная еще во времена известного предка Гвиргвилиани, как его называли, «великого» Отиа, была сложена из редкого голубого камня, добывавшегося в бертемских каменоломнях, которые впоследствии были заброшены. Иностранцы, увидев изящную церковку, оценили по достоинству как самую постройку, так и материал, из которого она сложена. Они не могли лишь понять, почему княгиня, имея под боком такой ценный камень, не использовала его для постройки своего дома. Им объяснили, что в Мегрелии из-за сырости жилые дома строят из дерева. Объяснение мало убедило иностранцев, и они продолжали удивленно покачивать головами. Зато Барам, присутствовавший при беседе, решил построить себе дом из этого камня. В свое время, отделившись от братьев, он поселился в маленьком деревянном домике. Теперь, надеясь, что на его долю выпадет значительный куш от арендных платежей иностранцев, Барам решил, наконец, осуществить свое давнишнее желание.

У отца Тэдорэ было хорошее настроение: он узнал, что после обедни ему предстоит крестить и что крестным отцом приглашен Леварси Квининиа. Сегодня после обеда Леварси собирался вместе с иностранцами в селение Нухунуу, имение князей Пагава, чтобы осмотреть марганцевые месторождения. Поэтому он попросил священника совершить крещение утром и именно в церкви: это избавляло родителей ребенка от излишних расходов.

«Леварси умный человек, знает, что делает! — обрадовался поп. — Уж мне-то перепадет изрядная доля!».

Народ собрался. Пожаловали и помещики во главе с княгиней Нектариной. Она и баронесса прошли за перила, на женскую половину церкви, пропустив вперед девушек — Дагмару, Марину и Толисквами. Мужчины расположились впереди. По правую сторону встали князь Пагава, иностранцы и Волков. Барам и Беги вместе с братом Гутати — Бату, своим сверстником, превосходным певчим, направились к клиросу. Крестьяне стали по левую сторону. Часть их, оставшаяся во дворе, выстроилась вдоль внешней стены, как бы выполняя необходимый долг, так как бормотание попа не достигало их слуха.

Но вот раздались красивые мелодичные песнопения. В этих звуках слышалась порой жалобная мольба. Однако от всего строя церковных

гимнов веяло независимым, гордым духом человека. Иные фиоритуры очень напоминали светские песни. Гимны размягчали слушателей и одновременно вселяли в их души надежду на лучшее будущее.

Грузинская церковь, как и все церкви вообще, на протяжении веков одурманивала народ. Искусными песнопениями попы старались заставить слушателей позабыть все невзгоды и лишения жизни и надеяться на вечное блаженство в раю.

Барам, Беги и Бату пели прекрасно. И отец Тэдорэ, бывало, не раз говорил: «Будь у меня всегда такие певчие на клиросе, как братья Гвиргвилиани, прихода более усердного, чем мой, не было бы во всей Мегрелии».

Иностранцы с удивлением слушали необычное для них пение и выстояли всю службу в почтительном молчании. Волков же с трудом вытерпел пол-обедни, а потом решительно направился к выходу. За ним последовали оба князя Пагава, чтобы почетному гостю не скучно было ожидать одному конца службы. Волков, принимая эту учтивость как должное, вступил с князьями в беседу, спросил, далеко ли до их имения, не были ли в этих местах обследованы месторождения каменного угля. Беседуя, он угощал князей папиросами из своего серебряного портсигара.

Обедня закончилась. Священник стал благословлять народ, подходивший сначала к кресту, а потом к руке священника. Первыми подошли Нектарина и баронесса. Дагмара, Толисквами и Марина не тронулись с места, иностранцы лишь издали склонили головы и вышли из церкви. Не приложившись к кресту, вышел из бокового притвора и Беги.

Потом двинулись к кресту крестьяне. Когда все ушли, в церкви остались только священник, псаломщик, Бату и Барам. Отец Тэдорэ выжидающе посмотрел на Барама, тот подошел, поцеловал крест, потом сказал со смеющимися глазами:

— Сам знаешь, отец Тэдорэ, я тебе руку не поцелую. То есть, извини, не приложусь! Ах, чтоб тебе пропасть! Помнишь, ты еще не был священником...

Дьякон вдруг фыркнул. Уж он-то хорошо знал всю подноготную своего попа! Недаром в народе дьяконов называют «грызунами Христовой пяты», то есть каверзниками.

У самого Тэдорэ щеки надулись от сдерживаемого смеха, но он кинул грозный взгляд на дьякона, а Бараму бросил:

— Где ты об этом вспоминаешь, пакостник! — и повернулся к алтарю.

Нектарина вышла из церкви, ее тотчас же окружили. Сначала подошли гости — князя Пагава — и поцеловали ей руку, потом приблизились крестьянки; крестьяне же, став поодаль, низко ей поклонились. Нектарина справилась у князей о здоровьи, сказала несколько приветливых слов крестьянкам и, увидев, что в церковь заносят купель, повернулась к Леварси:

— Ну, Леварси, теперь очередь за тобой! Извини, что не могу присутствовать на крестинах, но не заставляй себя ждать, сам знаешь, гости торопятся.

Леварси покорно склонил голову. А Нектарина вместе с гостями отправилась домой.

Один из иностранцев, окружавших баронессу, сказал:

— Что ни говорите, а религия имеет большое значение для народа. Во-первых, человек верит во что-то... И это хорошо. Далее — во время богослужения он стоит с благоговением в душе, обособленный от всех, целый час, а то и больше. Это дисциплинирует, заставляет человека заглянуть в свою душу, очиститься от грехов.

— Вы католик? — спросила Рябинина.

— Да, католик, но я бы не сказал, что ортодоксальный.

— А мне кажется, — заговорила со свойственной ей живостью Рябинина, — религия это дело совести. Все, что проповедают люди духовного сословия, диктуется мне моей совестью. Впрочем, у нас только разный язык, а по сути мы подразумеваем одно и то же. Например, то, что мы называем временем, они называют вечностью; говорят о небе, а получается так, что описывают землю, и все те существа, которых они считают божественными, обладают человеческими свойствами. Только голову морочат нас выдумками!

Баронесса посмотрела на Рябинину с дружеским укором, но девушку это несколько не смутило.

— Пора уже восстать против этой лжи! — продолжала Марина. — Большинству людей она приносит только горе и несчастья.

— Ах, Марина, Марина, ты у меня неисправимая атеистка! — И баронесса ласково обняла девушку.

— А мне их пение не понравилось! — воскликнул за ее спиной Волков.

Марина незаметно высвободилась из объятий баронессы.

— Вы что, господин Волков, опять за свое? — и посмотрела на него в упор своими светлыми глазами.

— Да нет, я так. Мне вспомнились наши славянские гласы...

— Это верно, наше церковное пение славится!

— Ну да, наше... Или взять хотя бы католический орган, не правда ли, сударь? — обратился Волков к иностранцу. Тот не сразу, но все же высказал свое мнение:

— Нет... Да. Но представьте, все же в их пении, которое вначале мне резало ухо, я нахожу что-то возвышенное. Они, несомненно, имеют свой собственный язык, своеобразное выражение божественных настроений.

— А вы какого мнения? — спросил Волков другого, почти все время безмолвствовавшего иностранца.

— В псалме говорится: «Всяка душа да хвалит Господа», — ответил иностранец, и до слуха Волкова донесся едва слышный смешок.

В зале был накрыт стол. Нектарина пригласила уезжающих к завтраку и сама, как хозяйка, села в центре стола; остальные женщины, не желая задерживать торопившихся гостей, разошлись по комнатам.

Стол был обильно уставлен рыбными и постными блюдами: молодой крапивой, шпинатом, свеклой, заправленной орехом, ароматной зеленью. К столу был подан маринад: целые снопы лука, сельдерея, ботва, джонджоли¹, сдобренные перцем и пряностями, — для возбуждения аппетита. Лобио было представлено в разнообразнейшем виде: зеленое стручковое, розовое гурийское и мелкое красное, приготовленное то цельным бобом и заправленное уксусом, луком и орехом, то в виде размазни — «амолесили», — или фрикаделек под соусом; и, наконец, краса всех бобовых — крупный горох в зеленом мундире. Вместо десерта подали тонкие, длинные джанджухи², сухую виноградную пастилу и шарики бобового теста, замешанного на меду.

Нектарина извинилась перед гостями за постный завтрак.

— Но в страстную неделю, — добавила она, — даже неверующие воздерживаются у нас от скоромного.

¹ Джонджоли — маринованные молодые побеги с цветами дерева, также называемого «джонджоли».

² Джанджухи — лакомство, приготовляемое из ореха и виноградного сока.

Один из иностранцев любезно похвалил необыкновенно вкусные и приятные на вид блюда.

В это время подошли и сели за стол отец Тэдорэ и Леварси.

Гутати, взяв в руки маленький рог, провозгласил тост за иностранных гостей и князей Пагава, пожелал обеим сторонам успешного завершения дела, потом передал рог старшему из князей Пагава—Гудже. Тот осушил сосуд и передал его Евтихию, Евтихий — Леварси. Таким образом рог, хоть раз, да обошел всех сидевших за столом. Наконец, снова встал Гуджа Пагава. Он пожелал благополучия и счастья княгине, всему роду Гвиргвилиани и, пригубив рог, извинился — дело-де требует спешки и волей-неволей приходится покинуть приятное общество.

Гутати тотчас же нашелся:

— Если бы не дело, княгиня ни за что бы не отпустила дорогих гостей так скоро.

Нектарина бросила на Гутати признательный взгляд, как бы благодаря его за кстати сказанное слово.

Гости простились с хозяевами. Барам, Беги и Гутати проводили их во двор, а княгиня вышла на балкон. Лошади были уже поданы. Стал прощаться и Евтихий, торопившийся в Сенаки. Нектарина сказала ему на прощанье:

— Я знаю, сын мой, ты добрая душа, не любишь беспокоить людей зря.

— Что вы, княгиня, как можно!

— Я понимаю, это долг службы, ничего не поделаешь. Но если тебе когда-нибудь придется пожаловать ко мне насчет долгов, то предупреди, больше не падай, как сокол на голову! — И княгиня кротко улыбнулась.

Евтихий даже покраснел.

— О, сударыня, не то что сокол...

— Нет, это так, к слову пришлось. Долгов я не терплю и никогда до суда не доведу дела. А все же этот негодный Бандзги меня немного беспокоит. Впрочем, кого он не беспокоит?

— Да, да, суетлив не в меру.

— Так вот, сын мой, помни, в случае чего — дай знать заранее. Не иначе!

— Будьте здоровы, княгиня, избави вас бог от всякого беспокойства!

— Так, так, — и княгиня протянула Евтихию руку. Он почтительно пожал ее и сбежал с лестницы.

Потом Нектарина обратилась к священнику:

— Теперь, Тэдорэ, дело за тобой! С завтрашнего дня изволь готовить нас к причастию.

— Слушаюсь, но как быть с усопшим, который будет покоиться у нас в церкви?

— С каким усопшим?

— Вамех приказал положить бедного Иосэ до похорон в церкви вашей милости.

Нектарина призадумалась, потом сказала:

— Правильно распорядился. Это избавит от расходов семью бедняги. Но до четверга еще далеко. А если похоронить его во вторник? Он ведь вчера утонул? Ко вторнику как раз и будет три дня. Нас причастишь в четверг.

В это время княгиня заметила, что в ворота вошла какая-то женщина, вся в черном. Рядом с ней шел мальчик.

— Ах! Кесария — золовка моя, сестра Барамы и Беги! Вот принесло окаянную!

Тэдорэ подтвердил:

ина была явно взволнована: надо же было этой Кесарии при-
тащиться именно к пасхе, да еще со своим незаконным сынком!

— Дзилхана, Дзилхана! — громко позвала Нектарина.

Старуха вскоре явилась.

— Дзилхана, там пожаловала Кесария, «гордость нашей семьи». Ну, сама знаешь. Ходи за ней по пятам, не оставляй ее ни на минуту. Она ведь нечиста на руку, не прихватила бы с собой чего-нибудь. На ночь уложи ее у себя, и нигде в другом месте, слышишь?

Тэдорэ нисколько не был удивлен тем, что Нектарина расстроилась из-за появления золовки. Он отлично понял, какую ненависть и презрение выражали слова княгини, особенно «пожаловала» и «гордость нашей семьи». Не удивился он потому, что отношения между невесткой и золовкой были давно всем известны. Одно время княгиня даже не впускала в дом «опозоренную» золовку. А опозоренной Кесария считалась потому, что, влюбившись в одного приезжего крестьянина, невенчанная, родила от него сына. Тэдорэ помнит и то, как любимый девушкой крестьянин навсегда покинул Бертеми. Кесария была изгнана из семьи и родила в отдаленной деревне, у кого-то из свойственников. Много писем писала Кесария своему милому, даже подослала к нему посредников, но он оказался бездушным человеком и не удостоил ее ответа. Кесария осталась совершенно одинокой. Дома ее не принимали братья, а Нектарина так и имени ее не хотела слышать.

Кесария долгое время находилась в безвыходном положении, но потом, опять-таки с помощью добрых людей, уехала в Кутаиси и поселилась в семье одного бертемского сельчанина, занимавшегося извозом. Говорят, первое время она намеревалась оставить сына на воспитание этой добросердечной семье и уйти в монастырь. Но молодость и красота взяли верх — Кесария не нашла в себе силы отказаться от радостей жизни.

Прошли годы. Много переменилось за это время в обществе. Участились случаи браков между крестьянами и князьями — они уже не считались столь постыдными, как прежде. Возвратился с каторги Вамех и уговорил братьев и невестку простить золовку. Потом в один прекрасный день он вызвал Кесарию из Кутаиси, и она приехала к своим на побывку.

Нектарина встретила грешницу сурово. Но для Кесарии теперь открылся доступ в семью, она могла хоть изредка посещать родные места. На этот раз Кесария приехала домой с подросшим сыном.

Нектарина снова повторила старой няне свой наказ относительно золовки, потом обратилась к священнику:

— Ну, так вот, отец, — с завтрашнего дня начинаем говеть. Но имей в виду, не допускай, чтобы мы молились сидя, не сокращай молебствий, не смазывай, как ты умеешь! Ха-ха-ха! Нетерпелив ты, батюшка, слишком нетерпелив! — И она глянула священнику в глаза. Глянула — и вздрогнула от неожиданности. Станным показалось ей выражение глаз Тэдорэ. В нем не было ничего духовного, ничего от поста и молитвы.

«Что он смотрит, этот долгорясыый, — подумала Нектарина, — чего ему нужно от меня?». — И она отвернулась, но по сердцу у нее все же скользнуло: «Значит, пока еще... пока еще действует моя красота». Потом с совершенно серьезным видом спросила:

— Правда, что покойник на страстной неделе непременно попадет в рай?

У Тэдорэ, казалось, кружилась голова, он с трудом пролепетал:

— Чего изволите?

— Говорят, если на страстной неделе умрет человек, то для него откроются двери рая?

— Да, так говорят.

— Счастлив, значит, бедный Иосэ!

Между тем гости садились на лошадей. Хозяева суетились, особенно вокруг иностранцев: проверяли седла, подпруги, переседывая при малейшем неудобстве лошадей. А время не ждало. Иностранцы нервничали. Один лишь Волков держался молодцом. Он ловко вскочил на коня и глядел на всех победителем. Бывший гвардеец был очень доволен тем, что ему достался горячий вороной, беспокойно гарцевавший под ним. Всадник умелой рукой натягивал узду, заставляя своего скакуна изгибать шею дугой, и при этом озирался по сторонам, стараясь попасться на глаза женщинам.

Гутати настоятельно просил Леварси, уезжавшего с гостями:

— Если не в ближайшие три-четыре дня, то хоть к пасхе непременно возвращайся с гостями. Они еще не осмотрели, как следует, даже Менджи-Робу. Уж вы, уважаемый Гуджа, не спорьте, — повернулся Гутати к князю Пагава. — Ваше хлебосольство всем хорошо известно, но клянусь вам, мы препроводим их обратно в Бандзу сейчас же после Красной горки. Возможно, и я сумею приехать...

— Да, да, вся надежда на тебя, Гутати! Очень ты расторопный малый! — И князь Гуджа, обернувшись к братьям Гвиргвилиани, шутливо указал им взглядом на Гутати: — Чем он хуже вас, этот сукин сын? — И уже перейдя на дружественный тон, добавил: — Ну, разве он не истый Гвиргвилиани?

Барам сделал вид, что не понял намека, и ответил простодушно:

— Он и принят у нас за брата!

Леварси шепнул Гутати:

— Надеюсь, встретишь меня доброй вестью...

Гутати молча кивнул головой.

В это время подошла Кесария. Ее встретили равнодушно и с гостями не познакомили. Но Волков уже не отводил от молодой женщины глаз. Та заметила его пристальный взгляд и не отошла от гостей до тех пор, пока не посадили всех иностранцев.

Гости выехали за ворота.

Кесария с ребенком направилась к балкону. Черная одежда особенно подчеркивала белизну ее кожи. Маленький рот и изогнутые черные брови ярко выделялись на лице. Сероватые глаза, опущенные длинными ресницами и изменчивые, как морская зыбь, были полны неизъяснимой прелести. Но красота молодой женщины как-то меркла от преувеличенной робости манер, граничившей с самоунижением. И, в самом деле, здороваясь с княгиней, Кесария держалась очень жалко. Сначала она низко поклонилась ей издали, потом, подойдя, поцеловала в плечо и приложилась к руке. Нектарина даже не шелохнулась, принимая низкие поклоны золовки, но все же сочла нужным холодно спросить ее:

— Как живешь, что поделываешь, Кесария?

— Что я могу делать, в черный день породил меня господь! Дышу. Когда бы не сын, мне и жить не стоило бы на свете!

Тэдорэ и Нектарина посмотрели на ребенка. Это был коренастый мальчуган, выглядевший старше своих лет, с диким, сверкающим из-под бровей взглядом. Он стоял, вобрав голову в плечи.

Нектарина бросила неумолимо-холодно:

— Что — он горбатый?

Услышав эти слова, Кесария побледнела. Казалось, она вот-вот

потеряет сознание. Глаза ее, обращенные к Нектарине, были полны такой мольбы, так просили не говорить при мальчике этих слов, что ее пожалел бы каждый. Она даже протянула руки к невестке, словно раждающая сына, прося пощадить его.

Нектарина, делая вид, что не замечает ее движения, продолжала:

— Урода родила, несчастная!

Кесария замерла. Ребенок же бросил на Нектарину взгляд, полный такой ненависти, что даже Тэдорэ вздрогнул. Нектарина ничего не заметила, но как бы желая смягчить свою резкость, принялась утешать золовку:

— Но разрез глаз — чисто гвиргвилиановский.

— Нет!—вдруг отрезал мальчик и повернулся спиной к Нектарине.

— Как? Ты не хочешь быть Гвиргвилиани? — спросила княгиня менее сурово.

Ребенок не обернулся и, будто про себя, резко отчеканил:

— Я — Чаа!

Тэдорэ вспомнил, что соблазнитель Кесарии носил фамилию Чаа, но откуда это стало известно мальчику? Неужто мать все сказала ему? И он знает, что он незаконнорожденный?

На балкон вышла баронесса и остановилась в замешательстве. Нектарина холодно произнесла:

— Кесария, сестра Барама и Беги и моя золовка.

Баронесса учтиво протянула Кесарии руку:

— Это ваш сын?

— Да, сударыня!

— Здравствуй, мальчик!

Мальчуган, не оборачиваясь, отошел еще дальше.

— Какой, однако, недотрога! — с сожалением сказала баронесса.

Мальчик, поняв, что слова относились к нему, воскликнул:

— Я такой!

— Ого, — удивилась баронесса.

Кесария же стала журить сына:

— Что с тобой, Иеротеос?

— Как, как? — снова изумилась баронесса. — Удивительное имя!

— Не знаю, ваша милость, при крещении так ему вышло в часо-слове. Священник и назвал: «Иеротеос». Всем трудно выговорить это имя, но я уже привыкла. Он иногда, бывает, заупрямится, а так он добрый мальчик и очень способный.

— Мама! — недовольно крикнул Иеротеос.

Кесария вынула из кармана запечатанный конверт и передала его Нектарине.

Священник Тэдорэ, улучив минуту, простился и уехал.

— Из Кутаиси, от жены кондитера Саникиа, — сказала Кесария.

— А-а, моя Саломэ! Почему же она не прислала Тайю на каникулы?

— Не могу знать. В письме, наверное, все сказано!

На балкон выбежала Дзилхана:

— Барыня, барыня! Разносчик Бенойа пришел!

— Отлично, проводи его на задний балкон! Я сейчас приду.

— О Бенойа! — с преувеличенной радостью произнесла баронесса. — Прекрасно! Теперь твой зал будет убран по моему вкусу, — с улыбкой сказала она сестре и торопливо ушла во внутренние комнаты.

— Разрешите и мне выйти на задний балкон? — спросила Кесария.

Нектарина сказала взглядом Дзилхане: «Не забудь, что я тебе приказала» и распорядилась:

— Проводи!

Приехав в Бертеми, Бенойа прежде всего наведалься к вдове и сиротам Утутии Давитая.

Удивительный человек был Бенойа. Он совсем не походил на обычных торговцев мелким товаром. Странно было видеть этого рослого, красивого мужчину верхом на вьючной лошади, продававшего ситец, миткаль и разную галантерею. Об этом ему говорили не раз.

— Что правда, то правда, — отшучивался он, — мне б скорее подошло быть князем, да я еврей и не получается что-то... с княжением.

Но более всего привлекал людей в Бенойе его характер — открытый, прямой, почти лишенный торгашеской жадности. Едва он с неизменно веселым лицом появлялся на проселке, как первые же встречные разносили по селу весть о приезде Бенойи. Жизнерадостный торговец видел, что приносит с собой веселье и оживление, и верил, что с каждым аршином проданной материи дарил людям счастье. Оттого он и бывал всегда так весел и шумно-говорлив.

Любили сельчане Бенойю и за то, что не был он сквалыгой, не торговался за каждый грош. Щедро давал товар и в кредит. Если должник не мог уплатить деньгами, Бенойа брал у него кукурузу, а особо нуждающимся отодвигал срок платежа.

Очень благоволил к разносчику и Барам Гвиргвилиани. «Легче встретить белую ворону, чем купца, похожего на Бенойю», — говаривал Барам. Он любил побеседовать с торговцем, приносящим с собой самые свежие новости. За это его жаловали и деревенские женщины, падкие до разных слухов.

Развернув перед покупательницами свертки веселого, пестрого ситца, выложив из короба гребешки и шпильки, ленту и тесьму, Бенойа сообщал среди делового разговора:

— Слыхали? Дочка Коршии вышла замуж в село Ушапати... А Гудзу, того, что был арестован в Накалакеви, ведь сослали в Сибирь, беднягу...

Своей святой обязанностью Бенойа считал посещение сирот и вдов. Вот и сейчас, приехав в Бертеми, он первым делом навестил семью бедняка Давитая. Ему хотелось порадовать чем-либо его детей в канун праздника пасхи.

Подъехав к калитке, торговец увидел на балкончике смуглолицую девушку, подметавшую пол.

— Чела, а Чела! — окликнул ее Бенойа. — Мама твоя дома?

— Дома, — отозвалась девушка, — только скоро уходит на панихиду.

— Куда это? Кто умер? — И разносчик, въехав во двор, подогнал лошадь к самому балкону.

— Кто? Иосэ Хубуная, рыбак.

— Ой, бедняга! Когда же?

— Вчера вечером.

— Скажи мне, а торговец Элойа не был у вас тут на днях? — спросил Бенойа, проворно слезая с лошади.

— Нет, не был. — Чела улыбнулась, сверкнув ровным рядом ослепительных зубов, и добавила: — А мы вас предпочитаем...

— Ишь, вострушка, в карман за словом не полезет! И подросла как — совсем девица. Эх, вера не разрешает, а то бы взял тебя в невестки. Сын у меня дома такой, что...

— Ой, что вы, что вы! — всплеснула руками девушка.

— Кто это? С кем ты разговариваешь, Чела? — слышался из дому голос, и на балкон вышла женщина в желтом холщовом платье.

Желтый холст надевали в Мегрелии в знак глубокого траура по умершему, и лишь сорок дней спустя его заменяли черной одеждой.

На это и обратил внимание Бенойа.

— Ты что же все еще в желтом? — спросил он женщину. — Уже, поди, пять-шесть месяцев прошло, как скончался твой муж. Не полагается носить столько времени желтое.

— Это у богатых так, а нам, беднякам, нечем и сменить желтый холст.

— Брось ты его, у меня тут черная ткань—загляденье! На вот, возьми!

— Да как же взять, на какие средства, Бенойа?

— Ничего, ничего, бери товар, а бог милосерден, не оставит тебя. —

И торговец снял с седла два свертка.

— Зря достаешь, Бенойа, клянусь, у меня ни гроша!

— Урожай-то ведь соберешь, ну и отдашь мне кукурузой.

Вдова принялась молча, внимательно разглядывать товар. А Чела, вся трепеща, смотрела на разложенные перед ней заманчивые вещи.

Бенойа стал отмеривать черную ткань.

— Сколько тебе? Материя широкая, четыре аршина будет как раз.

Вдова сделала еще одну попытку отказаться, но, наконец, сдалась.

— А ты, девица, погляди сюда. — И торговец, раскрыв свой короб, достал нитку желтоватых стеклярусных бус.— Возьми, надень на шею!

Чела посмотрела на мать, та молчала, как бы колеблясь.

Но Бенойа все же надел девушке на шею бусы.

Чела хоть и старалась не выдать своих чувств, но вся покраснела, и радость засветилась в ее глазах. А глаза у Челы были гордые, независимые. Но сейчас ее гордость словно растворилась в девичьей стыдливости. Смуглая была Чела, но миловидна, стройна, с уже определившейся высокой грудью. Бенойа не сводил с девушки глаз: он любовался ею, как знаток красоты любит произведением искусства.

— Глянь-ка, сватья, как ей бусы к лицу! — воскликнул Бенойа, повернувшись к вдове.

Та поглядела на дочку и ласково улыбнулась.

В это время калитку приоткрыл брат Челы Микэ. Он держал в руке маленькую корзину с рыбой. Бенойа еще издали приветствовал его:

— Столпу семьи — привет и уважение!

— А! Бенойа пришел, значит — влезем в долги, — сказал юноша с добродушной улыбкой.

— Да, да,— с сожалением произнесла вдова, положив перед сыном отрез материи.

— Нет, ты это хорошо сделала, мама. Пусть он и мне отрежет на архалук. А это что? — спросил Микэ, увидев бусы на шее сестры.

Чела смутилась, но Микэ ласково потрепал ее по плечу. Он был добрый юноша и ничего не жалел для своих.

— И это хорошо. А то что же — одним княжеским дочкам носить украшения? Мы что — не люди что ли? Не бойся, Чела, скоро все будем равны.

Бенойа подмигнул вдове:

— Смотри, какой он, твой Микэ!..

— Ну и что в этом худого? — тихо, но внятно проговорила Чела.

Торговец удивленно уставился на девушку, однако ничего не сказал.

— Тайя не проснулся? — спросил у матери Микэ.

— Куда ему, он на заре вернулся!

— Какой это Тайя? — любопытствовал разносчик.

— Известно, какой: наш молодой князь, — ответила вдова, удивленная вопросом торговца.

— А почему он здесь? Не мог он остановиться у своей тетушки Нектарины?

— Не знаю, родимый, приехал сюда на пасху, а к своим еще и не заглянул.

— Так он у вас все время? Эге, берегись, сватушка, он молодой князь, а у тебя невеста в доме. — И Бенойа зычно расхохотался.

Но тут произошло неожиданное: Чела, поняв, на что намекает торговец, почувствовала себя страшно оскорбленной. Сорвав с шеи ожерелье, она бросила его в короб и убежала.

— Ишь, какая гордая! Чем я ее обидел? — недоумевал разносчик.

— Ты плохо знаешь мою сестру, Бенойа, — сказал Микэ. — А Тайю мы все глубоко уважаем, он не похож на других князей. Тайя мне и всем другим крестьянам — брат родной.

Бенойа принялся неторопливо убирать свой товар.

Микэ взял у него ожерелье.

— Оставь его. Бусинки не потерялись? Отмерь еще мне на архалук да сестре на рубашку.

Бенойа снова раскрыл свертки сатина и ситца, расхваливая покупателей то один, то другой образец. Выбрав товар, вдова спросила, какой за ними числится долг, и занесла покупки в дом.

В это время из двери выглянул Тайя и окликнул торговца.

Бенойа подошел к нему с просиявшим лицом.

— Доброе утро, князь! Выполню все, что прикажешь, клянусь моей верой.

Бенойа знал, что Тайя был почти единственным наследником владений князей Гвиргвилиани. Правда, юноша еще учился в гимназии, но, как совершеннолетний, полновластно распоряжался своим имуществом. Торговец решил: «Ему, видно, понадобились деньги к пасхе. А то какое же у него еще может быть дело ко мне?».

И он не ошибся. Тайя дал ему письмо к своему управляющему Бату с наказом оплатить кукурузой взятый им у Бенойи долг. Торговец согласился на эту сделку и тут же вручил Тайе нужную сумму.

Распрощавшись со всеми, Бенойа отправился в семью покойного Иосэ Хубуная, где оставил вдове необходимые для траурной одежды ткани, и уже после этого поехал в усадьбу княгини Нектарины.

ПРИТОК

Мне говорят: «Как это ты хорошо придумал — делиться мыслями со своей Цибедуль». И в самом деле, нет, кажется, ничего, о чем бы я не беседовал с тобой. Опасаюсь лишь одного — может быть, иного читателя отпугнут наши постоянные беседы. А еще страшнее, если бы и в самом романе читатель обнаружил «лишние места».

К чему, например, такие подробности, как описания церковных обрядов? Кому это нужно в наше время? Или же, скажем, длинный перечень скоромных блюд? Меня могут еще спросить, откуда я выкопал такого торговца, как Бенойа? Он же совсем не типичен, этот персонаж.

А мы, Цибедуль, на это ответим: «Посмотрим, к чему все приведет». А что касается выдумки... Нет, я тебя не выдумал, Цибедуль! Ты живешь во мне, я дышу тобой всю жизнь.

Так-то, моя Цибедуль.

15.

Тайя уселся на перила балкона и подозвал к себе Микэ и Челу.

— Я возлагаю на вас большие надежды, — сказал Тайя. — Вы уже

не дети и должны знать, что скоро наша жизнь в корне изменится — не станет больше князей, попов и жандармов, всех этих паразитов, сидящих на шее крестьян. Земли будут отобраны у помещиков, и урожай достанется тем, кто эти земли вспахал и засеял. Поняли вы, о чем я говорю?

— Понять-то поняли, но как это произойдет?! — воскликнула Чела, удивив своим неожиданным вопросом Тайю.

Тайя был убежден в том, что говорил, хотя сознавал, что слова, с которыми обращался к слушателям, были им вычитаны из книг или заимствованы у старших товарищей. Вопрос Челы не застал юношу врасплох, потому что ответ у него был готов. Но слова Челы заставили его призадуматься по другой причине: Тайя скорее мог ожидать серьезных вопросов от Микэ, чем от его сестры, которой он предполагал давать поручения полегче.

— Ты спрашиваешь, как это произойдет? — обратился Тайя к Челе. — Это совершит сам народ.

— Народ? Значит — мы?

— Да вы. Что ты удивляешься, Чела? С тобой, правда, мне еще не приходилось говорить, а вот Микэ уже хорошо все знает. Если каждый выполнит порученное ему дело, это уже будет единство, а народ, объединившись, всегда и во всем победит. Поняла?

— Да, поняла, но ведь народу нужен руководитель.

— Однако ты хорошо соображаешь, Чела! А почему ты решила, что нужен руководитель?

— Почему? — Девушка чуть задумалась. Потом сказала:

— Когда наши крестьяне работают в поле, у них всегда есть руководитель; когда идут в горы рубить лес, тоже кто-нибудь верховодит; и в семье кто-нибудь бывает главным.

Тайя посмотрел на нее с нескрываемым восхищением и спросил:

— Сколько тебе лет, Чела?

Микэ ласково обнял сестру.

— Ребенок она еще: ей всего пятнадцать лет.

Челу слова брата не смутили, она смело посмотрела в глаза Тайе, как бы говоря ему: «хоть возраст мой и невелик, а сделать я могу много».

— А тебе сколько лет? — спросил Тайя юношу.

— Мне уже двадцать, я старше Челы на целых пять лет. Она должна меня слушаться, не правда ли, Тайя?

Девушка высвободилась из объятий брата и с независимым видом отошла в сторону.

— Конечно, — сказал Тайя, — все мы должны считаться друг с другом. Ну, так вот, повторяю: вы уже не дети и вполне можете выполнить то, что вам поручат.

— Я-то расшибусь, а сделаю все, но она, — кивнул юноша на сестру, — что она может? Мала еще — молоко на губах не обсохло.

Чела надулась.

— Да к тому же она девчонка, под силу ли ей мужские дела?

Девушка вспыхнула от обиды и гордо вскинула голову, собираясь возразить брату, но Тайя опередил ее:

— Ты не прав, Микэ. Женщина — такой же человек, как и мужчина, — она может сделать много полезного. Революционеры... Что значит это слово, вы уже знаете?

— Да, конечно! — воскликнули в один голос брат и сестра.

— Революционеры как раз и хотят устроить жизнь так, чтобы мужчины и женщины были равны, пользовались одинаковыми правами.

Чела торжествующе посмотрела на брата, и тот ласково улыбнулся ей в ответ.

А Тайя стал разъяснять брату и сестре, что им нужно делать. Юноша старался говорить простым, доступным языком, избегая книжных выражений. Однако это ему мало удавалось. Он привык к беседам в гимназических кружках, к докладам и рефератам. Вообще говорить с крестьянами ему было трудно. Но тут юноше помог мегрельский язык, в котором не существовало отвлеченных научных терминов. Волей-неволей Тайе приходилось говорить проще и понятнее.

Брат и сестра должны были создать кружки: он — мужской, она — женский. За численностью на первых порах гоняться не следовало — наоборот, предполагалось производить тщательный отбор людей. Микэ и Чела сразу же поняли, что их работа потребует соблюдения тайны, сугубой осторожности. Челе также вменялось в обязанность сообщать членам кружков о времени и месте сходов и распространять прокламации.

В заключение Тайя сказал:

— Чела вот говорила о руководителе. Такими руководителями кружков в Бертеми будете вы сами.

— И-и, какие мы руководители?!—воскликнула удивленная и в то же время польщенная девушка.

— Да, да, — подтвердил Тайя, — ваши кружки составят одну из ячеек в Бертеми. Запомните хорошенько это слово: ячейка. Распоряжения из центра я буду передавать вам через Парну Бжалава. Что такое центр, вы тоже уже знаете. Во главе всех ячеек, тех, которые возникнут здесь и которые уже созданы во многих других местах, стоит человек, которого еще в Батуми прозвали «Руководителем». Он возглавляет это большое дело в Грузии и во всем Закавказье. В Закавказье входят Грузия, Армения и Азербайджан. Слышали про Баку, откуда идет к нам нефть? Это главный город Азербайджана. И во главе революционного движения всего этого края стоит тот человек, о котором я говорил. Сейчас он находится в Чиатура. Я как раз собираюсь ехать к нему. Для этого я и занял деньги у Бенойи.

— Ты сегодня едешь, Тайя? — удивился Микэ.

— Да, мне надо успеть к поезду в Абашу.

— А что мы будем делать без тебя? — спросила Чела.

— Ну как ты не понимаешь! — укоризненно воскликнул Микэ. — Будем делать то, что нам поручено.

Девушка покраснела от досады и отвернулась.

— Ты что же, уедешь, не зайдя к своим, ты же не видел их еще? — спросил Микэ.

— К своим? — переспросил Тайя, и тут же добавил твердо: — Нет, сейчас не заеду, некогда!

— Даже Толисквами не повидаешь? Хочешь, Чела сбегает и приведет ее.

— Толисквами? А что? С ней что-нибудь случилось?

— Да нет, ничего не случилось, но... вся деревня знает, что ты ее жених, и...

— Хм, жених! Это тетушка Нектарина распространяет такие слухи. Нет, мне сейчас не до этого! Впрочем, Толисквами я напишу. Ты снесешь письмо, Чела?

— Снесу, господин Тайя!

— Не зови меня господином! Господ нет, их не будет очень скоро.

— А как же мне называть вас? Моя мама зовет вас княжичем.

— Ну, это уже совсем плохо. Но старикам еще простительно, а мы люди нового поколения. Нас так и называют. Между нами полное равенство, и никаких господ!

— А как же мне называть вас, господин...

— Опять «господин»? Называй меня просто по имени, как это делает твой брат.

— Ну, этого я не посмею!

— Тогда зови меня товарищем.

— Товарищем? — уже совсем удивилась Чела.

— Ну да, все мы товарищи, а то как же! Станем товарищами... Должны стать.

Чела удивленно покачала головой, но тихонько прошептала это необычное слово: «товарищ».

— Знаешь что? — сказал Тайя Микэ. — Найди-ка двух лошадей, одну для меня, другую для себя. Проводишь меня в Абашу, а потом возвратишь лошадей хозяевам.

— А чего искать лошадей? Скажу твоему управляющему Бату — и он пригонит хоть целый табун.

— Ой, нет, нет! Я совсем забыл сказать: о моей поездке в Чиатура никто не должен знать — ни Бату, ни мои дома! Вам, я думаю, это понятно самим.

— Будь покоен, я никому не скажу, но только что случится плохого, если Бату приведет лошадей?

— Ой, нет, что ты! Он такой дотошный, этот Бату, начнет расспрашивать, куда я собрался накануне пасхи, спросит и о Толисквами. Нет, не хочу! За лошадью сходи к Пупуне Баркалая, он мне не откажет, а для себя возьми у Пиртахиа — у него, кажется, тоже имеется лошадь.

— Ладно, я обернусь в полчаса. Мама, Тайя собирается уезжать, приготовь ему закусить. А ты, Тайя, — обернулся Микэ к другу, — напиши Толисквами, жалко ее.

Тайя утвердительно кивнул ему, и Микэ торопливо вышел со двора.

Войдя в комнату, Тайя достал из портфеля бумагу, взял в руки карандаш и задумался, не зная, что написать Толисквами. Ему неожиданно вспомнились давно прочитанные письма известного русского хирурга и мыслителя Пирогова. Пирогов писал своей невесте, что поиски истины сделались величайшей целью его жизни. А истина — это основа науки. Никакое наслаждение в жизни не может сравниться с радостью, какая дается научным исследованием. «Самое главное в жизни — верно служить общественной цели, великой идее, — рассуждал Тайя. — У меня ведь тоже есть величайшая цель: служение народу, революции. Разве с этим может сравниться личная радость? Любовь? И потом — разве я люблю Толисквами? Она хорошая, чистая, к тому же неглупая, способная, и собой хороша, но люблю ли я ее? Что из того, что мне отрадно вспоминать Толисквами? Она напоминает мне о детстве — мы же вместе росли. Это то же, что воспоминание о просторном дворе и усадьбе Гвиргвилиани, об изумрудной мураве перед крыльцом, о вьющемся по ветвям деревьев винограде, которым мы лакомились каждую осень, о телятах и козлятах, резвившихся тут же, на покатоном склоне. С ними порой играли мы с Толисквами — ножки у нее самой тогда были тонкие, быстрые, как у козочки.

Потом, когда мы подросли, Толисквами как будто стала стесняться меня, почему — я не мог понять. И хотя мне было уже пятнадцать лет, я по-прежнему по-детски хватал ее за платье во время игры. Но если рука моя нечаянно касалась ее груди, она с визгом вырывалась и убегала. А я по-прежнему ничего не понимал. Потом уже я видел ее реже — только на каникулах. И однажды поцеловал ее, сам не знаю, как. И это все. А дальше я уже увлекся работой в гимназическом революционном кружке. Разве это любовь? Теперь в моем сердце ничего нет. Я, возможно, не искушен в настоящей любви, но, присматриваясь к другим, убеждаюсь, что чувство это непрочное. Я же вижу, как ухаживает наша кутаисская молодежь. Ни-

чего похожего на рыцарскую любовь Тариэла и Нестан! Мне кажется, я вполне реально смотрю на вещи. И если я когда-нибудь увлекался Толисками, то это была лишь вспышка чувства—и ничего более. А тетушка моя озабочена другим. У нее совсем иные соображения—мне ли не знать их? Она озабочена тем, что у князей Гвиргвилиани нет другого наследника, помимо меня. Оттого и хочет Нектарина женить меня на своей приемной дочери. Потом, когда управление объединенной семьи сосредоточится в ее руках, она от лица этой семьи и с помощью своей сестры, баронессы Иксуль, обратится к русскому императору с просьбой утвердить имение Гвиргвилиани в правах майората. Тетушка думает, что если князь мегрельский является владельцем майоратного имения, то почему нельзя сделать майоратом, правда, меньшее по размерам, но все ж достаточно округленное имение князей Гвиргвилиани? А владельцем майората буду я. Ха, ха, ха! — рассмеялся Тайя. — Я — владелец майората».

В дверь заглянула Чела. Она думала, что Тайя пишет письмо, и, сама не зная, почему, досадовала, что письмо получается такое длинное. Но увидев, что перед юношей лежит чистый лист, Чела удивилась, и смятение ее тут же улеглось.

— Сейчас, сейчас, Чела! — воскликнул Тайя, склонясь над бумагой.

Спустя минуту письмо было готово. В нем говорилось:

«Милая Толисками, вот уже второй день, как я в Бертеми, и до сих пор не сумел повидать тебя. Но ты должна знать — я связан обязательствами, которые не позволяют мне встретиться с тобой, с нашими. За это я ни у кого не прошу извинения. Сегодня выезжаю из Бертеми и, возможно, мы больше не увидимся. Дело, которому я служу, таково, что жизнь моя будет постоянно подвергаться опасности. Если ты когда-нибудь думала обо мне, то знай — это было ребяческое увлечение, не больше. Найди свою судьбу. И еще одно: если сумеешь — служи народу. Сама видишь, какое наступает время. Этим ты выполнишь свой долг перед народом.

Тайя.»

— Вот что, — обратился Тайя к Челе, — это письмо передай Толисками после того, как мы с Микэ выедем из Бертеми. Хорошо?

— Хорошо, госп... — Чела запнулась, но тотчас же оправилась и твердо, с искрящимся взглядом, произнесла:

— Хорошо, товарищ!

(Продолжение следует).

Георгий Леонидзе

Николаю Шихонову

Перевод с грузинского Е. Евтушенко

Веду я спор с луною над Гомбори.
Окно раскрыл
И полночью дышу.
Деревья,
Подбежав к окну гурьбою,
Глядят, привстав,
Как я стихи пишу.
И кажется —
Тыходишь в комнатенку,
Похожий на предчувствие грозы,
С тяжелыми руками камнетеса,
С лицом, увитым листьями лозы.
Мой брат седой,
Я вспоминаю разом,
Как шли мы вместе, дружбою дыша.
Долины, как парча с фазаньим глазом,
К тебе ложились под ноги, шурша.
С задумчивыми детскими глазами
Ты шел,
И, слыша звук твоих шагов,
Протягивали лозы Алазани
И гроздья винограда и стихов...
Где б ни были,
Друг другу мы поможем,
Что б ни было,
Друг друга мы поймем,
И песню братства мы с тобою сложим
И приобщим к сокровищам времен.

Мы не напрасно спорили, искали,
Не зря нам было столько мук дано,
Мы надвое сердец не рассекали —
Пока живем,
Оно у нас одно.
Да, это так!
Пусть видимся не часто,
Мы всюду вместе, брат мой дорогой.
Не может быть один из нас несчастлив
И в то же время счастлив быть другой.

Вдохновение

Перевод с грузинского А. Межирова

Песня жизни моей!
От рожденья грузинской всецело,
Всем напевом своим
Ты бессменно с народом была.
Искушеньями юности
Сердце вскипало и пело,
И мечта выростала,
Как сильные крылья орла.

Не желаю жалеть
Ни о чем, что растрчено мною.
И печали и радости
Канули в небытиё,
Но душа сохранила
Дыханье июльского зноя —
Вдохновенье мое,
Основное богатство мое.

На порог полувека
Шагну через радость и горе,
Испытующим взглядом
Бескрайний простор обниму
И услышу опять,
Как зовет ко мне на просторе
Голос первой любви,
Не поведенной мной никому.

Значит, я сохранил
Вдохновенье свое молодое —
Голос горя и радости
В голосе первой любви.
Так испытывай счастьем,
Пропитывай терпкой бедою,
Окликай и зови,
В нестареющем сердце живи!

Значит, я сохранил
Вдохновение наших отвесных
Горных скал и тропинок,
Вторгающихся в синеву,
Вдохновенье теснин,
Каменистых, угрюмых и тесных,
Чудо детского виденья
Мира,
В котором живу.

Мощь военных укрытий,
Запратанных в камень глубоко,
Этажей колебанье,
Рыданье певучей струны,
Чудо первой коммуны
И первая «молния» тока —
Мною, как вдохновенье,
Незыблемо сохранены.

Значит, живы во мне
Все сокровища вечного клада —
Пламя воинской доблести
И трудовая страда,
И плывущий долиной
Напев задушевного лада,
И отрада моя —
Вдохновенье —
Со мною всегда.

Но, быть может, когда
Перейду за порог полувека,
Для грядущей строки
Мне дыханья не хватит в груди,
Слово звучность утратит,
И станет хромать, как калека,
Мой стареющий стих...
Что ему суждено впереди?

Неужели в словах
Заведется излишек рассудка,
Непосредственность речи
Степенною скукой сменив,
Перестанет строка
Отзываться бессонно и чутко
Шуму ранней листвы
И осеннему шелесту нив...

Горе мне, если снег
На слова упадет сединою,
Если речи течение
От стужи январской замрет,
Если гибкость утратят,
Лишенные соков и зноя,
Строки песни родной —
И прервут окрыленный полет.

Горе мне, горе мне,
Если слово утратит отныне
Чуткость
Веток чинары,
Слух
Девственной думы простой,
Зоркость зренья
Отшельника,
Верного горной вершине,
Запах листьев лозы,
Затерявшейся в чаше густой.

Если песня моя
Покорится глухому недугу
И утратит все то,
С чем природой я был обручен:
Грусть
Оленя в горах,
Потерявшего где-то подругу,
Вкус
Железной воды,
Источаемой горным ключом.

Горе, если иссякнет
Мой пыл, беззаботный и юный,
Если песню согнет
Непосильная ноша годов,
Дребезжа под рукой,
Ослабеют, изнаются струны
И не смогут, как пчелы,
Нектар добывать из цветов.

Если мир прекратит
Предо мной открываться, как внове,
Если крылья мечты
Отрешит от себя вышина...
О, раздумье мое!
Обрываю тебя на полслове —
Эта весть роковая
До слуха дойти не должна!

Книга жизни

Перевод с грузинского Н. Тихонова

В книге жизни моей все страницы
Друг на друга совсем не похожи,
Есть: слезам моим можно дивиться,
Есть и смехом расшитые тоже.

Чудный дар этот — смех ему имя,
Спас мне сердце от горести голой,
Пусть шипы — но есть розы за ними,
Кто бы вынести мог лишь уколы?

Не изменит удача мне снова?
Жизнь на что мне, — скажу я заране, —
Если счастье народа родного
Моим собственным делом не станет!

Александр Соколовский

★

★ ★

Человек проводит дни на пляже.
Он уже сменил четыре кожи.
Бешеный,
внезапный ливень даже
Человека в дом загнать не может...

Зная скупость северной природы,
Тот, кто никогда на юге не был,
Сразу хочет заpastись на годы
Этим морем,
этим солнцем,
этим небом.

Бродил художник ПО ГОРОДУ

ПОВЕСТЬ О ПИРОСМАНИ.

Живопись — это страстное молчание.
Густав Моро.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Бродил художник по городу и искал себе крова.

А город был большой, старинный, и строения его лепились вверх по высокой горе. Верхушку горы венчали развалины древней крепости. У подножия текла мутная река — Кура.

Улицы карабкались вверх, улицы, петляя, спускались вниз. Две из них — широкие и прямые — назывались проспектами. Многие носили имена великих князей и русских генералов.

...Проспекты были величественны. Тень дворцов лежала на квадратных плитах тротуаров. За решетками особняков цвели глицинии и розовые мимозы. Городовые на всех перекрестках козыряли офицерам, быстро проезжавшим в щегольских фаэтонах. У военных был очень озабоченный вид, и одна нога в лакированном сапоге со шпорой выставлена вперед: вот-вот офицер соскочит и пойдет командовать!

Проспекты гремели оркестрами. В цветочных магазинах дамы в огромных шляпах, похожих на корзины, перебирали розы, лежавшие в корзинках, изящных, как шляпки. Заказывали камелии к рождеству, омелу к Новому году, фиалки к пасхе. Один магазин назывался «Soleil d'or». Как в Европе.

Художник избегал проспектов.

Улочки, карабкавшиеся в гору, выглядели иначе. Сто лет назад их вымостили узкими камнями в форме огурцов и по традиции вбили камни не вдоль, а поперек пути: так коню легче брать подъем, груженому ослику есть за что уцепиться копытом. Но человеку трудно шагать по каменным огурцам, особенно, если он второй день ничего не ел. Кроме того, страдали подметки.

Художник любил гористую часть старого города, называвшуюся

«азиатской», любил ее дома, приросшие к скалам так прочно, словно ласточки строили их, не люди.

Порой казалось, не будет конца спиральям подъема. Переулок ввинчивается прямо в синее небо — дошагаешь так до самых облаков.

Иногда его окликали:

— Эй, маляр!

Ибо, если у человека в руке кисть, ведро, а на ногах стоптанные башмаки, значит, он маляр — и ничего больше.

Откинув голову с гладко зачесанными, чуть седеющими волосами, он обводил балконы взглядом.

Свет падал тогда на его лицо: простое, крестьянское, немолодое, удивительное лишь ясным своим спокойствием. Подстриженная борода задиралась кверху, открывая худую с подвижным кадыком шею. Женщина с дешевыми перстнями на пальцах махала ему сверху и звала:

— Слушай, человек, как зовут, не знаю... Нико? Иди сюда, Нико, написать надо номер дома на фонаре. Номер стерся, полиция придирается.

Указывала:

— С подъезда заходи.

Удивительные попадались подъезды!

Вот он вошел в парадное, перешагнув мозаичную надпись, выложенную на плитах: «Vale». (Никто не знает, что значит «Vale», но раз такое слово написано в вестибюле губернаторского дворца и в особняках важных господ, то и здесь, на птичьей высоте, в угоду домовладельцу каменщик выложил мозаикой то же. Может быть, такое слово приносит удачу, деньги или предохраняет от дурного глаза — кто знает?).

«Vale».

Ступеньки в темном подъезде ведут только вниз, будто спускаешься в погреб. Толкнул дверь: вместо подвала, перед тобой — головокружительная высота, масса света и воздуха, весь город распростерт у ног: ты — на веранде четвертого этажа, он же с улицы — первый.

Внизу под ногами — парча осенних садов, расписное яйцо мечети, купола бань и тысячи домов с плоскими кровлями, открытыми террасами и жизнью, доверчиво выставленной наружу.

Старухи мотают пряжу, сидя на пороге домов; женщины потрошат матрацы, выкладывая слежавшуюся шерсть прямо на плиты двора. «Матрасник» — мужчина чахоточного вида с голой волосатой грудью, вооруженный инструментом, похожим на арфу, ловко орудуя единственной струной, разбивает слежавшуюся шерсть, и шерсть становится снова пушистой и мягкой.

В тесном дворике под кривым деревом на треногом мангале жарили баранину, припудренную красным перцем и обсыпанную барбарисом. Острый запах щекотал ноздри.

Художник был голоден, ослабел и устал.

Однако быстро твердой рукой вывел на фонаре номер дома и фамилию владельца.

— Спасибо тебе, добрый человек.

Вежливо отстранил серебряный двугривенный: не позволят ли ему — вместо платы — переночевать... тут, где-нибудь?

Чаще всего ему отвечали:

— Нет.

Но обычай не позволяет обидеть хорошего человека, тем более, рабочего человека, который денег не ищет, а только крова. И хозяйка пустилась в откровенность:

— Извини, дорогой, мне не жалко, места много... Но сам знаешь — дворник!

Он знал. (Дворник скажет полиции, полиция оштрафует хозяина время такое. Радужный город, открытый для всех, а он заставляет быть нелюдимым, остерегаться каждого). Женщина напоминала:

— С тетушкой Кеке так было, с мадам Манвелян так было. Пустили рабочих людей — землекопов на одну ночь ночевать, так бедных женщин затаскали по участкам: — Кого пускаете? Зачем пускаете? Может, ваши ночные гости — беглые солдаты, может, разбойники, а может, хуже того — враги престола и отечества?

Когда Нико был помоложе, он еще объяснялся с хозяйками:

— Не надо меня бояться, госпожа. Я не разбойник, батоно, не беглый солдат, не враг отечества, я простой маляр, сын огородника из Кахетии; уроженец села Мирзаани, если слышали.

И слушатели начинали улыбаться:

— Кто же не знает Мирзаани! Хорошее и богатое село Мирзаани — рай земной. Наверное, у родителей был сад, была бахча? Лучше бы и тебе, добрый человек, жить на земле, заниматься огородничеством или виноделием. Что для тебя Тифлис? Город большой, а работы мало.

Раньше, когда еще не было седины в висках и горечи в сердце, он охотно объяснял людям причину своих скитаний: рано умер огородник-отец. Круглого сироту Нико отправили в город. Попал к родственнику, военному портному. Тот обещал пареньку — подрастешь, будешь учиться. Нико подрос, и возникло между ними маленькое разногласие по вопросу — чему учиться? Опекун требовал — торговому делу, а Нико твердил: рисованию. Очень любил рисовать и с малолетства рисовал на стене дома, на клеенке, на жести, на чем попало.

Слушатели качали головами:

— Э-э-э, зря! Надо было дядю слушать. Не дело для бедного человека рисовать картинки. Это забава для богатых. На проспекте есть художественный магазин. Страшно сказать, сколько стоят там одни только пустые рамы! А уж тюбики краски, уложенные в фасонные коробочки с золотыми марками иностранных фирм, — видел, небось? — просто разорение! Лучше бы шел ты по торговой части.

Никому не рассказывал Нико, как однажды пошел он по торговой части и что из этого вышло. Рассказывал другое: как ушел от родственника (было ему лет шестнадцать от роду), стал работать кондуктором Кахетинской железнодорожной ветки, той самой оригинальной ветки, где станции расставлены кувшинчиками вдоль пути, а названия станций звенят, как стекло, — Вазиани, Мукузани, Цинандали, Гурджаани, Мелаани, Кондоли, Цители-Цкаро, — и где осенью бродит в марани¹ золотое вино.

Но зимой во все трубы Кахетинских ущелий дуют злые ветры. Простудился Нико, потерял здоровье и оставил железнодорожную службу. В город перебрался. Стал живописцем вывесок...

Его перебивал разноголосый гомон:

— Живописец вывесок? Э-э, чего же ты забрел сюда? Живописец вывесок! Да разве водятся на нашей птичьей высоте гостиницы, кабачки, мастерские или лавки? Тут только дома и люди живут. Хочешь настоящих заказов, спускайся на Майдан. Там народ серьезный, деловой. Там и работа найдется. Будь здоров!

«Vale».

Вздыхнув, прощался Нико, забирал кисти и шёл вниз, на большой базар. Не любил его.

Правда, на Майдане множество кабачков, духанов и трактиров, и стены их сплошь расписаны его, Нико, кистью. Но чем платил за искусство

¹ М а р а н и — хранилище для вина.

базар? Выпивкой да едой. Денег здесь не давали. Заставляли пить. Не хочешь пить, говорят: «Пей!». Рабочего человека легче обдурить, когда он хмельной. «Серьезные деловые люди» Майдана славились, прежде всего, искусством копейку зажимать.

А он не хотел спорить.

За это его любили. Добрый человек Нико, мухи не обидит. За тарелку харчо напишет на черной стене винного погреба историческую картину: Георгий Саакадзе целует стяг перед боем, священный стяг кизилового цвета! Публика охотно ходит смотреть такое. Больше покупателей — щедрее платят. И пятен на стене не видно. Живопись полезна для коммерции.

...Шел Нико по базару.

В воздухе пахло серой. Из-под земли сквозь решетку вырывалась струя горячего пара. Почти голый банщик выскочил в переулочек и, дико озираясь, будто не веря, что есть еще на земле прохлада, тут же, на улице, съел горячий кебаб, завернутый в лист тонкого персидского хлеба — лаваша.

Перед караван-сараям низкорослые, кривоногие люди с бородами, крашенными хной, отправляли караван ситца, плотно спрессованного в тюки. Краснобородые кричали, клялись и бессовестно обсчитывали носильщиков. Носильщик — муша, черный, как земля, с проклятием бросил на землю рублевку: — Рядился за трешницу, получил рубль! Бери свои деньги обратно, шайтан!

Большие верблюды, грациозно повернув змеиные головы, недобро глядели на своих хозяев. Художник замер, любуясь.

Бубенчики, подвешенные к изогнутым шеям верблюдов, трепетали при каждом их движении, бубенчики вызванивали дорожную песенку, песенка звала и уводила за собой:

— Тебриз, ай, Тебри-и-из...

Краснобородый подал знак: «Айда!» И пошли верблюды. Ушел караван. Плакал муша, уронив бритую голову. Большая муха ползла по сгорбленной, как мозоль, спине.

...У фонтана — неприятная встреча. С полдесятка мастеровых стояло, сидело и полулежало на замшелых камнях. В шесть часов утра Нико шел мимо — они ждали, и сейчас возвращается к вечеру — они ждут.

Значит, нет работы.

Значит, зря сюда пришел.

Не поискать чего-либо подходящего у кустарей? Протиснулся в переулочки, сумрачные и узкие, где пешему с конным не разминуться. Заглядывал в лавочки, мастерские. Заводил с ремесленниками краткие переговоры.

Раствор на Майдане — дупло. Сидит в дупле сапожник и 12 часов подряд шьет обувь: для простолюдина — «чусты» из буйволиной кожи, для женщин — цветные «каламаны», для молодых людей — мягкие кавказские сапоги, как перчатка обтягивающие ногу: в них плясать, в них в ручной мяч играть, в них джигитовать — загляденье! Мягкий, неслышный бег, прыжок, побег... Все удобно в таких! Наверное, сам Зелим-хан носит мягкие сапоги.

О Зелим-хане вслух на базаре не говорят. Только шепчутся — страстно, быстро и резко, умолкая при посторонних. Или же молча передают друг другу русскую газету, быстро отчеркнув желтым, в трещинах, ногтем заголовок: «Знаменитый неуловимый разбойник Зелим-хан скрылся». «Еще не пойман»...

— Поймай, поди! В моих сапогах ходит.

— Тсс...

— Что тебе, добрый человек? Что хочешь? Вывеску написать? Кому — мне вывеску?

Сапожник горделиво поднимает мягкий кавказский сапог и во все стороны вертит, любуясь собственной работой.

— Вот моя вывеска. Не будет заказа! Ступай себе с миром.

Дупло ювелира. Крючконосый и сутулый, ювелир засел в нем, как паук, и от зари до зари плетет серебряную паутину. Делает искусную насечку на ореховых ложах ружей, одевает острый кинжал в кружево серебряной чеканки. Или, расплавив каплю золота, терпеливо создает свое крошечное чудо: лепесток, в котором спит жемчужина, — подвесок для розового уха девушки.

У порога ювелира — стайка мусульманок. Стрекочат сороками.

Известно: сколько у женщин детей, столько у нее на руках серебряных запястий. Только что пришла на базар счастливица, и у нее обе руки — подумайте! — до локтей в серебряных браслетах. Двенадцать детей, половина из них — сыновья. Даст же аллах такое счастье человеку!

Многодетная совсем не выглядит счастливой, у нее усталый вид, ранние морщинки, и пришла она не покупать, а продавать кольцо ювелиру.

— Дай кольцо!

Бархатный, певучий голос, привыкший повелевать: богатая покупательница. Ювелир привстал со своего обтянутого кожей табурета и почтительно поклонился. Завистливо смотрит богатая на скромные браслеты бедной, ощупывает понимающим взглядом скромное шерстяное платье.

— Научи, женщина, как сделать, чтобы дети были? Не мусульманка я — христианка, но все одно, бог един. Служу молебны, хожу в Дидубе, жертвую на церковь. Не слышит меня небо. Нет детей.

Базар все знает. Шепотом — с уха на ухо — бежит имя покупательницы: жена миллионера.

Что, если дать бесплодной смоковнице совет? Не словом — этого художник никогда не умел, — а кистью: он нарисует, она взглянет и поймет, что ей делать: все отдать ребятам бедняков! Быстро в уме набросал композицию: «Миллионер бездетный и женщина с детьми». Вглядываясь в широкое лицо многодетной матери, застыл, замороженный, посредине темного переулка, мешая прохожим. Мысленно набрасывал контуры картины. Ювелир выглянул из дупла:

— Эй, человек, ты не стеклянный, сквозь тебя не видно! Что торчишь у порога? Проходи...

Пришлось уйти. Вслед плыл медовый, ласковый, обволакивающий голос жены миллионера:

— Научи, женщина, что мне делать? Живем с мужем хорошо, здоровы оба, не стары, а детей бог не дает. Четыре каменных дома имеем; умрем, кому достанутся? Научи! Научи, как иметь хотя бы одного ребенка.

Художник добавлял мысленно и свою просьбу:

«И хоть один дом — не каменный, пусть хоть соломенный... Одну семью. Одного друга».

Шел в раздумье, но не забывал вежливо уступать дорогу пешеходам. Эге! Что-то знакомое. Вывеска протянулась поперек дороги: «Вино, пиво, разные закуски». И нарисован круг колбасы.

«З а к у с а к и»... Глупая вывеска!

Дали бы ему заказ, он бы написал настоящую — так, как любил писать: кувшины с вином, праздничного барашка, пирамидку помидоров, полумесяцы лавашей, бросил бы серебряную форель и красную редиску в центре стола. И подписал бы внизу, как любил: «Да здравствует хлебо-сольного человека».

Так писал он грузинское хлебосолюство, кувшины с вином и шерстистых барашков — много лет писал, пока не забрел к нему грузинский художник в блузе, маленький, с медвежьими глазками. Разглядел и басовито пророкотал:

— Вот это, брат, тебе, черт возьми, удастся. Это, понимаешь, не вывеска, а подлинный натурр-моррт...

Нико смутился. Не зная, что такое «натюрморт», усомнился, не обидел ли заказчика, вместо вывески дал неподходящее? Когда ему перевели буквально — «мертвая природа», — совсем загрустил.

Однажды про Нико написали в газетах. Было это давно, в 1902 году. Прочел о себе: талант, «самородок». Застыдился. Еще напечатано непонятное (очевидно, люди образованные всегда так пишут): как будто и о нем, а на самом деле — про другое. Упоминали почему-то Египет, персидские и ассирийско-вавилонские фрески... Какое отношение имело это к нему, уличному живописцу?

Статейка заинтересовала город. Теперь Нико начали узнавать, приветствовать, приглашать к столу. Никто, однако (и думалось об этом горько!), не сказал во всеуслышание самого главного:

— Учиться надо нашему маляру, вот что! Еще молод, еще не ушло время. Давайте-ка поможем сыну огородника, соберем денег и пошлем его в столицу — обучаться тонкому ремеслу живописца.

О, как страстно хотелось учиться! Ночами мечтал жилец подвалов о большой светлой комнате — студии (слово это узнал от новых знакомых) и о том, как большие мастера передадут ему свое мастерство.

Ведь он не знал законов перспективы, не знал строения человеческого тела и еще много, чего не знал! Но чуял бедняк в себе ту силу, которая позволяет быстро идти по ступеням знания, — некоторые называют ее талантом.

Мечтал о Москве: хоть и холодно там, и снегу много, и долгая ночь зимой, но живут в Москве замечательные люди. Один из них, Третьяков по фамилии, сам из торговых людей, но страстно любит искусство, щедро помогает художникам... Не знал бедняк, что давным-давно намела русская метель высокие сугробы на могиле Третьякова. Озаренный надеждой, в те дни Нико трудился необычайно легко, самозабвенно; хотел доказать кому-то, что самоучка может писать «для себя».

Вначале интересно было встречаться с художниками. Отметил про себя: впечатлительны, как дети, спорщики, обидчивы, легко воспламеняются и быстро потухают. Не было между ними настоящей крепкой дружбы. Нуждались. Острый глаз Нико подмечал лоснящийся локоть одного, потертый пиджак другого... «Пусть я уличный живописец, — думал, — однако мое дело меня кормит».

Но все реже хозяева заказывали вывески.

Клиенты жаловались на застой в торговле, на конкуренцию, на забастовки: «бунтует народ...». Приказчики бастуют, грузчики, извозчики бастуют. Даже банщики однажды бастовали полный день. Тут не вывеску, тут замок надо вешать. «Продано за долги». «Кончал базар».

— Стой!

Хозяин духана (того, где «разные закуски») — на пороге кабачка. Тугой живот, как резиновый шар, обтянут клеенчатым передником. Глаза на выкате с белками, красными от бессонных и пьяных ночей. Под усами — масляная ухмылка:

— Где же ты пропадал, сын Пиросмана, что уж и старых друзей не узнаешь? Или богатым стал? Если нет, — чего же не заходишь?

Нико молчал. Высокий, худой, как Дон Кихот, стоял над маленьким жирным Санчо Панса. Раздумывал: болтается в кармане заработанный

двугривенный, зачем же ему сюда заходить? В переулке сгущались сумерки.

Кабатчик укоризненно щелкал языком. Наконец, соединив два пальца — указательный с большим, ущипнул самого себя за многослойную шею (жест неотразимой просьбы — в такой на Кавказе не отказывают):

— Очень прошу. Сделай уважение. Есть сегодня твое родное кахетинское. Прямо из бурдюка. Хорошие люди привезли из Кахетии в подарок, достойные люди! Не забывают старого Бего. Заходи, сделай милость — для компании. — Взял за локоть бережно: — Осторожно, здесь ступенька. Не оступись.

Нико оступался и попадал в компанию.

Поздно вечером его, обняв, выводили на воздух «достойные» люди из «хорошей компании»: мясник, шорник, молочник и еще один странный человек с плешивой головой и ястребиным профилем. Такими кишит вечерний базар. В потаенных закоулках торгуют они запрещенными вещами: черными шариками с горьким запахом (теми, что сперва навевают человеку сладкие сны, а потом делают его безумным), предметами «для самозащиты» — кастетами, бобутами, а также тонкими контрабандными духами и еще бог весть чем.

Все вместе, качаясь, шли лабиринтом Майдана.

Плешивый угрожающе и пьяно усмехался, мясник пел «Мравалжамьер» хорошим баритоном, молочник — рыжий и веснушчатый, икал, пытаясь вывести «Бывали дни веселые». Нико молча шагал, сгибая острые в коленях ноги.

Плешивый шептал, обжигая дыханием и запахом перченой закуски:

— Трудно живется? Понимаю. Что ж, давай, Нико, убежим. Бежим к Зелим-хану, я слово такое знаю: далеко уведет... А не то, можно через границу махнуть. Ночью! Есть верные люди — проведут перевалами через горы к Тавризу. А в Тавризе нет тебе равных: собственную мастерскую откроешь, вывесок наделаешь — вот! Золотом осыпят тебя купцы. Ай, Тебриз...

Художник отстранял искусителя локтем. Усмехался, вспоминая, как обсчитывали мушу краснобородые.

Ведь сам он тоже муша. Муша — значит работник. И его обсчитают. В лапах богатых — сила. Нет, нет, не город менять надо, жизнь надо менять. Великий Важа Пшавела от трудной городской жизни ушел обратно в горы, а был ли он счастлив?

...Остановился, в полной растерянности похлопал себя по карманам: куда задевал он старую тетрадку со стихами любимого поэта Важа Пшавела? Никогда с нею не расставался, половину стихов знал наизусть. Тщетно обыскал себя: заветная тетрадь исчезла. Горе мне!

Пьяницы, махнув рукой, удалились без него вглубь Майдана. Нико побрел один. Кабатчик глядел художнику вслед:

— Как сдал бедняга, как опустился! Да еще та история с актрисой. Надо же было бедняку влюбиться. Потерял себя. Совсем другим стал: вино за столом расплескал; выпил мало, а пошел — спотыкается... Впрочем, он, Бего, не смотрит на бедность и уважает старых друзей. Накормил Николая бесплатно. Тот непременно отработает, стоит лишь напомнить когда-нибудь. Гордый такой, обязательный. Ни за что даром куска не примет...

Правда, получилось неудобство: Нико просился ночевать, а он, Бего, отказал. Живописец — жилец трудный: таскает с собой свое малярство, куски черной клеенки, пахучие и пачкающие краски, всякое барахло. Даже книжки у него есть (одну — измятую, со стихами, только сейчас Бего подобрал и выбросил в помойку). Да еще, чудак, просит «светлый угол». Работается, говорит, только там, где светло.

В подвале — «светлый угол»? Э, дурак.

...Нико шел по мосту. Луна катилась в желтых, вспухших облаках. Дул ветер. Кура скакала по камням, мотала гривой и брызгала пеной. Вдруг резко остановился. Острая боль сжала сердце, прервав дыхание. Облокотился о перила. Устал. Устал скитаться: искать себе угол, ночлег, хлеб. Один прыжок — и всему конец. На дне реки — покой... Однако нельзя. Грех это великий перед самим собой. Еще сильны твои рабочие руки, еще остро зрение и верен глаз. Нуждались и самые большие — не чета тебе — мастера! Трудно живет любимый поэт Важа, однако и он не бросает пера... Затряслись вдруг худые плечи: невыносима ты, горечь художника, который не нужен своему времени...

...После моста вновь крутой подъем: горбатый Авлабар. На одном из витков поворота из открытого окна рассыпалась фортепианная музыка. Такая чистая, отчетливая, будто порвали нитку жемчуга и жемчужная осыпь скатилась к его стоптанным башмакам.

Видно, жили там беспечные, сытые люди — кто же еще станет глубокой ночью играть веселое и нежное в час, когда ноют усталые ноги и натруженное тело просит покоя?

— Манана! — сказал строгий голос в окне. — Спать!

Хлопнула крышка рояля, перебежали легкие шаги. Квадрат света на каменных огурцах погас. Из темноты дохнул влажной свежестью сад. Нико ощупью протянул руку: решетка — балюстрада — скамейка...

Вот и ночлег.

Чудесная гладкая скамья — без тех проклятых перекладин, от которых мнется одежда, ноют бока и остаются красные полосы на теле. Растянулся кулак под голову, сомкнул глаза... Не помнит, сколько спал. Вдруг — луч света ударом в лицо.

Дворник!

Дворник в фартуке и с бляхой, подняв фонарь, стоял перед скамьей и глядел на незваного гостя грозными глазами. Возле дворницких сапог прижался коротконогий ощеренный пес — из тех, что не лают, но молча кусают и рвут последние штаны.

— Здесь нельзя спать, — тихо и строго сказал дворник. — Проходи!

Пес подтвердил утробным урчанием: р-р-р-р!.. Пр-рочь...

Молча встал, молча пошел. Истукан в фартуке глядел вслед, медленно вращая глазами. Эй, дворник, не знаешь ты, кого гонишь! Невдомек тебе, старый, что бездомный бродяга сильной кистью изобразит тебя на полотне и будет твой портрет висеть в Третьяковской галерее. Видные знатоки столицы, крупнейшие мастера Европы станут спорить перед тобой, дворник. Стефан Цвейг, мастер европейской новеллы, посмотрит на твой портрет и напишет изящным бисерным почерком: «Увидел Пиросмани, поверил в Руссо».

Не подозревает об этом и сам художник.

Он шагает по горбатуму Авлабару, лихорадочно обдумывая, к кому из кондукторов железной дороги в такой поздний час попроситься на ночлег. Хорошие, теплые ребята железнодорожники, но у всех — жены, бабушки, дети. Постучать — перепугаешь семью. Подумают — с обыском.

Накрапывал дождик. Один. Один. Один.

ГЛАВА ВТОРАЯ

А ведь когда-то был Пиросманишвили удачлив.

Водились и у него деньги, была и у него крыша над головой. Воспоминания друзей тех далеких лет рисуют Нико румяным, стройным мо-

лодцом с ясными и добрыми глазами. Кроткий нравом, вспыльчивый, но отходчивый, гостеприимный хозяин, не знавший счета деньгам, он мог одолжить пригоршню всякому, кто ни попросит. Особенно, если видел человек нуждается.

Благосостоянию художника — как ни странно — положила начало коммерция: несколько торговцев, знавших в молодости отца Нико, после неудачной службы молодого человека на Кахетинской железнодорожной ветке, помогли ему открыть молочную торговлю на Солдатском базаре, ссудив немного денег для начала.

Славная то была лавка!

В окошке — пирамида круглых, как пушечные ядра, сыров: острый на вкус имеретинский, пресный осетинский, пахучий тушинский; резиновый сулгуни венчал верхушку. В больших глиняных кувшинах желтело свежее мацони. На шершавых ореховых листьях разложены круги сливочного масла. Вход с улицы украшала вывеска кисти самого хозяина: две коровы, симметрично одна против другой, и под коровами надпись — «Молочная».

— Вот так! — хлопали по плечу художника толстопузые. — Теперь ты настоящий человек, Нико. Весь мир торгует, и ты торгуешь. Якши! (Якши — татарское слово, но базар многоязычен).

...Он торговал.

С первыми лучами солнца из селений Окрокана и Табахмела по пыльной Коджорской дороге спускались ослы, груженные ковровыми хурджинами, из карманов которых торчали горлышки глиняных кувшинов. Круглолицые деревенские парнишки останавливали ослов у дверей лавки — той самой, где две коровы на вывеске.

В шесть часов утра Нико Пиросманишвили уже стоял на пороге с трубкой в зубах. Холодные синие тени еще лежали повсюду. Улица дышала дремотой. Жалюзи спущены, ставни домов прикрыты. Благословенный час творчества!

Рассчитываясь за крестьянское молоко, Нико пристально вглядывался в неподвижно стоящего осла с голубой серьгой на длинном ухе, повешенной «от дурного глаза». Разглядывал юного погонщика с его круглыми, как каштаны, глазами. «Может быть, постоишь минутку вот так, сынок? Я нарисую тебя».

Парнишки любили иметь дело с необыкновенным лавочником: не обсчитывает, не ругается, не клянет твоих предков и не хулит твой товар, а еще сам приплачивает гривенник тому, кто отдыхает у его порога.

Покупательницы — те, что в шелках, и те, что победней, — одинаково уважали Пиросмани: если попросишь, готов сто раз перевешать товар, всю сдачу отсчитывает до копейки. Не обманывает: молоко в этой лавке цельное, а в сметану ничего не подмешивают, сыр свеж и мягок. Хозяин вежлив без угодливости. Любит ребят.

Если зайти в лавку с ребенком, — непременно приласкает и одарит маленького покупателя леденцом или игрушкой: позади лавки в темной комнатке хранит он целый запас народных забавок — резных деревянных мишек, оленей, барсов и даже разноцветные воздушные шары. Сунет, бывало, в пухлую ручонку связку красно-сине-желтых шаров, а сам стоит и любит.

— Разрешите, госпожа, я нарисую вашего сына.

Как не разрешить!

Рисовал и раздаривал портреты знакомым.

Изумленно переговаривались толстопузые:

— Гляди, как дела повел. Парень с головой. Тонко понимает коммерцию! Деликатный подход к покупателю. Убей меня бог, если из него не выйдет первой гильдии купец!..

Однако вышло другое.

Однажды приятели потащили Нико Пиросманишвили в театр миниа-тиор. Такого он никогда не видел: театр помещался в подвале. В зале по-чему-то накрытые столы, за ними ужинают нарядные дамы и важные господа. Электрическая люстра потушена: горят стеариновые свечи, воткнутые в горлышки разбитых бутылок. Серый занавес из грубого холста. Оркестр спрятан куда-то под сцену. Внезапно оттуда выскакивает лохматый человек в смятых от пота воротничках, раскланивается со зрителями и просит почтеннейшую публику не аккомпанировать любимым песенкам «ножами, вилками, бокалами и рюмками», а также «не отбивать такт ногами», ибо он, дирижер, «музыкально образован и знает свое дело».

Его провожают хохотом, аплодисментами, свистками. Кричат:

— «Коробочку!», «Пьеро!», «Гай-да тройку!», «Веселую вдову!»

Кричат:

— Человек, пару пива! Еще бутылку цинандали! Еще мукузани! Еще шашлык!

Нико поглядел, послушал и тихо повернул к выходу: обыкновенный балаган для богатых бездельников, незачем вечер терять. Но приятель схватил его за фалды пиджачка:

— Стой! Ты же главного еще не видел. Настоящее чудо!

А настоящее чудо уже стояло на подмостках — в пышной юбке, полосатых чулках на крепких ножках, с веером в руке — и раскланивалось с залом.

Недоумевающе вглядывался Нико, вытянув длинную с кадыком шею. Что это там на сцене? Кукла-девочка. Большие округлые глаза. Большие розовые щеки. Гуттаперчевый оранжевый ротик туго сложен, без улыбки. Неужели такая кукла запоеет. Она запела. Актриса пела по-французски. Зал понимал и посмеивался. Нико не понимал и страдал от этого. Ему совершенно необходимо было знать, о чем поет существо с печальными глазами, беспомощно разводя пухлые маленькие руки. Закончив песню, она поклонилась очень низко, черные локоны упали на лоб.

Морской прибой в зале. Выкрики:

— Маргарита, спой «О-ля-ля!». Спой, Маргарита, «Кузина, кузина». Спой «Сердце матери»... Еще мукузани, еще цоликаури! Еще бокал сюда! Еще песню!

Маргарита запела бретонскую народную песенку, на этот раз по-русски, с легким и приятным акцентом выговаривая слова. Жил-был на свете бедный парень, он любил злую девушку, а та его не любила. Девушка требовала: принеси мне сердце твоей матери, тогда полюблю. «...И вот пошел, убил он мать и с сердцем бросился бежать...».

...Тихо в зале. Какой-то поручик с пьяными голубыми глазами недоуменно оглянулся кругом: «Почему тишина? Где я?». Потрескивали, оплывали свечи... Освещенная огнями ramпы, Маргарита рассказывала надтреснутым голоском под осторожные стаккато скрипок, что на дороге преступник споткнулся, уронил сердце матери в пыль, а оно вдруг ожило и заговорило. Парень испугался, но сердце только тихо спросило: «...Не ушибся ли ты, мальчик мой?».

Вот и вся песенка. Но Нико уже не мог, не хотел оставаться в балагане, смотреть или слушать другое. Выбрался опрометью на улицу, и загадочное слово «Варьете» насмешливо подмигнуло фиолетовыми огнями ему вслед.

Что было дальше? Смутно помнит, как на рассвете в предместье Ортачалы стучался в калитку к знакомому садовнику, как поднял с постели недоумевающего старика и водил его за собой по обрызганному росой

саду, выбирая самые крупные, самые душистые розы. Как торопился с букетом в гостиницу, где проживала заезжая «звезда». Его не пустили утром, его не пустили в полдень. И только к вечеру — когда розы уже были не так свежи, когда они повесили головки, — коридорный за крупный «на чаек» провел Нико в его будничном пиджаке, с запыленными сапогами по бархатной дорожке к заветной двери.

...Кукла-девочка сидела у зеркала с пуховкой в руке. Пушистый белый халат окутывал плечи. В черных волосах дрожала осыпанная льдинками искрящаяся ветка (не догадаешься, что это — бриллианты). Женщина ли перед ним или снежный ком, скатившийся с заоблачной вершины Ушбы? Как надо с такой здороваться, как подойти к ней, что сказать? Ничего не знал.

Робко протянул охапку роз — тех, что так ярко горели в лучах ортачальского рассвета. Сейчас в богатой комнате с пышными занавесями, под насмешливым взглядом прислужницы-француженки (тонкая оса — перетянутая талия, на голове крахмальные усики, жалит даже глазом), потемнели и сжались розы в жалкие комочки. Выдохнул:

— Вам...

Кукла-девочка шепнула камеристке: «*Pour voir!*» Но та торопливо приметывала оборку к воздушному платью, и актриса, нетерпеливо порывшись в брюхе чешуйчатой рыбы-сумки тонкими пальцами (красоту их отметил Нико), сама подала ему через плечо двугривенный.

Снова холодно-мраморная лестница, бесконечные ступеньки, внизу мигает рожок, швейцар в ливрее лениво распахивает дверь.

«Пожалуйста вон...».

Вслух слово не сказано, но ведь в руке зажата монета — та, что брошена ему на чай. Он, оказывается, принят по скромному, бедному своему виду за собственного посыльного. Но разве ты первый год живешь на свете, Нико, сын Пиросмани, что забыл пословицу: «По одежке встречают»?

На другой день он вытряхнул всю кассу своей молочной. Оделся с иголки в модном магазине на проспекте, воткнул булавку в галстук, побрился в лучшей парикмахерской, попросил опрыскать его духами «Вера-Виолет» и вновь поехал в Ортачалы к садовнику. Там состоялось таинственное совещание пяти-шести стариков в холщовых фартуках, растерянно, но беспрекословно послушных заказчику.

Молочная в те дни стояла на замке. В тупом удивлении глядели друг на друга две коровы на вывеске. Утром, не достучавшись к хозяину, поворачивали деревенские парнишки груженных ослов и, яростно похлестывая, уходили со своими кувшинами прочь.

В Ортачалах шум и суета: «Кто-то скупил на корню пять садов целиком, клянусь прахом матери».

По коврам гостиницы слуги, взявшись по-двое, несли на второй этаж корзины со всеми цветами, какими может одарить человека юг: чудовищные лилии, вывернутые, как отвороты рыцарских сапог, с нахальными шпорами-тычинками, восковые камелии, полуоткрытые розы всех оттенков крови и снега. Вносили цветы в номер актрисы. Шествие продолжалось свыше часа. Недоуменно округляла рот и брови Маргарита, устала всплескивать ладонями Оса, а цветы все несли и несли. Ставили корзины к двери, потом вдоль коридора, потом на маршах лестницы. Толстый швейцар многозначительно бросал посетителям и зевакам, заслонив рот ладонью:

— Большой князь...

— Кто он, кто?

— Не приказано говорить.

Наконец Нико появился — застенчивый, сияющий глазами. Нестер-

пимо благоухала приглашенная шевелюра, скрипели блестящие ботинки. Встал в дверях, прижав шляпу к животу. Маргарита не узнала вчерашнего «посыльного» и, подавив улыбку, протянула руку чудаку, от которого за сто верст несло провинцией:

— Merci, cher prince, vous êtes bien aimable. — Но затчэм стольки цветки? У меня будет ломаться голова от боль.

А дальше—было или не было? Смутное воспоминание...

Ночь на горе Мтацминда, полная звезд и огней. Город лежал, поверженный у ног. Своих слов у Нико, как всегда, в нужную минуту не нашлось. Зато он читал единственной женщине своей жизни стихи Бараташвили вслух: «Ты — самое большое чудо божье...».

Слушала, подперев круглую щечку и удивленно открыв глаза. В зеркальных зрачках отражались огни фуникулера. «Добрый парень этот чудак Николь! Однако никакой не князь, просто мелкий торговец на базаре, ничего не имеет за душой». (Так зудела Оса, повсюду наводившая справки. С утра трудилась Оса, собирая мёд сплетен, слухов, разговоров и оценок по городу, и складывала к вечеру свой взятки к ногам госпожи).

Придется оборвать знакомство. Кстати, ангажемент в «Варьете» окончен.

И вот однажды он пришел в хорошо знакомый номер гостиницы и вдруг — никого! Окна раскрыты, шторы завинчены штопором, по комнате летали бумажки и обрывки атласных афиш. Горничная стучала щеткой, выметая окурки сигар, этикетки шампанского, и смотрела на посетителя серыми, спокойными глазами. В окна дул ветер разлуки.

Уехала без предупреждения. Уехала навсегда. Уехала, не сказав «прости». Город пуст, как мертвый улей. Нестерпимо ходить по тем улицам, где ступали прежде ее ножки. Тяжело бывать и на Солдатском базаре: под вывеской с двумя коровами торгует теперь чужой человек, хриплым голосом пререкается с покупательницами и обсчитывает деревенских парней, как это делают все.

Толстопузые сидят истуканами в своих лавках и не смотрят на Нико, когда он, опустив глаза, пробирается мимо.

Ничего нельзя сделать—закон нерушимый и древний: тому, кто нарушил священные торговые уклады, тому, кто пренебрег заветами отцов и дедов, кто расточил и развеял по ветру,—пусть маленький, но капитал,—не окажет никогда больше Базар ни помощи, ни доверия, ни кредита: конченный человек!

Золото обратилось в черепки, когда пропел петух. Дэвы унесли красавицу за моря и океаны. Теперь надо трудиться долгий день, чтобы заработать одну копейку, есть черствый хлеб, спать под лестницей. Заказы, впрочем, есть. Возьми кисть и пиши на стенах торговых рядов объявления: «Кредит портит отношения», «В кредит — никому».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

С тех пор никто не видел его смеющимся, никто не слышал от него шуток. Молчаливо, одиноко прошел он свой путь до конца. Путь крутой и каменистый, как те горные тропки, по которым карабкаются, хватая руками колючий терновник, в то время как с грозным шелестом оседает и струится в пропасть потревоженная тобою земля.

«Нужен ли людям мой труд? Для кого я работаю?»

Страшный этот вопрос неумолимо встает перед каждым, кто упорно поднимается нехоженными тропками. Сколько раз, просыпаясь внезапно

но ночью, задает его себе художник! И угрюмо смотрят на него балки низкого потолка, паутина в углу, далекие звезды в оконце...

Все немо, бездушно. Ничто не даст ответа.

Ответить правду бесстрашно могут лишь друзья. Но где их искать? Он сторонится сытых, избегает удачливых. И недаром. В мире торгующих и наживающих Пиросмани — нищий, у него ни кола, ни двора, ни одежды, значит, он — на дне, на самом дне, и людской поток равнодушно катит через него свои гигантские волны.

...Впрочем, как иногда бывает, неведомые друзья сами отыскали Нико.

Солнечной осенью 1912 года по узкой, длинной, как тесемка, улице вокзального района Тифлиса шли двое: тонкий и толстый.

Не шли, а пробирались, плыли среди грохота молотков и ослепляющих солнц, отраженных в медных котлах, жестяных тазах и металлических днищах: народ здешний привык лудить, паять и починять прямо на тротуаре.

Путники поминутно спотыкались: то под ноги им кидался самовар в короне, но без ручек, то кастрюля без дна и крышки. Туча мух, вспугнутых хлопущей, крутилась над головой. С грузом рельс проезжали ломовые фуры, грохоча железными ободьями колес.

Гулкий околоток!

Толстяк в панаме настойчиво о чем-то расспрашивал ремесленников, и губы его выразительно шевелились. Но медники и жестянщики, хорошо зная, как трудно перекричать гул их работы, отвечали по-грузински — только жестом. Сперва, открыв ладонь, быстро крутили указательным пальцем от себя к собеседнику («в чем дело?»), потом, отводя небритую губу в сторону, щелкали языком и мотали щетинистым подбородком («понятия не имею»).

— Зря ищем, Мишель! Зига ошибся, адрес неверен, он не мог бы здесь жить и работать, — отдуваясь, твердил толстый и утирал лицо шелковым платком.

— Дантов ад! — флегматично соглашался тонкий, француз с матовым лицом и эспаньолкой, — но раз сказано — здесь, значит здесь.

Они шагали, а по пятам, сопя от волнения и машинально подтягивая резинки заплатанных штанов, семенила толпа мальчишек, любуясь кремовыми брюками неизвестных, невиданными в районе Молоканки тупоносими ботинками «танго» и страстно желая заработать хоть копейку на леденцы.

Но даже самые опытные следопыты района в солидном возрасте шести — восьми лет не смогли бы сказать важным дядям, где на Молоканской проживает художник. Такого здесь не было. Даже фотографа не было.

Выручил, как всегда, угольщик Арам, «газета-копейка» Молоканки. Высунув из черной дыры подвала бритую голову, осыпанную грифельным порошком, угольщик ослепительно ухмыльнулся и гаркнул, перекрыв уличный гул и звон:

— Маляра хотите? Есть маляр! Известный, как же: вывески работает, стены расписывает в духане. Га? Тот? Ступайте до самого конца, спрашивайте молочную Цуккермана. Вчера немец Пиросману заказ давал.

Оба помчались, словно в спину им дунуло ветром.

А позади семенила, сверкая пятками, ребячья толпа и кричала нараспев:

— Николай маляр! Николай маляр!

Две кудрявые девочки в серебряных серьгах, подпрыгивая, тоже подпевали вслед:

— Никола, сделай куклу! Сделай нам куклу, Никола!

Право, смех! Спрашивают «художника», да еще «известного», а ну-жен-то оказался всего лишь бродяга-маляр — тот, что ночует под лестницей и умеет делать игрушки.

...Накануне художники Михаил Ле-Дантю и Кирилл Зданевич много ходили по жаре, устали и переволновались.

Они сделали открытие, и притом — нечаянно.

Потрясенные, не спали ночь. Проговорили до рассвета. (Одни только художники, кажется, так умеют). Вино стояло на столе нетронутое, сыр, зелень и пучки травы так и остались на скатерти. Предстояло сначала осмыслить найденное, дать явлению имя, отвести ему должное место в искусстве... А потом отыскать и самого творца.

Начало было такое: грязный погребок, куда оба зашли в утренний час позавтракать свежей форелью, украшала новая роспись. «Царица Тамара» глянула на них со стены строгими и дивными своими очами, и Михаил Ле-Дантю пробормотал: «Однако, интересно». Кирилл долго щурился, отходил, подходил и вдруг решил — не поискать ли еще? Безымянный автор «Тамары», по-видимому, самоучка, но хорошо знает древне-грузинскую фреску... Пошли в другой духан, там увидели «Кутеж кинто» — у них вырвался крик восторга. В третьем трактире открыли яростного и великолепного «Черного льва». Застыли как вкопанные перед священной чистотой «Ортачальских красавиц».

И пошло и пошло.

Шамили и разбойники, паломники и странники, виноградари и аробщики, крестьяне и князья... Грузия глянула на них со стен, Грузия «хлебосольного человека», озаренная солнцем, трудом и отдыхом своих людей.

Многие работы были исполнены на черной клеенке.

Они увидели удары кисти смелой и стремительной, почувствовали руку твердую и умелую, а вместе с тем... — удивительное дело! — детскую наивность неведомого им самоучки. «Мальчик с ослом и дровами» растрогал обоих:

— Ты видишь, что для него характерно: лаконичность, сжатость, точность рисунка, легкость письма; а каковы детали, вписанные в целое! — перечислял Кирилл, и узкие глазки его сияли радостью открывателя.

Ле-Дантю удивлялся, до какой виртуозности можно дойти, пользуясь черной клеенкой, жестью, — материалами неблагодарными и жесткими. Почему же неизвестный писал на клеенке? Вслух не сказав, оба подумали: «беден».

Но воздух, тело, шерсть, дерево, кость — все находило в этих картинах свой способ выражения. Самые разнообразные приемы отличали натюрморты, пейзажи и портреты, и даже краски, видимо, изготовленные неведомым художником собственноручно, говорили о неограниченности его возможностей.

Кто же этот человек, как найти его?

— Вот он!

В самом конце Молоканской улицы вместо ряда мастерских с их железной музыкой — ряд белых домиков под красной черепицей в тени густых акаций. У белой стены спиной к зрителям, стоял высокий человек в рваной черной одежде и кистью выводил надпись: «МОЛОЧНАЯ».

Его окликнули.

Он обернулся, с достоинством поклонился и продолжал работать, изредка репликами поддерживая разговор. Взгляд его больших, кротких глаз лишь на секунду задержался на прибывших, но оба гостя почувствовали себя смущенными.

Экспонаты
Экспонаты

Им стало не по себе, словно попали в другой мир.

Тишина окраины, шелест старых деревьев, высокая белая ограда, напоминающая монастырскую, и строгое лицо художника в столь бедном обличье, застигнутого на поденщине, которой он ничуть не стыдился... «J'en avais le coeur serré», — говорил потом Ле-Дантю. («У меня сжалось сердце»).

Разговор не клеился.

«Маляр» работал быстро, явно торопясь сдать заказ. За его работой поглядывал, рассевшись в холодке с трубкой в зубах, человек с фаянсово-синими глазами. Кирпич широкого лица отделялся красной чертой от белой глины незагорелой шеи. Это был Цуккерман, владелец четырех молочных. Он вежливо приветствовал двух элегантных господ, приложив два пальца к берету; в фаянсовых глазках мелькнуло лукавство. Указав трубкой в сторону маляра, шепнул:

— Мой коллега!

И жирная безволосая грудь немца под тонкой рубашкой затряслась от смеха: удачно сострил! Колоссально смешно! Но чтоб не подумали посетители, будто он, Цуккерман, и впрямь равняет себя с люмпен-пролетарием, снисходительно пояснил:

Когда-то он, Цуккерман, начинал свое дело в лавчонке на базаре, бок о бок с Пиросманом. У молодого Цуккермана «в кармане не было», и кредита не было, и знакомств не было. Николай тогда ему сильно помог — открыл кредит. Через несколько лет дела Пиросмана — пфф... — Немец жестом показал, как у Пиросмана все пошло «пфф», — и Николай стал «лумпенем». Знаете, что такое «лумпен»? Они знали. Теперь он, Цуккерман, вызволяет старого коллегу из беды: дает подзаработать на кусок хлеба, когда есть случай.

Нико закончил надпись, вымыл кисти и приветливо обратился к гостям:

— У вас ко мне дело? Идемте.

Даже расчета не взял. Даже не взглянул на хозяина. Успеется, мол.

Они пошли втроем окольной обратной дорогой. Ржавые стручки акаций лопались под каблуками. Тень листьев скользила по лицу молчаливого Пиросмани. Цуккерман крикнул вслед:

— Эй, Николай, загляни в субботу, старые брюки дам!

А маленькая пестрая и смешливая толпа засеменила позади, распевая: «Никола — маляр! Никола — маляр! Сделай куклу...».

...В маленьком, завокзальном погребке в этот час прохладно, тихо. Микитан-буфетчик дремал, прикрывшись газетой. Им подали вареное лобio с орехами в надтреснутом блюде и три стакана мутного вина, нацуженного из бочки.

Когда мальчик-слуга, элегантно щелкнув несвежей салфеткой, отошел в свой угол, Ле-Дантю поставил локти на стол и спросил Нико в упор:

— Знаете ли вы, что ваша живопись замечательна и что вы — большой мастер?

Оставим их за этой важной беседой — такая бывает раз в жизни, и отсвет ее мерцает бедняку до последней угрюмой ночи.

Был у толстяка брат — поэт. Прослышал поэт толки художников.

об удивительном «маляре» и пошел по его следам, выпрашивая в погребках, мелочных лавках и увеселительных садах окраин: — «Где работает Пиросмани?».

Они встретились. Николай обещал написать портрет поэта. Записки Ильи об этой беседе сохранились до наших дней — пожелтевшие листки, исписанные второпях и вкривь и вкось, — так пишут только «для себя».

ЗАПИСКИ СОВРЕМЕННОГО

«...27-го января 1913 года. Воскресенье. Сегодня утром проехал сначала к Месхиеву. Купил у него портрет мальчика, оттуда пошел к Николаю. Пиросманишвили сидел и писал мой портрет. Стал спрашивать его о картине. Портрет мой еще только набросан, на другой картине олень уже написан. Кроме фона, еще неоконченного, исполнен великолепно. Нико отвел меня в сторону и сказал:

— Когда выставка? Если бы мне дали комнату, где можно было бы работать, и полотно, я бы вам за месяц написал десять—пятнадцать картин, лучших, чем те, которые у меня есть!

Далее добавил: «Вот, все мои вещи портят. Например, эта картина — нарисован заяц. Для чего заяц, кому нужен заяц? Но меня просили: нарисуй для моего уважения, и рисую — чтобы не ссориться...».

На мой вопрос, не писал ли он икон, ответил: «Иконописец, живописец, маляр, художник — все разное. Иконописцем не был. Раз только писал святого Георгия. Живописцы — это буквописцы и рисовать совсем не умеют»¹.

Потом жаловался на страшную бедность, на скверную одежду, на невежество заказчиков и просил помочь ему. О том, что ему нужна комната, никому из духанщиков просил не говорить. «Комната должна быть светлая, а тут темно». Когда пишет, левую руку подкладывает под правую, чтобы не дрожала сильно. Русский язык учил сам: «Купил грузинскую книгу, переведенную на русский, и учился по ней. Здесь нельзя хорошо работать — пить заставляют».

Был у него один автопортрет, «в хорошем платье, не в таком плохом», но кому-то продал.

Вчера Нико сказал: «Картины бывают разные: можно писать месяц или даже целый год, и все будет, что писать».

28-го января. Был у Николая утром. У портрета пририсовано дерево, у оленя — трава. Николай сказал, что он сердит на меня за опоздание. Теперь он получил заказ, над которым будет работать, за что получит 60 копеек. Спрашиваю: какой? Показал домовый фонарь, на котором нужно написать: «Молоканская улица, дом №...».

— И это заказ?

— А как же? Если мы не будем работать над низшим, то как сумеем сделать высшее!

Пришлось согласиться.

Далее Нико рассказал, что служил рассыльным в Управлении железных дорог и воинскую повинность не отбывал. Перед обедом я зашел вторично в подвал. Николай спал. Пошел в кабачок к Бего Яксиеву, купил там натюрморт Нико за 1 рубль 50 копеек. Хозяин сказал, что «за такую вещь не дал бы и пяти копеек». Затем говорили о Николае вообще. Духанщик, между прочим, сказал: «Он хотел нарисовать дерево и на него положить вашу руку и книги, а я приказал — стол. Что до оленя, то нужно дерево, чтобы казалось, что олень оперся на него». Я сказал, что Нико Пиросманишвили может рисовать, как хочет, и приказывать ему я не могу. Потом заговорили о той вещи, которую Нико мне дарит. Сандро

¹ Пиросманишвили подразумевает здесь живописца вывесок. (Р. К.).

всячески ее хвалил: «Лучшая вещь будет на вашей выставке. Там изображен один князь, который способен за обедом выпить три ведра вина».

Разбудили Николая. Он пришел сердитый: «У меня талант, устал ждать. Я вас ждал утром, вы опоздали». Натюрморт свой осмотрел: «Помню. Как же — одна из моих лучших вещей. Писал для себя»...

29-го января. Был утром у Пиросмани и позировал. Олень готов. Николай у Бего Яксиева работал бесплатно: только за еду написал 15 картин. Есть его вещи в «Белом духане» на Манглисском шоссе и в других, по окрестностям города. Сандро Кочелашвили все время вмешивается: требует то дерева, то листьев. С трудом удастся его урезонить. Вообще, по-видимому, Николаю ни одной вещи не удастся исполнить самостоятельно, без посторонних понуканий.

«Если бы у меня было хоть сто рублей! Одедся бы, нанял комнату и тогда бы спокойно писал».

Обещал ему, что напечатаю о нем в газете. Прощаясь, говорил: «Заходите потом, цветы рисовать буду»... Добавил: «Лучший мой заказ был от начальника станции Кипиани. Заплатил 30 рублей. Иногда платят машинисты и в мелочных лавках. А вообще работаю за еду».

30-го января. Сегодня утром был с Зигой (худ. Валишевским). Принесли «Трех князей на лугу». Из-за картины была почти драка — не хотели давать знакомые духанщика Сандро. По поводу рамы Николай сказал: «Если стена светлая — черную раму, если темная — светлую, а то плохо видно». «Трех князей» писал девять дней... Нико сердится на меня, что я небрит: лицо выходит непохожим. Потом подошел какой-то тип, спросил: сколько возьмет за портрет? Николай сказал: 30 рублей. Я позировал еще — лицо стало очень похоже. Завтра кончит писать. Сказал мне: «В Москве купит всякий буфетчик, только цену маленькую не назначайте. Если что нужно, пишите письмо, я вам пришлю, что нужно». Потом с Зигой пошли по духанам смотреть картины Пиросмани. В «Варяге» нам предлагали «Царицу Тамару» за три рубля. Вечером был у Николая второй раз — с братом.

Когда пришли, он сидел в глубине духана на скамейке и грел руки около тлеющих углей...

В разговор вмешался хозяин духана, поднял спор из-за лица и оленя. Стал убеждать, что нужна луна. Николай заявил, что луны не полагается, и рассердился. Просил принести кисти. Потом просил показать хоть одну работу брата. Мы пригласили его к себе в дом.

31-го января. Был у Николая утром и позировал. Портрет почти готов. Оленю приписано небо. Вскоре я ушел в редакцию «Закавказской Речи» узнать, принято ли письмо о художнике. Сказали, что будет завтра. Оттуда опять поехал к Николаю. Художник рассказывал мне о своей жизни, службе, торговле, разорении... В 1904 году нанял комнату в Колучей Балке, а теперь, вот уже девять лет, как нет и комнаты. Живет живописью.

«Вот раньше был богат, а теперь и одежды не имею». В Кахетии есть отцовская земля, но там он не живет, так как «не земледелец». Когда я уходил, пришли какие-то люди и начали критиковать портрет. Николай сказал: «Не слушайте их, они дураки, ничего не понимают».

1 февраля. Был у Николая утром. Портрет окончен. За портрет Гульбатова нужно отдать два рубля духанщику Сандро, который тот давал якобы «для успокоения друзей». Николай намекнул о своей просьбе (заказ в Москве). Вечером был с художником Т. и журналистом А., смотрели картины Нико. Художник Т. сказал: «Напоминает персидских художников, но грубее, цвета нет никакого; вообще, ничего замечательного». В общем, мнения неопределенные и равнодушные. Могу добавить, что некоторые интеллигенты насмеваются над ним.

Взял портрет и оленя, Николай стал протестовать: «За оленя ничего не платите, уже довольно. Если в Москве будет заказ, напишите». Мое обещание о том, что его картины будут в Москве на выставке, обрадовало и ободрило его. Прощаюсь сердечно и еду на вокзал.

Поезд отходит, а там, в глубине огромного города, сидит у тлеющих углей человек с тоскующим взглядом, одинокий скиталец, большой художник. Он произвел на меня глубокое впечатление, и теперь, после знакомства с Николаем, я знаю, что такое жизнь».

...На этом записки обрываются.

«Что такое жизнь» — уличному художнику известно давно. Из всех ее ценностей (знает он) самые хрупкие, самые непрочные — человеческие связи. Ему повезло: он обрел друзей в искусстве — величайшая ценность! Но отгремел поезд, мигнул красный глаз хвостового вагона, растаяла в воздухе завитушка дыма, — и, как дым, растаяла, исчезла связь. Винить ли за это людей?

На город надвигается громада туч, мелькают клинки молний. Зарница зло осветила овечье стадо домов, сбившихся в кучу у подножья Метехского замка: быть буре!

«А что такое отдельные люди в бурю?», — не раз приходило в голову Нико.

Листья, гонимые ветром.

Одного из друзей (автора записок) пойдет мотать, швырять и вышвырнет на чужой берег окаянная судьба эмигранта. Другой умрет в самый канун Революции. Третий переселится в северную столицу.

...А ты один над грудой тлеющих углей.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Со стороны могло показаться: извечно существовали они отдельно — Метехский замок и город Тифлис.

Город — трудолюбивый, пестрый и шумный — переполнен музыкой, как чаша вином: в садах бьют бубны, ноет зурна, проспекты звенят оркестрами, из распахнутых окон брызжет песенка, с балкона спелой виноградной гроздью свесилось только что собранное «Мравалжамиер».

А сторожевая крепость на скале молчит, немая. Там тюрьма.

Слепы узкие окна-бойницы. Ни взгляда оттуда человеческого, ни звука. Полосатая будка часового у крепостной стены, если на нее смотреть снизу, — спичечный коробок. В коробке — оловянный солдатик с ружьем. Все очень маленькое, смешное, игрушечное (если смотреть, конечно, снизу).

И какое-то сонное.

Похоже на старинную литографию.

Наверное, при царевиче Вахушти так же было: отвесная скала, крепость на скале, змеинные струи Куры под скалою. Облака. Нарисовать бы это иглой на меди, как делали в старину, протравить кислотой, потом отпечатать.

— Эй, человек! Оглох, что ли? Нельзя здесь останавливаться. Прррходи! Тебе говорят!

Совсем не игрушечный, — натуральный солдат перед ним. Носом к носу. Щетина усов, гвозди острых глаз, словно в смехе, оскалены зубы... Какой там смех! Дышит тяжело, значит бежал от самой крепостной стены. Нелегко, должно быть, бежать в сорокаградусную жару в полной

амуниции и выкладке, с винтовкой наперевес...

Чуть двинул солдат штыком, — и у самой груди ощутил Пиросмани холодную сталь, почувствовал на своем лице чужое, луком, перегаром, махоркой воняющее дыхание.

Спокойно подняв взгляд, отразил им колючий вопрос солдатских гляделок:

— Не знал, виноват. Мимо шел...

— То-то, «виноват». Незачем мимо тюрьмы ходить. Нету тут дороги. Еще раз сунешься, сам туда угодишь...

И солдат, уже по-свойски, оттопыренным большим пальцем ткнул через плечо в сторону крепостных ворот. Но тут совершилось волшебство: огромные створы внезапно сами собой разошлись, обнажив обширный квадрат пустого двора в каменных плитах с пробившейся в расщелинах лебедой и крапивой. И по плитам шел к воротам гуськом десяток очень бледных, плохо одетых людей с мешками за спиной.

Бритые головы, одинаково серые лица отличались друг от друга лишь оттенком небритой щетины на впалых щеках: у одних щетина рыжеватая, у других сизая, у третьих вовсе седая. Шли бесшумно, как тени.

Зато очень громко перекликаясь, толкаясь и скрипя сапогами, за ними пробежал конвой, оцепил серых людей и на минуту скрыл их от глаз Пиросмани. К воротам, гремя, подкатили фургоны, похожие на цыганские повозки, только с решетчатыми окошечками. Лошади фыркали, махали хвостами и били копытами — буднично, мирно...

Серых людей втокнули в фургоны, захлопнули, заперли. Бравые конвойные вскочили на запятки, бич щелкнул, как пистолетный выстрел, запел рожок, лошади рванули, и на маленькой площади осталось лишь облако пыли, такое густое, что сторож у стены начал чихать, харкать и протирать глаза кулаком.

...А створы крепостных ворот поползли обратно и закрылись сами собой — медленно, плавно, с каким-то печальным звуком, долго стоявшим в вечернем воздухе.

И снова все стихло. Умер звук. Застыл игрушечный солдатик в спичечном коробке.

Солнце облило оловянным блеском стены, башни, слепые бойницы...

Пиросмани обогнала женщина в низко надвинутом на глаза ситцевом платке. По ее худым лопаткам, по беспомощным жестам молодых и тонких рук он угадал несчастье, которое та несла с собой, стремительно пробегая щербатыми дорогами Авлабара.

— Партию отправили в Сибирь...

Так и не увидел лица, запомнил только дрожащие губы:

— В Сибирь отправили партию — девять человек. Все железнодорожники. Передайте в депо! Девять человек. Все железнодорожники. Передайте...

Она унеслась, как осенний лист, только желтое в сборках платье мелькнуло за углом. А он невольно согнулся, ускорил шаг, полностью ощутив груз той большой беды, весть о которой сегодня же, до вечера, надо передать людям окраины — тем, среди кого он работал и жил. На Молоканской проживает немало слесарей депо, кузнецов, смазчиков. С ними он по субботам пил вино, ломал лаваш пополам, принимал их угощение — овечий сыр, кусок лепешки. С ними случалось присесть на ступеньке или на бревнах бок о бок в молчаливой трапезе короткого рабочего полдника. Плечистые, крепкие, веселые ребята... Кто из них пошел в Сибирь?

«Девять человек. Передайте в депо».

Внизу, в мареве умирающего знойного дня лежал город; прикрытый лиловой тучей заката, все похожей становился на блеклый ковер, который расстелила хозяйка перед тем как вытряхнуть его хорошенько да помыть к празднику. В ортачальских садах уже заливались соловьями зурначи, созывая вечерних гуляк.

А Метехский замок стоял на отвесной скале и не глядел никуда. Слепые глыбы стен. Под стенами — игрушечный солдатик с ружьем: переводная картинка из ребячьей тетради.

И казалось, навеки раздельны в пространстве и в веках — старый замок, вознесшийся к облакам, и шумный город у его подножья.

Но тень Метехи лежала на городе.

Тяжело быть вестником беды. Свое горе носишь привычно, прочно увязанной ношей, горе людское — пригибает, бьет по ногам, мешает ступить.

Двум знакомым — кондуктору Кахетинской ветки и смазчику из депо — передал по пути то, что довелось услышать под стенами Метехи. Разговаривали на улице, едва шевеля губами, тут же разминулись и пошли каждый своим путем. Кажется, ничего особенного не случилось: маляр перебросился словом с рабочим. Но тревожные вести летят на крыльях, опережая гонцов, и вот уже над огородами дальней рабочей слободки женский крик распорол плотный воздух. Крик острый, впивающийся жалом прямо в сердце, — не вырвешь оттуда...

Идет маляр рабочей улицей, и кажется ему — ниже пригнулись домики, грязнее двory, чернее подвалы. Почему не слышно веселого перезвона тазов и кастрюль, стука молотков, зазывающих лудить, паять, починить старый хлам?

Мертвая тишина. Правда, рабочий день окончен. Но не та тишина!

Угольщик запирает свой подвал. Он не скалит белые зубы, не приветствует приятеля шуткой. Щеки его под грифельной пылью втянулись, губы серее пепла. И Пиросмани, вместо приветия, с ходу бросает тревожно:

— Кто-нибудь есть у тебя там, в Метехи?

— Брат! — бесцветным голосом отвечает угольщик и пристально рассматривает ключ, лежащий на грязной ладони. Пиросмани тоже смотрит ему в руки (ключ как ключ), ибо не подобает глядеть горю в глаза.

«Газета-копейка» подбрасывает ключ, запихивает его в карман, протяжно насвистывает и медленно выходит из подвала, с трудом отдирая подошвы от тротуара.

— Как я домой приду, как матери скажу...

Пиросмани вскидывает голову и печально смотрит на вечернюю звезду, серьгой висящую под веткой шелковицы:

— Иди! Она уже знает. Матери все знают раньше нас.

На Сурамском перевале выпал снег. Значит, зима у ворот.

Шепот на окраине: «Боже, будь милостив к нам, грешным, — бездомным, одиноким, нищим, больным, заключенным. И к тем, кому на свободе ничуть не легче, чем в тюрьме. И к тем, кто бредет по дорогам Сибири под конвоем первых метелей, еще неведомых детям Юга».

И к тем, кто дома ночует под лестницей, не имея другого крова...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Каждая зима была для Нико катастрофой.

Не имея теплой одежды, он мерз, простуживался и кашлял. Жизнь

под лестницей — пытка, когда нет в защиту от зимней стужи ни печки, ни мангала и не на что купить дровишек или углей. Да и не позволил бы домохозяин топить под лестницей. Суровый рачинец с головой в форме боба и висячими усами иногда молча навещал каморку художника и осуждающим взглядом окидывал его немудреное хозяйство: железную койку с тряпьем; кисти, краски и сверток клеенки в углу; деревянный ящик, на котором нарисован человек в цилиндре.

Домохозяин пока не выселял Пиросмани.

Конечно, каморку можно сдать «холодному» сапожнику, оно выгоднее, только у сапожника тлели бы угли в жаровне — вечная опасность для старых построек. Да разве согласился бы самый «холодный» сапожник жить зиму без огня? И домохозяин терпел Пиросмани, хотя тот платил редко и неаккуратно, после многих напоминаний.

Домохозяин, постояв на пороге, уходил. Стужа оставалась.

Стыли пальцы, ныли кости. Замерзло масло в склянке.

Ночью дрожь сотрясала тело. Рассветы были жестоки: ясно-розовое небо обещало стальной морозный день, хмуро-пепельное — предвещало слякоть и горе.

Башмаки разевали пасть, набирая воду. Подметки отрывались. Бахрома брюк принимала цвет уличной грязи. Намокший пиджак прилипал к телу — рубашки под ним обычно не было.

Брести таким оборванцем по Молоканке нестерпимо горько. Но и дома сидеть нельзя: работа не ищет человека. «Хлеб за брюхом не ходит».

Любимая поговорка Митрича.

«Не зайти ли к Митричу?»

Если говорить по совести: человек никогда не бывает один.

Считаешь себя одиноким, брошенным, покинутым и никому не нужным — значит, ты слеп, ты не видишь, кто вокруг тебя. Простые люди, маленькие, согбенные труженики. Их много, без числа, как песчинок на дне ручья. Твоя беда — их беда. Твое горе — их горе. Тебя крепко держат работодатели, их тоже. Тебе не вырваться, им тоже.

Жалеют они тебя:

— Работяга. Правда, пьет.

— А кто не пьет.

— Семьи не имеет.

— С семьей тяжелее.

— Одна голова не бедна, а уж коли бедна, так одна.

— Правильно говоришь. Только — старость придет, куда денется?

Колодки, дратва, иглы, деревянные гвозди. В ящике каблук все фасонов: солидные, семейные, квадратные и легкомысленные, изогнутые рюмочкой, французские. На полу обрезки кожи. Дух в каморке густой. Хозяин с похмелья мрачен.

— Что, пришел, Нико? Баретки каши просят? Гиблое дело. Такие опорки — выкрасить да выбросить.

Пиросмани молча крутит головой. Подвинулся к жаровне.

— Погреться хочешь? Седай.

Молчат долго. У Митрича в зубах дратва, а художника сотрясает дрожь. Зубы выбивают дробь.

Митрич покосил, покосил глазом и вдруг отложил работу. Протянул руку за чайником, другой пошарил и вытащил из обрезков кожи жестяную кружку. Плеснул в нее горячего, пахнущего веником, чаю:

— На! Чаевничай.

И снова — молчание. Один пьет, другой шьет.

Сблизились они давно. Над листком газеты завязался узелок их знакомства.

Однажды принес Пиросмани чинить «баретки» к новому, недавно поселившемуся близ Молоканской, русскому сапожнику. В ожидании присел с газетой в руке, убрав подальше под табурет босые ноги.

Прочитал вполголоса: «Известный разбойник Зелим-хан дерзко напал на проезжавших по Военно-Грузинской дороге коммерсантов...», «Поиски продолжаются».

Митрич блеснул глазком:

— Это не дело.

Пиросмани с интересом глянул на критика. Привык он к страстному восхищению «мокалаке» — горожан — перед дерзостью неуловимого Зелим-хана, а тут ему заявляют: Зелим-хановы подвиги — не дело!

Сапожник пробурчал:

— Никому не поможет, и самому не миновать веревки. Поделом вору и мука. А вот зачем нашего полковника застрелил, душегуб? Осиротил семью, дочки остались, одна — истинно красавица, «хоть и малое дитё, а все понимает: убивалась, бедная!».

Отбывал Митрич военную службу в горной крепости и поединок полковника Андроникова с Зелим-ханом в горах, оказалось, наблюдал самолично.

Проиграл полковник. Застрелил его Зелим-хан.

На закате прискакали в крепость однополчане, привезли труп полковника, переброшенный через седло. Молча стояли навтыжку, рука под козырек. Билась птицей полковничиха на руках приближенных женщин.

Рядом со взмыленным конем — две крошечные девочки, у старшей — слезы в огромных недоуменных глазах. Коротко рассказал Митрич, но почувствовал детское горе и мягкий сердцем Пиросмани. (Не знают оба: пройдут годы, и огромные эти глаза с застывшей в них слезой обойдут все экраны мира...).

— Вот какие, братец, дела.

Справедливый был полковник: солдата не обижал, хоть сам из господ, а не издевался над нижним чином. Приказали ему ловить разбойника и вот — погиб ни за что! Пропадет и твой Зелим-хан, как собака... Митрич любил заканчивать речь поучением:

— Всякому разбою один конец: веревочный.

...Сегодня — о других сиротах разговор.

Сапожник показал две пары маленьких желтых башмаков и сообщил хмуро, что взял заказ не ради грошей, а задаром: у двух вот таких девчат (показал рукой от пола) вчера отца в Сибирь угнали. В доме хоть шаром покати, молодая мать третьего ждет, что будешь делать! Труба.

Ледяной рукой сжало сердце Пиросмани чужое горе.

Посмотрев на маленькие желтые башмачки, он ясно увидел перед собой двух девочек, почему-то в серебряных серьгах и ситцевых длинных, на вырост, платьицах: «Николай маляр! — пели смешливые их голоса. — Сделай нам куклу!».

Что с шалунями будет теперь без отца?..

Митрич смотрел бодро:

— Погибнуть ребятам товарищи не дадут. Отец их был, знаешь, какой человек? Забастовщик. Политический. Которые против царя идут. Отчаянный народ, но друг за дружку крепко держатся. Сбор произведут в пользу семьи...

Осекся. В дверях — распахнув мокрый от дождя плащ — железно-

дорожник, веселый, молодой, с зорким взглядом колючих глаз. Огляделся и с порога протянул руку шутливо:

— Здравствуй, рабочий класс!

Митрич завернул в обрывок газеты и церемонно передал гостю желтые «баретки». С достоинством отвел протянутый взамен серебряный рубль.

— Мы уж так, по-знакомству.

Железнодорожник крепко потрянул негнущуюся Митричеву ладонь, показал великолепные зубы и ушел, кольнув испытующим взглядом молчаливую фигуру в углу.

Долго думал художник об этой встрече, о взаимопомощи собратьев в беде.

Медведицей навалилась зима. Придавила город лохматой, бурой шерстью туч. Ключья меха ползли по склонам. Ночь наступала рано.

Однажды ливень и темнота застигли Пиросмани на краю города, и пришлось искать убежища у Варлама, хоть Варлам и сам не имел крова, его дом был — воз.

Ломовой извозчик давно знал Николая, любил его и не терял надежды спасти заблудшую душу. Был возчик, как видно, баптистом. (Всяких сект, общин религиозных и братств развелось в то глухое время больше, чем мышей в амбаре).

Варламова вера — простая. Уложив Николая на возу, сам валился рядом огромным телом и поучал:

— Мир отдан дьяволу и его слугам — богатеям, князьям, властям. Попы жадны: служат золоту, а не богу. Истинно верующих горстка, но они спасутся. Только надо все претерпеть: гонения, клевету, тюрьму, голод. Зато ждет их царство небесное.

Варлам подымал костлявый палец:

— Не здесь! Не здесь. Там!

Нико вздыхал и поворачивался с боку на бок. Любил он только землю с ее цветами, зверями, плодами и детьми, хотел счастья людям только на земле. Ни в какое «там» он не верил.

— А ты за што терпишь, Николай, — не пойму...

Оба лежали на сене, укрытые брезентом. Сухие травинки кололи тело. Дождевые капли стучали по непромокаемой ткани. Жевали волю. В круг поставленные повозки задрали к небу оглобли, словно поднятые в отчаянии руки.

В тонком пологе дождя — огни города. Ночь на Арсенальной горе, придет время, и он напишет тебя!

— Пошто терпишь? — не унимался Варлам, пытливо вглядываясь в приятеля. Сквозь щетину, которой порос до бровей, глядел дремучими глазами, силясь что-то понять в человеке, занятом несостоящим, на его взгляд, делом: картиночками на стенах.

Мог ли сам Нико ответить себе на вопрос: за что терпит?

В самом хвосте зимы — «гижи марты» — сумашедший март.

Дрожат стекла домов, скручивает в трубку железную крышу сила норд-оста, если крыша ненадежно укреплена. Валит ветер трамвайные мачты, срывает вывески на проспекте. Великий пост. В церквах молятся о плавающих, путешествующих, болящих и спасении их...

Зашел в Сионский собор.

Теплота плотной толпы согрела его. Золотые острия горящих све-

чей успокоили зрение, уставшее от ветра. А главное для него здесь — темные лики на древних стенах. Как любил он эту роспись — могучее, древнее мастерство предшественников и собратьев по ремеслу!

Но до слуха дошло:

— ...Лисицы имеют норы и птицы — гнезда, а сын человеческий не имеет, где преклонить голову...

Вздохнул и вышел из храма.

В тот же день на каменистом крутом спуске — встреча: арба.

В лад ходу буйвола болтаются сзади, между двух скрипучих колес, две пары детских ног. Почему так знакомы эти детские ноги — с лиловыми от холода коленками, в спускающихся чулочках и желтых башмаках?

Нагнал арбу.

Мать, закутанная в шерстяную шаль, прижимает к себе темный кокон — спеленатого младенца. Две сестренки съжились под одним байковым платком и смотрят на чужого дядю огромными испуганными глазами. Серебряные серьги качаются в их ушах.

Не узнают его больше озорницы и вообще никого не узнают.

Долгим взглядом прощаются шалуни с городом, где прошло их детство:

«Прощайте, расчерченные мелом тротуары, прощайте, шумные базары, куда мы ходили с мамой, и ты, торня на углу¹, где пекут вкусный белый лаваш, и ты, мечтанье детских лет — игрушечная лавка, за стеклом которой качаются на шнурке две роскошные куклы: князь и княгиня — он в бешмете с кинжалом и в папахе, она в шелковом платье и с вуалью на настоящих, клянусь матерью, волосах». Не прилипнуть больше любопытным носом к стеклу витрин...

Их выселили. Они «семья бунтовщика».

Впереди долгая, долгая дорога. В горах — ветер и снег.

Как лишаются дома? Просто.

Околоточный приказал домохозяину. Домохозяин велел дворнику. Дворник пришел и раскидал их вещи по двору, а на квартиру навесил большой замок и ключ унес с собой.

Как плакали соседки, обнимая окаменевшую мать, уговаривали ее отдать им детей. Но пришли товарищи отца и сказали, что лучше ехать в его деревню: там свой дом, где отец родился, оттуда не прогонят.

Принесли, положили в арбу два мешка — один мягкий (с мукой), другой колется (там сахар), и семья двинулась в путь.

Что же ты раньше не подумал, Нико, о том, что детству нужен не только хлеб, но и смех? Не смастерил игрушек, как бывало, не одарил двух смешливых уличных знакомых последней радостью их городской жизни?

Позднее сожаление терзает его. Скрип арбы стихает вдалеке, а Нико все стоит на каменистом спуске с поникшей головой.

В апреле Нико получил хороший заказ: расписать духан на Манглиском шоссе как можно лучше да побыстрее. Хорошо бы — к пасхе.

На праздники много народу едет в загородные духаны: расфранченные, в черных шелковых рубашках, в поясах с серебряным набором «карачогельцы», а сбоку, примостившись в переполненном фаэтоне, шарманщик неутомимо крутит ручку, и на всю окрестность гремит музыка кутежа. Надо, чтоб и ресторан выглядел празднично. Постарайся!

¹ Торня — пекарня.

Он поехал в дилижансе.

В полях весело: маленькие дикие тюльпаны высунули носы из полуразвернутых листьев и с любопытством глядят на проезжего человека. Дикие гиацинты, одетые в росу, встряхивают кудрями, лилии расправляют лепестки.

Горное шоссе вьется стружкой. Мимо бегут вывески придорожных харчевен с зазывающими надписями: «Не уезжай, голубчик мой!», «Фаэтон, стой!».

Но дилижанс катит себе и катит мимо. Наконец, лошади остановились — Белый духан. Здесь Нико начал работать. Писал несколько суток без отдыха, наскоро закусывая и кое-как переспав на скамье. В черной жилетке поверх малиновой рубахи подходил усатый и огромный мужчина и коротко одобрял:

— Быстро работаешь. Сагол!¹ Только... здесь должен быть сбоку нарисован орел. Как живой. Понимаешь?

Зачем орел, кому нужен орел? Нет, он этого не хочет! Но все пристают с просьбой: сам хозяин, жена хозяина, сыновья хозяина, сабутыльники хозяйские... И хор голосов твердит:

— Сделай уважение, нарисуй. Если уважаешь, нарисуй.

И он писал орла из уважения.

На обратном пути Нико отказался от подводы, пошел пешком и заблудился.

Случалось ли вам заблудиться в облаках? В горах это нередкий случай. Облака бродят, как овцы по дворам горного села, иногда достигают путника по выходе из селения, и вот бредешь в молочно-белом тумане, из осторожности сойдя с дороги, чтоб не сшибло тебя во мгле повозкой или экипажем.

...Сам не заметил, как очутился в лесу. Решил дальше не идти. Уселся на выгнутых корнях большого дуба, прислонился к дереву спиной и, сломленный усталостью, задремал. Его разбудил шорох...

Солнце стояло высоко, сквозь мокрую листву сыпались ворохи позолоты, а перед Пиросмани так близко, протяни руку — дотронешься, предстала маленькая козуля. Ветерок дул с ее стороны, трепещущие черные ноздри козули не уловили запаха опасного гостя — человека. Стояла как вкопанная, только чуткие ушки ее настороженно шевелились. «Стои так, сестричка, я нарисую тебя!».

Вдруг «сестричка» сделала грациозный прыжок, сорвалась и пропала в лесу, мелькнув «салфеткой». Тогда только смог он расправить онемевшую спину. Первое, что сделал, — достал из ящика (где на крышке — человек в цилиндре) свои кисти, клеенку и начал рисовать.

Часы текли. Птицы качались на ветке, кося на него бусинкой глаза. Жук-точильщик пробежал по стволу, потом по спине художника и опять по стволу... Человек работал и работал.

Когда на полянку легли косые предвечерние тени, захотелось пить, затамил голод. Достав из мешка круглый хлеб и бутылку слабого вина, стал прихлебывать и закусывать...

Не хлебнул ли он лишнего? Или игра теней и света утомила напряженное зрение? Или приснилось ему такое?

Из лесу вышла на поляну медведица с медвежонком, прислонилась к стволу и давай чесаться. Чесалась долго, оставляя клочья шерсти на

¹ Сагол! — здесь: в смысле «молодец!».

коре, а медвежонок смиренно сидел у ее ног и только временами поднимал худую морду к небу.

«Стой так, тетушка, я нарисую тебя».

«...Не могу, добрый человек: после когда-нибудь, если буду свободна. Знал бы ты, как трудно с пропитанием в лесу в этот год! Никогда еще такой трудной зимы не бывало. Себя еще прокормила бы, да беспокоит семья. Двое шустрых малых, один вот отбился в чащу, теперь ходи, ищи его. Малышам столько нужно: пропитание, воспитание, образование...».

Тут медведица вдруг отпустила здоровую затрещину медвежонку: вздумал малыш из подражания ей тереться об одно дерево, сплошь увитое колючим ломоносом, не зная еще, что такие колючки потом не выберешь зубами...

Медвежонок взвизгнул, отбежал, мать с достоинством заковыляла за ним, косо ставя ослабевшие после голодной зимовки ноги. Оба скрылись в чаще.

Бывают же такие мгновения в жизни — полновесные, звучные, озаренные солнцем, как эта полянка в темном лесу!

Ночь ночевал в селении Табахмела — в крестьянском доме на жестких подушках в полосатых наволочках, окруженный почтительным и добрым радушием бедняков, от которого теплее сердцу. Крестьяне знали Пиросмани по «лучшим временам», когда тот был хозяином городской лавки. Их сыновья с табахмельских высот спускались к нему в город с кувшинами. Парнишки выросли, разбрелись в поисках заработка, отцы и матери состарились, но, как ни странно, память о «благородном лавочнике» еще жила в маленьком селении.

Утром его пригласил к себе хозяин придорожного духана в Табахмеле.

Заказал картину «Коджорская шоссейная дорога». Просил изобразить «веселый кутеж»: бурдюки с вином, фрукты, рыбу, шашлыки, вокруг стола «хороших людей», а позади — вид на Тифлис. Работал над заказом целые сутки.

Денег хозяин не дал, но пригласил маляра пожаловать на свадьбу дочери. Осенью, как водится.

Поздно вечером следующего дня спустился в город, и густая волна запахов охватила его, наглотавшегося родниковой воды высот.

Из подвалов несло жареной бараниной и острой приправой, улица благоухала дешевыми духами женщин, из переулков воняло гниющей зеленью, на Майдане ударило острой струей запахов дубильни и кожевенного сырья... Почувствовал, что задыхается.

Нестерпимо болело усталое тело, ныли ноги, и Нико позволил себе в этот вечер необычную роскошь: сел на трамвай, взял билет за пятак и поехал к себе на окраину — важно, пассажиром.

...Какой поэт воспевает тебя, о, старинный тифлисский трамвай!

Твои открытые вагончики с поперечными скамьями и единственной длинной — во всю длину вагона — ступенькой, по которой боком, непостижимо ловко, подвигается к пассажирам храбрый кондуктор. Он — в картузике с козырьком и с рожком на цепочке; висит на подножке и даже не хватается за поручни. Не поймешь, как удерживается человек при такой бешеной скорости? Девушки ахают и зажмуриваются, старики качают головой.

Остановка! Вожатый закрутил ручку, вагончики взвизгнули тормо-

зами. Пассажиры сошли, остались лишь рабочие, которым всегда далеко ехать.

Но трамвай словно примерз к рельсам — не двигается с места. В чем дело? Ватман, оказывается, увидел на углу знакомого и пошел к человеку — покурить, побеседовать четверть часика.

Элегантно вскинул молодец-кондуктор свой рожок, протрубил меланхолическую ноту и стал поторапливать замешкавшихся пассажиров: «Скорейте, господа, скорейте!».

Все расселись по скамьям, запели песенку колеса, и ветки мимо бегущих лип стали хлестать вагончики, овеявая прохладой. Через пять кварталов — опять долгая остановка (ватман зашел в винный погребок). Снова меланхолический вой рожка и вновь движение на бешеной скорости ночного последнего рейса... Нет и не будет тебе подобных, друг поэтов, старинный тифлисский трамвай!

У дверей дома маячила неясная впотьмах фигура. Дворник. Не впустил. Хозяин не велел. Не заплатил Николай, и каморку передали другому. Под лестницей живет теперь колесных дел мастер.

Зачем было спешить, кому же пел рожок: «Скорейте?»

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Микитан¹ Захарий приютил старого знакомого.

Компаньон микитана уехал в Телави за вином, в его отсутствие Захарий чувствовал себя хозяином. Был Захарий мал ростом, кривоног. Один глаз ему в молодости вышибли в уличном бою на масленице, сильно пострадала в драке и переносица. Но в уродливой этой голове жил ум светлый, живой. Захарий страстно интересовался политикой, был философ и спорщик. Страдание его — в вечной нехватке свободного времени: некогда газету почитать, некогда поговорить.

Подвальчик закрывался далеко за полночь, а на рассвете уже надо мыть котлы, таскать воду, чистить посуду, печь кукурузные лепешки. Неожиданный гость — Пиросмани теперь читал ему газету по утрам, спотыкаясь на незнакомых словах. Захарий чистил рыбу, серебряная чешуя летела во все стороны.

Иногда целые строчки сплошь были непонятны. Тогда оба приятеля вопросительно глядели друг на друга.

«Экономическая конъюнктура и финансовая ситуация дезавуируют банковскую инициативу»...

Молчание.

— Деза... Вуи... — вздыхал Захарий. — Вуи... Вуи... Вуй ме, как непонятно нынче пишут. Читали волку евангелие, а волк в лес глядел.

Был Захарий имеретин, пословицы и прибаутки сыпались из его уст, как лобии из дырявого мешка: «Свежую новость и свежий огурец не покупай дорого: быстро подешевеют», — говаривал он друзьям.

«Человек человеком жив» — вот что было Захариевой верой, наперекор тому, что думал компаньон, что исповедовали кругом богатые («человек человеку — волк»).

Он уступил Нико свою койку, сам спал на скамье. Ящик с нарисованным на крышке человеком в цилиндре пристроил в дровяном чулане, а когда в погребок приходили посетители, Захарий выбирал подходя-

¹ Микитан — духанщик-кабатчик.

щих — подрядчиков, артельщиков и, подсаживаясь к столику, шептал: «Малыра не надо? Есть тут один...».

В утренних беседах на дне темного подвала Захарий так же, как и Варлам, допытывался: чего ищет Пиросмани, как он думает о жизни, будет ли справедливость на земле? И Нико вместо ответа рассказал ему о девяти заключенных Метехского замка, потом об арбе рассказал — арбе, увозившей семью...

Захарий умолкал. Единственный глаз его сверкал зеленым огнем.

Судорожно схватив сковородку с очищенной рыбой, вздувал угли в жаровне и с размаху ставил сковородку на огонь. Масло шипело, брызгая на каменный пол.

— Сколько можно терпеть, Нико, скажи? Тысячу лет мучают народ, когда же перестанут? Ты кизикиец,¹ Николай?

— Я кизикиец, верно.

— Твои деда не были рабами. Потому у тебя и речь прямая, и спина прямая. А моего деда помещик посадил в «чури»², пока не задохся там. А его дочь... Мою мать...

В одиноком глазу стояла слеза ярости.

Не терпел Захарий, если Нико говорил, будто «все люди — братья», и что так оно когда-нибудь и будет.

— Губернатор тебе брат? — язвительно допрашивал Захарий. — Полицейский тебе брат? Нет? Так куда же ты их денешь в будущее золотое время? Или хозяин духана «Белый ключ», может быть, тебе брат? Кстати, когда он с тобой рассчитается, собачий сын, — не сказал? Пожалел ворон твои два глаза!

На Захария накатывало неистовство.

Прихрамывая, бегал он по подвалу, вспугивая мух. Грозил кулаком и выносил приговоры: губернаторов вешать, жандармов казнить, полицейских побросать в Куру, богачей выгнать из домов и заставить пахать землю, а богатства их раздать детям бедняков...

«Овца овцой, а разгневаается — жестока».

Захарий выносил пятнадцатый смертный приговор, когда вдруг распахивалась наверху дверь и в кубе солнечного света появлялись пузатые фигуры в черных шелковых рубашках и поясах с серебряным набором — клиенты.

Тогда, схватив салфетку, Захарий снова становился микитаном.

Пятился, отвешивая учтивые поклоны, и приглашал:

— Пожалуйста, батоно, садитесь, батоно, вот ваш столик, батоно. Есть цоцхали³, есть форель, молодой сыр, какое вино желаете?

И катилось колесо по старой колее.

Приехал через неделю компаньон Захария — огромный человек с фиолетовым, как баклажан, лицом. Зычным голосом потребовал счета и уселся щелкать, а Николай забрал свой деревянный чемодан и покинул подвал Захария.

Снова ночь. Ортачальские сады. Спелые виноградины фонариков просвечивают золотом. Вокруг фонариков — орнамент живых и подвиж-

¹ Кизикия — местность в Восточной Грузии, где раньше не было крепостных.

² Чури — большой глиняный сосуд для вина.

³ Цоцхали — название рыбы.

ных листьев. На белой скатерти — бурдюк, курица, нанизанные на вертел шашлыки, рогатые чуреки. Пальцы ныли от желания написать все это.

Там встречал он «дочерей греха». Духанщики, те говорили грубо: «ортачальские девки». Пиросмани видел в них иное: сама любовь лежала перед ним, голубь отдыхал на ее плече, цветок оживал в ее пальцах. Две такие фигуры создавали диптих — двойную картину, исполненную гармонии и покоя.

Женщина, любовь тебе имя! Вокруг цвела южная весна, и все пело о любви, все клялось ее именем... Значит, любовь все-таки существует? Не о ней ли говорил Бараташвили: «Ты — самое большое чудо божье». Но он, бродяга, недостоин чуда и не любим никем.

Пьяный органщик заводил орган. Музыкальное чудовище хрипело: «...Маргарита, ты меня любила...».

Далекое воспоминание!

Как мог он не видеть, что актриса немолода? Как мог женское ухищрение — никогда не улыбаться, чтоб избежать морщин, — принять за глубокую грусть и тайную, неведомую думу?

Его кисть, однако, не знала обольщения. Трезво, беспощадно написана «Актриса Маргарита» — двойной подбородок, усмешка ростовщицы, безжалостные руки. Холодный, жесткий свет освещает фигурку. Так написать можно только разлюбив.

Качает ветерок спелые виноградины фонариков. Скользят, покачивая бедрами, странные черные тени — пляшущие кинто. Сколько раз наблюдал он дикий разгул кинто, слушал их озорные песенки, запоминал синие белки чуть раскосых глаз, оскал зубов, всплеск длинных рук — все жило в них стройным движением, все просилось в картину — разве вас забудешь, ортачальские вечера?

...На рассвете, бродя по набережной, наблюдал рыбаков. Однажды сошел с отмели рыбак и пошел по воде навстречу ему, улыбаясь. Молодой, стройный. Штаны закатаны, струится с одежды капель, в руке — серебряная рыба бьет хвостом.

—Прими в дар, — попросил рыбак, подал рыбу и назвал художника по имени и отчеству: — Николай Асланович.

Изумился:

— Откуда, сынок, меня знаешь?

— Как не знать, батоно, сколько лет из Окрокан молоко к вам возил. «Да, тому много лет. Мог бы он быть моим сыном».

Чем только не торгуют в городе, где одной работой — не проживешь! Вот бредет крошечный парнишка, тащит тяжелое ведро.

— Что продаешь, мальчик?

— Речной песок, белый речной песок.

— Удивительное дело, кто же покупает речной песок?

— Хозяйки покупают, батоно, — солидно отвечает малыш, — хозяикам нужен песок.

Другой мальчуган несет ведро, полное седой золы. Неужели нужна зола, кто купит эту золу?

— Прачки, батоно, прачки купят золу!

Будут бродить мальчуганы весь день по горным улицам, осторожно

переступая босыми ногами: камни чересчур горячи и остры, больно ногам... О, как он знает эту боль.

Над чем только не задумаешься, бродя иной раз по городу! Видел Нико однажды свадьбу — и не может ее забыть.

В некоторых церквах обряд венчания совершался в полночь. В час, когда засыпают улицы и гаснут огни, летят по мостовой фаэтон за фаэтоном — сторонись, прохожий, то полуночная катит свадьба! Лошади раскрашены лентами, подружки в белом, мужчины в черном, жених и невеста — сверкающее видение молодости. И весь этот вихрь пронесется мимо — сновидением, — рождая улыбку и грусть пожилого прохожего.

А тут случилось: споткнулась лошадь передней упряжки, на минуту застрял свадебный поезд, и близко, очень близко остановилась щегольская, обитая внутри стеганым атласом карета. Увидел Пиросмани новобрачных — ее и его.

Она — подобной красоты Нико никогда не знал. Чистый и нежный овал лица, детский, невинный взор, высокий лоб мадонны — на такую только молиться. А рядом некто пепельно-серый, в цилиндре. Пустые глазницы, провал переносицы, дыры ноздрей: ночная бабочка «мертвая голова». Свистнул бич — умчали лошади карету, пропал свадебный поезд в коридорах улиц. Вслед шепот:

- Нефтяной король...
- Купил старик молодую.
- Лианозовские стоят высоко.
- Двух жен похоронил, с третьей развелся: бесплодная.
- Четвертый раз жениться нельзя, церковь не разрешает.
- Тебе нельзя. Миллионеру можно.
- Шестнадцатилетняя... Из бедной семьи.

«Чем только не торгуют в этом городе, — думает Нико, — силы небесные, что только не продается на этом свете!».

В парижской газете появилось письмо о Пиросмани:

«...Оригинальный грузинский художник. Дитя народа... Бедняк-малляр... Не проходил никакой школы, а в то же время... Связь с грузинской фреской, древним орнаментом, с народной игрушкой... Самобытен. Выработал собственную технику».

«...При очень большой наивности может поспорить с крупнейшими мастерами Европы. Темперамент национальный, переливающийся на солнце...».

«...Спиральная композиция в картине «Рыбак», колорит ее, приемы письма напоминают лучшие вещи Дерена и Матисса, о которых грузинский самоучка и не слыхивал...».

«Натюрморты Пиросмани — маленькие шедевры. Портреты людей из народа... Реалистичен, как Сезанн...».

Письмо было переведено, облетело город. Во дворцах равнодушно пожимали плечами. В студиях художников ожесточенно заспорили. Дошло, наконец, до Пиросмани, и он пошел поделиться новостью с Захарием.

— Не слыхал, Захарий? Теперь и во Франции меня знают.

Захарий был грустен. Не бросил прибаутки о «свежем огурце», а сложил щепотью пальцы и помахал перед носом приятеля:

— Чему обрадовался, чудак? Может быть, теперь хозяин Белого духана заплатит за работу? Не заплатит? Тогда иди к черту со своим Парижем.

Э. А. ПИРОСМАНИ
Э. А. ПИРОСМАНИ

На улице к Пиросмани подошли двое господ.

Один с виду грубоватый, лицо словно сложено из речных валунов. Но мысль сверкает в глубоко сидящих глазках, озаряет лицо умной усмешкой. Критик.

Другой — почтенный человек, физиономия в серебряном пуху бакенбард. Пенсне на черной ленте. Барские белые руки. («Академик», — в шутку окрестил его однажды Ле-Дантю). Оба приподняли шляпы и назвали Нико:

— Господин Пиросмани.

Не пожалует ли Николай Асланович в дом к «академику» — запросто, на чашку чая? Покажет студию, картины. Потолкуют.

Нико поклонился, скрывая смятение.

Всегда тянуло его к образованным. Как голодный жаждет пищи, так тянулся он сердцем к мудрым и знающим, к обладателям книжных сокровищниц, к умеющим говорить и спорить. Чего только они не знали! О театре и о живописи, о ваянии и о поэзии, о политике и об истории — решительно обо всем имели эти люди собственное мнение и высказывали они его звучным голосом, правильно округленными фразами...

Были у них красивые жены, большие квартиры, прислуга в крахмальном фартуке... Живопись их была парадна, холодна, безупречна.

Глянул на себя со стороны: оборванец. Нет, он откажется!

Первый незнакомец, видно, умел читать чужие мысли. Дружески положил руку на плечо:

— Бросьте раздумывать, без церемоний, в любой день после обеда. Ждем вас.

В конце концов, Пиросмани может забрать у Цуккермана обещанные брюки, а пиджак (на один единственный вечер) ему кто-нибудь одолжит.

Вот он на лестнице высокого, с башенками, дома.

Водопад цветущей глицинии затопил веранды трех этажей, совершенно скрыв их от глаз прохожих. Как угадать, где квартира «академика»? По старой профессиональной привычке он вошел со двора, минуя подъезды (где вместо «vale» — «salve» мозаикой).

Стал подниматься лестницей, ощущая неловкость от тесного чужого пиджака и сердцебиение перед предстоящей очень ценной для него беседой с мастерами искусства.

Сейчас увидит их. Как унять этот трепет сердца?

Взрыв хохота на одной веранде задержал его шаги. Смеялось много голосов. Узнал густой сердитый бас: сердился, как видно, его доброжелатель-критик, а собеседники подтрунивали над ним.

— Примитивист? — гудел бас. — Пиросмани примитивист? Эту кличку придумали те, кто считает народ примитивным. Народ не дитя, он — мудрец, и эту мудрость вы ощущаете в нашем самоучке.

Неужели спорят о нем?

— Но признайте, господа, парижская статейка — сплошной бред и вымысел! (Другой голос, тонкий, высокий, — кто бы мог подумать, что он принадлежит почтенному «академику» в бакенбардах).

—...Бред и вымысел! И не обидно ли, господа, что французская газета не нашла у нас другого мастера живописи, кроме базарного маляра! (Гул одобрения. По-видимому, гостей много). Петушком вступил другой тенорок:

— Интересно, переводимы ли на французский язык названия духовных шедевров? К примеру, «Миланер бездетный»; «Да здравствует хлебо-сольного человека»; «Христос воскрес, воистину воскрес».

— Ха-ха-ха! Вот так Матисс!

— Бросьте издеваться! — рявкнул доброжелатель. — Недостойно интеллигента смеяться над безграмотностью простого человека. Отлично знаете: кабатчики заказывают ему картины и надписи к ним.

— Но возводить простонародную мазню в принцип — позорно для французов! — (Тонкий голос «академика»).

— А по-моему, хорошо, что грузинский народный художник оценен Европой, и статья вызывает у меня гордость! — вступил молодой звучный голос. — Гордость за талантливый наш народ.

Этого он уже не слышал: с лестницы — бегом, прыжками через несколько ступеней.

Все можно вынести — нужду, одиночество, голод, скитания, но на-смешку — это уж слишком. Где же мудрость, где понимание образованных господ? Обыкновенная зависть скрежещет в визгливом голосе, в жестком и безжалостном чьем-то смехе.

Больше не придет он в дом с башенками. Что-то душило шею. Рванул и бросил на землю галстук, одолженный на один вечер.

Изменился характер Пиросмани. Замкнулся, перестал беседовать. Люди не узнавали простодушного Нико: глубоко затаенная горечь, как видно, точит сердце, а он не разжимает губ. Взгляд суров. Не жалуется. Знай себе, бродит по городу, ищет работы и крова.

Захарий поссорился с компаньоном, обвинил его в мошенничестве и собрался уезжать. Перед отъездом повидался с Нико:

— Прощай, друг, еду! В свой уезд, Багдадский. На лесопильный завод пойду. Шуриин мой там, устроит. С компаньоном не хочу иметь дела: двух волов запряжешь вместе — или масть перенимет или норов. Нехороший человек! Напишу тебе, если хорошо устроюсь, приедешь.

И пропал без вести в океане людском добрый Робеспьер подвала.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Глубокой ночью увидел Нико кусок еще одной человеческой драмы. Плакал великий актер.

В подвале «Симпатии» уже который раз меняли свечи. Столики давно опустели. Лакеи с бледными, вытянутыми лицами меняли немногим ночным посетителям тарелки, и был у них такой вид, будто присутствуют на похоронном обеде.

В уголке, куда невольно направлены все взгляды, — двое: молодой режиссер с курчавой шевелюрой и крепкой бычьей шеей и знаменитый актер — тонкий профиль его сразу узнал Пиросмани. Когда-то с галерки смотрел он его сверкающую комедийную игру, слышал неистовые вызовы переполненного зала.

А теперь почему-то бледен, как мел, любимец грузинской публики. О какой-то беде рассказывает молодому курчавому режиссеру — видно,

большая беда, если сжимает тот кулаки и темные его глаза наливаются кровью.

Молодому грузинскому театру грозила беда. Чтоб спасти его, нужна была помощь богачей-меценатов. Собрались все актеры, режиссеры, художники, драматурги, театральные поклонники и дружно просили Васо Абашидзе повести переговоры с самыми важными и знатными людьми: с теми, кто бывает на приемах наместника, и с теми, кто ездит в Париж ежегодно. У них чековые книжки, у них капиталы в банках. Чек — вот что могло спасти грузинский театр от закрытия.

Был Васо Абашидзе безгранично любим и признан всеми, незнакомые снимали перед ним на улице шляпу.

Однако, быть ходатаем...

Пытался отшутиться: роль просителя — единственная, в которой еще не выступал, боится с нею не справиться. Но, увидев бледные, унылые лица товарищей своих по искусству — уступил.

Приехал в загородный дом князя, известного покровителя искусств и друга наместника. Шел по анфиладе комнат уверенно, откинув красивую, с сединой на висках, голову: меценат, по слухам, капризен и хамоват, но Васо Абашидзе не принять не посмеет. Тот сумеет себя поставить. (Сам дворянин, черт возьми!). Пару слов по-французски... Краткая речь по-грузински... Интересы национального искусства... Прославленный артист и деятель Ладо Месхишвили... Любовь и благодарность потомства... «Ваше имя, князь, войдет в историю».

Князь сидел по-домашнему, в халате, с похмелья был мрачен, страдающая изжогой, глядел холодными, как полтинники, глазами. Затряс головой, словно старый баран. Нет, нет и нет. Денег дать театру не может. Трудный год, оскудение земель, банки душат. Тщетно уговаривал покровителя искусств Васо Абашидзе. После долгих, мучительных переговоров, наконец, криво усмехнулся делегат театра, встал и взялся за шляпу, чтоб откланяться, как вдруг князь оживился:

— Это ты, Васо, так насмешил меня в той комедии, что смотрел я в Кутаиси? Торговца представлял, прыгнул из угла в угол, всю сцену — как на крыльях — перелетел! Как это ты делаешь? Покажи. Прошу тебя, прыгни разок. Дорогой мой, из уважения ко мне: прыгни!

Онемел Васо Абашидзе, не веря ушам. А князь от души развеселился и продолжал настаивать. Если прыгнет актер перед ним, он получит чек сейчас же. «Клянусь детьми».

— Прыгни, дорогой. Ради твоего театра, ради моего уважения.

...Он прыгнул, господа и дамы. Он прыгнул, благотворители и меценаты! Он прыгнул, перелетев парадный зал, как на крыльях. И князь на трясущемся от хохота животе пристроил чековую книжку и выписал актеру крупный чек.

...Окончив исповедь унижения, актер разрыдался.

Свидетели: свечи, лакеи и молодой режиссер. Еще свидетель: одинокая фигура в углу. Бездомный художник, о котором писали газеты. Этот тоже умеет молчать.

Никому нельзя этого рассказать. Никто не должен знать, какой ценой оплачивают иногда рождение искусства.

В 1914 грянул гром войны. Ветром вымело проспекты: ни фаэтонов, ни празднеств, ни гуляющих. Только солдатские роты маршируют, роты

и роты. Цвет толпы изменился, преобладает серо-зеленый. Лица встревожены. На углах люди молча толпятся у вывешенных сводок.

Еще новость: стали с пением носить портрет царя по улицам. Удивленно глядит художник: колышется хоругвь царского портрета над толпой, и несет ее, представьте, молочник Цуккерман. Лицо молочника багрово от усилия, рот округлен:

— Бо-о-оже, царя храни. Бо-о-... Бо-о-о...

Будка сапожника закрыта. Повешена записка: «Заказы у Марие ушел в армии». Встретил Митрича в военной форме и не узнал: помолодел, гладко обрит, глядит соколом.

— Прощай, Николай! Угоняют. Германа бить. Не поминай лихом, браток. (Подмигнул). Кто знает, как дело обернется?..

Смена весен и зим, смена красок и цвета толпы: теперь преобладает черный.

Панихиды, молебны, горящие свечи. Капают слезы, капает воск на дрожащие пальцы. Но сколько ни молись, война косит и косит. Пиросмани пишет «Женщин грузинской деревни».

Белое и черное. Много черного цвета теперь в его работах.

У кладбищенской ограды — иная встреча:

Воронье лошади в трауре страусовых перьев — авангард. Вереница лакированных автомобилей — арьергард. А посередине, в длинном, серебряном с бахромой ящике — спящая мадонна. Дивный лоб, тень ресниц лежит на детских щеках, скорбный ротик сомкнут... Она! Полуночная невеста...

Позади, прямой, как жердь, в негнущемся дорогом пальто, с цилиндром в желтых пальцах, выступает вдовец. Провал пустых глазниц, пепельное лицо. Бабочка «мертвая голова» шествует за гробом, окруженная почтительной, нарядной толпой. На версту растянулось парадное шествие. В хвосте — шепот:

— Лианозовские стоят высоко.

— Сгубил старик молодую.

— Третью хоронит.

— Сами знаете, дурная болезнь у него.

— Акции поднимаются в цене. Война для нефтяников — прибыльная вещь!

...Спи, бедное дитя, не знавшее ни радости, ни счастья. Весной зацветет на твоей могиле вишневое деревцо, сядет под ним пастух, заиграет на ствири песенку, осыпет тебя вишня белыми цветами и будет тебе пухом земля.

Лучше мать-земля, чем объятия богатого старика. Не стоит тебе жалеть об этом мире, где все покупается и все продается, твоя красота здесь — лишь товар.

...Спи, мадонна...

В 1916 году зародилось в Грузии общество художников, и на первое же собрание его был приглашен Нико Пиросманишвили.

Долго отнекивался, но в конце концов пошел. Показалось ему, что гремит: в картинной галерее собралось много, очень много его собратьев по кисти, и большинство так же бедно одето, как он. Многие приветствовали его, зная лишь понаслышке, тепло и дружелюбно.

Другие люди, совсем новые люди! Горячие споры об искусстве ве-

дутся по углам, и не слышит он о себе ни хулы, ни осмеяния. Наоборот, расспрашивают его с интересом и уважением. И председатель тоже понравился: властно звонит в колокольчик, останавливает резкое слово и умело направляет в общее русло ручейки отдельных речей.

— Кто этот благородный человек? — спросил вполголоса Пиросмани у соседа.

Весь вечер просидел, скрестив руки на груди, неподвижным изваянием. Слушал с огромным вниманием. В глазах, обычно печальных, — свет тайной радости. Попросили и его под конец сказать слово. Стеснялся. Говорил мало:

— Вот что нам нужно, братья: построить нужно большой-большой дом, лучше посередине города, чтобы всем было близко и чтобы все мы могли в нем собираться. Купим большой стол и самовар. Часто будем собираться за столом, будем чай пить и говорить об искусстве. Много будем говорить, как друзья. А то — что с нами бывает сейчас? Написал художник картину, торговец продал, кто-то купил и повесил. И конец. И никто не знает о ней. Обязательно нужно художникам иметь свой дом... Но вам этого не хочется или не интересно, вы о другом говорите, — закончил он тихо и грустно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

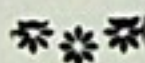
Еще год прошел. Пиросмани пропал. Ходили слухи, будто умер. Другие утверждали: не умер, а обиделся на анонимную карикатуру, где был изображен оборванцем. Карикатуру кое-кто счел остроумной, «академик», например, немало смеялся, показывая ее друзьям.

Постановление общества художников Грузии (протокол): «Если жив Пиросманишвили Николай Асланович, узнать, где проживает, и оказать ему денежную помощь».

В ту зиму у дверей пекарен еще затемно выстраивалась очередь — хлеб стал дорог, его не хватало. Женщины, дрожа от холода, дежурили по ночам у торен; скрючились по углам и подъездам старики и старухи, садились на ступеньки ребятишки с мешками в руках.

Очередь была безмолвной, угрюмой и терпеливой.

В такой очереди, если поговорить, узнаешь многое. Посланцу общества художников молодому Ладо Гудиашвили женщины из очереди сообщили: бродячий маляр жив, работает, только бедствует сильно. Адрес — вот он.

— Кто вы? Кого вам нужно?

— Мне надо господина Пиросмани.

— Входите, это здесь.

Войти мудрено. Каморка — два аршина на два — завалена хламом. Потолок навис, того и гляди — стукнешься головой. В оконце еле проникает свет. Высокий и худой, как скелет, человек стоит перед ним и «глядит необыкновенными глазами»:

— Как вы пришли — как друг или как враг? («Уж не сошел ли он с ума?») — мелькнула опасливая мысль).

— Как же могу я быть вашим врагом? Скорее, могу считать себя вашим учеником, почитателем и другом. Я Гудиашвили, не помните разве?

Острый, недоверчивый блеск взгляда хозяина каморки смягчился. Протянул исхудалую руку:

— Входите, будьте гостем. Вас зовут Ладо? О да, Ладо — помню! Присаживайтесь. Могу угостить... хлебом. Вот.

Из самодельного шкафчика достал кусок черствого хлеба. Налил из глиняного кувшина стакан воды (извинился — «нет лимонаду»). Усадив гостя на ящик, сам уселся на перевернутом ведре. Спросил:

— Знаете ли вы братьев Зданевичей? У них много моих картин. Да, немало пришлось поработать: тифлиссские погребки и подвалы почти все я расписал.

— А сейчас над чем работаете?

— Так, пустяки. Впрочем, посмотрите: «Раненый солдат», это одно-то приятеля моего портрет. Русский человек. Еще «Черный лев», «Женщины грузинской деревни». Красок нет у меня и не на что купить...

Решив, что минута подходящая, Гудиашвили достал двести рублей и вручил Нико:

— От имени общества грузинских художников... Прошу вас. Купите себе краски, работайте, и вы продержитесь как-нибудь, постараемся со временем помочь еще...

Пораженный, тот не вымолвил сначала ни слова. Взял деньги дрожащими пальцами, для чего-то расстегнул и застегнул рваный пиджак. Губы беззвучно шевелились, глаза недоверчиво расширились, сверкнуло в них что-то влажное.

— Мне... От товарищей... Мне?

Видя такое сильное волнение, гость быстро перевел беседу на другое. Расспрашивал, как Нико работает, как составлены его краски. Бедняк встрепенулся, будто ожил:

— Работать так нужно: надеть старый фартук, зажечь лампу, собрать с нее сажу... Мел истолочь ногами... Стену загрунтовать от пола до потолка. Своими руками загрунтовать, да. Мы ведь мастера, брат! А у нас думают некоторые, будто работать можно в галстук и костюме; поработать немножко, а потом по проспекту гулять...

Замолчал. Какое-то воспоминание тенью легло на худое лицо.

— Так-то, брат Ладо. Ведь вы Ладо, да? Зачем же вы уходите, как жаль, что пробыли мало...

На прощанье, крепко сжимая руку гостя, спросил:

— Так как же: будем строить наш дом?

На улице молодого художника чуть не сшиб блестящий фаэтон. «Бер-р-регись! Хабарда!» — рявкнул мордастый кучер в широких рукавах и бархатной жилетке. Едва успел прижаться к стене. Окаатило прохожего с ног до головы грязью.

В коляске — румяный, дородный и важный господин — член городской думы. Не человек — трюфевый король: густой румянец, блеск в глазах, уверенная осанка. Сторонись, прохожий, не то сшибут тебя ретивые кони и не успеет кучер гаркнуть свое: «Хабарда!».

...Зима 1918 года еще тяжелее, еще злее для бедняков. Большевистская власть. Хлеба нет в городе совсем. Вновь ищет Пиросмани представитель общества художников, чтоб оказать ему помощь, и не находит его на прежнем месте. Не находит нигде: исчез! По улицам маршируют иноземные солдаты: сперва немцы, потом англичане, за ними шотландцы в клетчатых юбочках. По ночам выстрелы, обыски, облавы. Ищут большевиков.

...Одни иноземные хозяева сменяют других, но уже не видит, не слышит этого Пиросмани. Не знает, как распродают по кускам меньшевики его родину. Болезнь, холод и голод загнали Нико, как раненое животное в темный подвал неизвестного дома.

Там, лежа на кирпичах и битом стекле, боролся он с недугом один на один, стонал и бредил так громко, что под конец услышали его и жители дома. Испуганный молодой голос сверху окликнул:

— Кто там стонет?

— Это я, сынок. Нико Пиросмани. Третий день лежу больной и не могу встать. Помоги, если можешь...

Отвели Нико в больницу, там он через полтора дня и скончался. Могила художника неизвестна.

— Берегись! — кричит барский кучер прохожим. Гром, грохот, искры из-под копыт. И жмутся рабочие Молоканской к стенке, давая дорогу великолепному выезду, отворачиваются, стирают с лица брызги грязи. Катит мимо богач, хозяин города.

Эй, кучер, обернись да лучше крикни своему хозяину:

— Берегись!

Идет буря, она близко, скоро ворвется в город... И повернет свой штык против богачей-хозяев «Раненый солдат». Как из карточной колоды полетят отсюда тузы и короли. Не останется скоро от них и следа.

Алый стяг взвьется над городом, омытым весенней грозой, и улыбающийся угольщик полезет по лестнице вверх, чтоб прибить на углу дома дощечку:

«Улица Пиросмани» .

ДЕВУШКА

ИЗ ГРЕЦИИ

Ее зовут Фотула Яннокопулу, она родилась в Греции и там провела детство. Сейчас она живет в Грузии, которая стала для греческой девушки второй родиной.

Еще в Греции Фотула писала стихи. Она хотела учиться, чтобы стать филологом и поэтессой. Ее стремление сбывается: поселившись в Тбилиси, Фотула поступила на филологический факультет Государственного университета имени Сталина. Она студентка III курса.

У Фотулы Яннокопулу много друзей. Это, прежде всего, студентки — девушки разных национальностей, которые учатся с ней в университете. Они помогли Фотуле лучше узнать жизнь советской молодежи. Фотула взялась за изучение грузинского языка, товарищи и подруги помогают ей в этом.

Недавно Фотула Яннокопулу написала цикл стихов о Грузии. Мы публикуем одно из стихотворений этого цикла.

Фотула Яннокопулу

ПЕСНЯ о Грузии

Перевод с греческого В. Хацкевича

В страну, где горы вздымаются к звездам,
Пришла я, многое испытал.
Она со мной говорила просто —
Языком своих песен, птиц и трав.
И даже в самой короткой песне
Здесь я слышала вновь
Про то, что всего чудесней, —
Про дружбу, верность, любовь.
В детстве,
Еще читать не умея,
Я знала, что есть страна —

საშინელი დოჟდი

Перевод с грузинского Ирины Снеговой

Еще недавно небо чистым было —
И вдруг дождем весенним забурлило.
Я шапку снял, дождю поклон отвесил —
Пусть хлещет дождь, неудержим и весел!
Потом ребят увидел у ворот.
Их дождь мочил,
Они встречали лето...
И вспомнил я — в который день и год
Такой же дождь хлестал над белым светом?
Вот так же точно, как они, мы шли,
Тревожа пением и смехом город,
В руках свои ботинки мы несли,
А дождь смешил нас, падая за ворот.
И весело нам было босиком
Шагать по теплым, по весенним лужам.
С осин катились капли кувырком
И в нас с размаху ударяли дружно.
Давным-давно
Такой же дождь хлестал,
И я таким же был, как дети эти...
О, только б дождь стучать не перестал
И только б облаков не тронул ветер!
Мне показалось,
Будто в этот миг
Все детство я свое увидел разом.
Идут ребята.
Я смотрю на них —
Мокроволосых, шумных, солнцеглазых.
Взволнованно гляжу ребятам вслед,

И радость их душе передается,
Как будто вижу
Сквозь завесу лет,
Как майский дождь над нашим детством льется.
Я радуюсь. Я счастлив, как когда-то,
Что жизнь идет, что шапкой дождь ловлю...
— Эгей, ребята! Слышите, ребята!
Я вас люблю!

Народное ТОРЖЕСТВО

Перевод с грузинского Г. Онаняна.

В тот день погода ласковой была.
Сверкали платья, с блеском солнца споря;
Купаясь в море вешнего тепла,
Толпа народа без конца текла
По дну сухому будущего моря.

Но вот как будто отдаленный гром
Потряс толпу от края и до края:
Пошла вода! Какой восторг кругом!
По косогору волны кувырком
Бегут, как дети весело играя.

Канал открыт! Встречают праздник свой
Герои этой стройки благородной.
Бегут, поют, любят воду...
С портрета Ленин смотрит, как живой,
На море радости народной.

Козуля

(Из охотничьих рассказов)

Перевод с грузинского А. Зурабова.

В воскресенье утром мы сели на катер и направились к лесу. Предстояла охота на козуль.

Поднявшись вверх по течению небольшой реки Гуринки, вышли на берег.

Худощавый, с седеющими висками, Коста Топурия, прихрамывая, повел нас в глубь леса. В одной руке он держал ружье, а другой опирался на палку.

— Удивительный этот Топурия, — сказал шелший со мной рядом пожилой коренастый Николоз Гогинова. — Рана на правой ноге у него вот уже несколько лет не заживает, а ему хоть бы что... Все здесь исходил вдоль и поперек. Зимой — на охоту, весной — уложит улья в лодку и отвезет их в лес. Там, глядишь, на рыбалку идет... Все успевает. И работает не где-нибудь — на Колхидстрое!

Впереди нас шли двое других охотников — Давид Пачулия и Яков Медзгверадзе. Давид сиплым голосом что-то доказывал.

— Так ты уверяешь, что козуля здесь не водится? — неожиданно спросил у Давида Коста.

— Козуле здесь делать нечего — лес маленький.

Коста перебил:

— Маленький, но густой. В таком лесу козуле жить безопаснее.

— Посмотрим! — пожал плечами Давид.

Я заметил на его правой руке перчатку.

— У него больная рука? — спросил я Гогинова.

Тот рассмеялся:

— Вообще, это не охотники, а какая-то инвалидная артель! В позапрошлом году Давид случайно прострелил себе руку: увидел утку, второпях потянул ружье за ствол, зацепил курком за ветку. С тех пор свободно владеть рукой не может. Но охоту не бросает: бродит по лесам и ищет козулю.

На опушке Коста остановился и сказал, обращаясь к Гогинава:

— Ты станешь здесь!

На худом морщинистом лице Топурия мелькнула улыбка. Светлые, юношеским задором глаза его насмешливо поглядывали на Давида.

— Так ты говоришь, что козуля здесь жить не станет?!

— Не станет! — отрезал Давид.

Коста улыбнулся и молча пошел дальше. Я следовал за ним.

— Сядешь за этим кустом, — сказал мне Топурия, когда мы прошли несколько шагов. — Давид и Медзгверадзе поднимут козулю и погонят на тебя. Главное — не промахнись. Стреляй спокойно и точно.

Пачулия и Медзгверадзе спустили своих собак и скрылись вместе с Коста за деревьями.

Недалеко от меня на холмике показался Топурия. Нагнулся, что-то разглядел, счастливо рассмеялся и, выпрямившись, крикнул:

— Датиго!

— Ау-у? — донеслось издали.

— Следы козули!

— Не может быть!

Топурия скрылся.

Еще некоторое время доносились издали голоса Давида и Медзгверадзе. Потом все смолкло, и в лесу воцарилась напряженная, томительная тишина.

Вокруг меня — ольха, ежевика, калина. Между деревьями — глубокие, по колено, лужи.

Шумно пролетает над самой головой вальдшнеп. Его ничего не стоит сбить. Но когда ожидаешь зверя, в птицу стрелять нельзя.

В рогозе послышался шорох. Я вздрогнул, насторожился и взвел курки. «Не лучше ли переменить место и выйти напрямик, навстречу козуле?» — пронеслось у меня в голове, но я тут же вспомнил происшествие с охотником Нодия и остался на месте. Нодия, ожидая зверя, переменял место и спрятался в рогозе. Другой охотник решил, что в рогозе двигается козуля, и выстрелил. Нодия был убит наповал. Правда, опытный охотник не выстрелит, пока не увидит зверя, но все же не мешает быть осторожным.

Шорох приближался. Я поднял ружье.

Из рогоза выбежала серая собака Медзгверадзе.

Шлепнулась в лужу испугнутая лягушка. Собаку обдало брызгами. Она отряхнулась, обнюхала землю и пробежала мимо меня.

С досады я бросил в нее сухой веткой. Ветка угодила ей в голову. Собака взвизгнула и посмотрела на меня таким покорным, удивленным взглядом, что мне стало стыдно. Если б она не убежала, я приласкал бы ее и, ей-богу, попросил бы извинения...

Неожиданно один за другим прогремели четыре выстрела. «Убили», — подумал я и, подойдя к Гогинава, попросил у него папиросу. Он вздохнул и сказал: — А козулю, видно, не убили. Иначе позвали бы нас.

Последние слова его потонули в оглушительном лае.

Я побежал к своему месту.

Гордо неся свой длинный клюв, пролетел вальдшнеп. Он опустился почти рядом со мной и в упор посмотрел мне в глаза.

«Смеешься!» — подумал я со злостью и судорожно сжал ружье.

Резко хрустнула за спиной ветка. Я обернулся. За кустом мелькнули рога. Я тотчас выстрелил. «Только бы не ранить. У раненной козули глаза наливаются слезами, упрекают и молят о пощаде».

Я вышел из засады. Передо мной лежала козуля.

В ее прекрасных глазах не было слез. Я не нашел в них и упрека. С окровавленной грудью, с неловко подвернутыми под себя ногами, вытянув шею, она спокойно смотрела на меня. Спокойно, будто не верила, что я мог ее убить...

Я подошел к Гогинава и тихо проговорил:

— Иди... Там козуля.

Дорога

Отстучат, отпоют колеса,
и откружится голова...
Недоспрошенные вопросы,
недосказанные слова.
Поплывут дороги немеренные,
затаится любовь в сердцах —
недоверенная,
непроверенная,
недодуманная до конца.
...Разговорчивые попутчики
самых хмурых растеребят...
Я тебя, хороший, измучила,
потому что люблю тебя!
Не забудь меня —
беспокойную.
Не забудь, пожалуйста,
жди.
...По утрам в суету вагонную
льются солнечные дожди.
Все упрямей в удачу верится,
грусть — бездумнее и короче,
все настойчивей бьются в сердце
бестолковые теплые строчки

* * *

Разлука расстелит пути между нами,
зальет их дождями,
засыпет песком,
завалит снегами,
задует ветрами,
застелит цветами...
...Задержит. письмо.

Разлука сомненье пошлет в твое сердце,
ревнивые, злые нашепчет слова,
когда от тоски тебе некуда деться,
чужие глаза разрешить целовать.
Чужими руками, чужими глазами
в весенних оковах закружит на миг...

Разлука —
нелегкий, серьезный экзамен.
Сумеем с тобой его выдержать мы?
Ведь важно, чтоб сам ты —
без книг,
без подсказки
решить все сумел
и ответить сумел!
Помочь не смогу я:
я буду, как в сказке,
за тридевять дальних-далеких земель..
Поднимутся рядом,
обнимут за плечи
и вера твоя
и сомненье твое.
Держись, мой хороший!

Труднее
и легче,
что этот экзамен мы оба сдаем..

4

Н. Новицкий

Рустави— город металлургов

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

В довоенные годы мне много раз доводилось проезжать мимо станции Рустави. Поезд стоял здесь минуту-другую, не больше. Из окна вагона открывался более чем унылый вид: за маленьким станционным зданием с неизменным колоколом—серая, сухая, спекшаяся на солнце степь, степь без единого кустика, без каких-либо признаков жилья. И только вдалеке этот безрадостный пейзаж несколько скрашивал серебряный поясok Куры с зеленой пряжкой маленького леса. Какой резкий контраст являл собой этот край по сравнению с другими уголками Грузии! И я не помню, чтобы у меня возникло желание когда-нибудь побывать в этих местах.

И все-таки однажды я ходил по руставской степи, стоял на берегу причудливо изогнувшейся здесь реки, отдыхал в лесу. Простая случайность: приятель-охотник вытащил меня из Тбилиси побродить в окрестностях, и мы приехали сюда на старой обшарпанной «эмке». Не могу сказать, что вблизи руставская степь произвела более выгодное впечатление, чем из окна вагона. В каждой трещине земли, под каждым камнем было полно змей, ящериц, скорпионов. Лес встретил нас настороженной тишиной: мы просидели в нем весь остаток дня, но так и не обнаружили никаких признаков жизни. Только поздно вечером, когда мы возвращались в Тбилиси, в свете фар мелькнул выскочивший из леса шакал...

Перед самым концом войны я вновь приехал сюда, но уже по заданию редакции—смотреть и описывать, как выгружались на маленькой станции эшелоны

строителей. И вот тогда вспомнилось мне мое непростительное безразличие к этим местам. Но кто вообще, за исключением, может быть, небольшой группы специалистов, мог подумать, что руставскую степь ждет огромное будущее, что советские люди своими руками создадут здесь новый пейзаж, полный ярких и радостных красок.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Есть две даты рождения Рустави. Одна из них затерялась в глубине веков, другую отделяет от нас не более пятнадцати лет.

Есть Рустави древний и есть Рустави социалистический. Один скрыт под землей, под наслоениями столетий, другой—наш современник. Дату первого рождения Рустави так же трудно определить, как трудно прочесть надпись на стертой временем монете. Но все же работа по ее установлению ведется и даже успешно подвигается вперед.

Я люблю время от времени бывать в Руставском краеведческом музее. Его красивое двухэтажное здание стоит на углу улиц Строителей и Комсомольской, в той части молодого социалистического города, которая уже считается «старой». Потребность в создании такого музея город ощутил чуть ли не с первых дней своего второго рождения. С самого начала земляных работ строители обнаружили много находок, представляющих большую ценность для исторической науки. Ковши экскаваторов врезались в могильники, в стены древних зданий, зачерпывали клады монет и предметы домашнего обихода и, в конце концов, наткнулись на остатки довольно хоро-

шо сохранившегося городища. Первый археолог появился в Рустави спустя два месяца после начала строительства нового города—его пригласили сами строители. А в марте 1953 года, когда был открыт музей, он уже располагал многими сотнями экспонатов, добытых на месте и позволяющих прочесть немало страниц богатой, многовековой истории Рустави.

Драгоценные находки строителей и археологов стали материальным подтверждением существования древнего Рустави—города или военного укрепления на подступах к Мцхета и Тбилиси. Они рассказывают нам об истории Рустави, его величии и падении, его славе и мощи, о его бедах и горестях. Монеты и товары из стран Востока и Запада говорят о богатстве города, его внешнеторговых сношениях, а обезглавленные скелеты людей — о варварстве иноземных захватчиков.

Тамара Федоровна Пааташвили—директор музея — достает из коробочки довольно хорошо сохранившуюся серебряную монету неправильной формы. Это—византийская монета, найденная там, где потом пролегла, одетая в асфальт и зелень, первая улица нового Рустави.

К середине второго тысячелетия до нашей эры, рассказала мне Тамара Федоровна, относится и другой древнейший экспонат музея—красный кувшинчик с черной росписью, найденный строителями в правобережной части города в 1949 году.

Находки поступают одна за другой—предметы быта, орудия труда, монеты. В 1950 году был найден клад из 395 грузинских медных монет XII—XIII веков. А в 1956 году ученики ремесленного училища доставили еще один клад—из 87 монет. Они были невольными свидетелями того, как бульдозер разбил лежащий в земле глиняный сосуд с монетами. Мальчики бросились подбирать монеты, собрали их все до единой и тем самым оказали большую помощь археологам и историкам. Бесценное значение для науки имеют и находки, характеризующие архитектуру древнего Рустави, инженерный замысел построенного здесь в те времена канала. Ру — по-древнегрузински означает канал, Рустави—голова канала. В городе, таким образом, находилось, очевидно, головное сооружение большой оросительной сети.

Когда первые строители Рустави пришли сюда, они увидели лишь плоскую, безлюдную, без единого строения, выжженную солнцем степь. Но степная ширь, близость железнодорожной магистрали и реки, а также центральное, примерно, равноудаленное положение между железорудным и угольным районами — все это говорило в пользу Рустави.

Война шла к концу. Сводки Советского Информбюро сообщали о ^{больших} наступательных боях Советской Армии. В эти дни один из крупных строительных коллективов Урала—«Челябметаллургстрой» получил задание строить металлургический завод в Грузии и часть своих работников перебазировать в местность, именуемую Рустави.

Уральцы немедля принялись за дело. Еще у себя в Челябинске они занялись подбором кадров, которым предстояло работать рука об руку со строителями Грузии, определили, какой должна быть производственно-техническая база, приступили к проектированию и изготовлению необходимого на первых порах оборудования. Были изготовлены металлические каркасы производственных зданий, более двух десятков сборных домов и палатки.

Первый эшелон со строителями прибыл из Челябинска в Рустави в марте 1944 года. Это и есть дата второго рождения города.

Грузинские строители встретили друзей с Урала радушно, но степь была необжитой, новоселов ожидало немало трудностей. Уже в первые день-два раскинулся палаточный городок, тот самый, который сейчас можно увидеть только на фотоснимках в Руставском музее и который запечатлен в кадрах кинохроники. Руставская степь мало походила на сложившееся у челябинцев представление о грузинском ландшафте: ведь большинству из них приходилось лишь отдохнуть на Черноморском побережье Кавказа.

Уже в конце марта в неподатливую землю строители вбили первые колышки, планируя расположение будущих цехов металлургического завода. То были ремонтно-механический, фасоннолитейный и кузнечный цехи из группы вспомогательных цехов. Остовы этих цехов были изготовлены на Урале, и сразу же в дело пошли привезенные оттуда металлические конструкции, сборные железобетонные плиты, столярка, арматура.

Первый капитальный жилой дом был воздвигнут на улице, получившей затем выразительное название улицы Первых металлургов. Она была, действительно, первой настоящей улицей Рустави. Пройдитесь по ней: по обе стороны асфальтовой мостовой, вдоль зеленых бордюров тротуаров—ровные ряды двухэтажных домов с красивыми резными балкончиками. Но теперь эта улица потерялась в густом переплете десятков больших и малых улиц Рустави и оказалась уже на окраине города. Население Рустави в первый месяц стройки не пре-

вышло 300 человек, а на 1 января 1957 года приблизилось к 60 тысячам.

Первым вошедшим в эксплуатацию цехом металлургического завода был ремонтно-механический. Его ввели в строй действующих 10 февраля 1947 года, он сыграл большую роль в создании самого завода, изготавливая для него многие виды нестандартного оборудования. Следом, в 1947—1948 гг., была введена в действие остальная группа вспомогательных цехов: цехи металлоконструкций, кузнечный, фасоннолитейный. А потом, в 1949 году, начала работать первая очередь теплоэлектроцентрали: ведь завод является крупным потребителем электроэнергии. Так были созданы вспомогательная производственно-техническая и энергетическая базы, без чего невозможно создание основного производства — сталеплавильного.

27 апреля 1950 года из первой печи мартеновского цеха была выдана первая руставская сталь. На торжество собралось почти все население города. Съехалось много гостей из Тбилиси. Под высокими сводами цеха гулко звучали команды начальника смены, руководившего ходом плавки. И вот, наконец, наступили знаменательные минуты. В печи была пробита лётка, и кипящий металл, разбрасывая искры, огненной струей полился в изложницы. По рукам собравшихся быстро разошлись застывшие слитки стали — первой грузинской советской стали. Многие хранят эти слитки до сих пор как память об одном из самых выдающихся событий в жизни Советской Грузии, равнозначном, например, пуску ЗАГЭС'а — первенца электрификации республики. В 1956 году на заводе работало уже шесть мартеновских печей, а к концу текущего года их станет восемь.

30 октября 1950 года начал действовать блюминг, первый послевоенный советский блюминг в стране, — огромная машина весом почти в четыре тысячи тонн, изготовленная на Ново-Краматорском заводе в Донбассе. Руставская сталь стала превращаться в первичный полуфабрикат — блюмсы, из которых потом, по мере пуска прокатных станов, предстояло начать производство конечной продукции завода — труб. Первая труба была получена со стана «140» 7 ноября 1952 года. Но к тому времени у металлургического завода не было еще главного — своего чугуна. Первая домна вошла в эксплуатацию 6 июля 1954 года, а вторая — 13 апреля 1955 года. Почти одновременно с доменным был пущен коксохимический цех. В ноябре 1954 года вошел в действие мелкосортный и в конце 1955 года — листопрокатный цехи. Завод, таким образом, с конца пятой пятилетки стал работать по полному металлургическому циклу,

выдавая чугун, кокс, сталь, трубы, лист, мелкий сорт, электроэнергию. Тем временем шло непрерывное развитие завода по всему этому циклу: вступали в строй новые очереди ТЭЦ, новые мартеновские печи и прокатные станы, вспомогательные цехи и сооружения.

ГОРОД ДРУЖБЫ И БРАТСТВА

В Рустави трудятся люди почти сорока национальностей. Молодой город возник и развивается, как город дружбы и братства народов. Рустави стал родным домом для тех, кто приехал сюда учить молодых грузинских металлургов и строителей и остался здесь навсегда; теперь эти люди считают себя коренными руставцами, к их труду и заслугам с уважением относится вся республика.

Было время, когда металлурги Рустави учились, проходили практику на крупнейших металлургических заводах страны. Недавние ученики вскоре стали учителями. Начиная с середины пятой пятилетки в Рустави проходят практику азербайджанские металлурги. Сюда приезжают изучать опыт трубного проката представители заводов Юга и Урала. А с первого года шестой пятилетки в Рустави появляются и металлурги из стран народной демократии.

Первой многочисленной группой зарубежных металлургов, проходивших учебу в Рустави, были трубопрокатчики из Румынии. Они прибыли 2 сентября 1956 года и уехали 20 февраля 1957 года. В течение почти полугода коллектив трубопрокатного цеха любовно учил друзей из Румынии, прикрепил к ним лучших инженеров, мастеров, рабочих и, передав свои знания, проводил на родину. Прошло немного времени, и руставские трубопрокатчики получили из Румынии письмо. Ион Пенца, руководитель группы румынских металлургов, обучавшихся в городе грузинского металла, сообщал, что ученики руставцев готовятся к самостоятельной работе на новом прокатном заводе, где установлен такой же, как и в Рустави, трубный стан «400», изготовленный на Уралмаше. «Руставцы обучили 25 наших специалистов, — писал автор письма. — Теперь они, в свою очередь, учат сотни молодых металлургов. Таков ваш вклад, дорогие товарищи из Рустави, в развитие нашей металлургии! Скоро румынская нефтяная промышленность получит трубы отечественного производства».

Неизвестно, знали ли в древней Индии о существовании города-крепости Рустави. Но то, что в нынешней Индии знают о Рустави наших дней, — бесспорно. В далекой Индии, в Бхилаи, Советский Союз сооружает металлургический завод, во многом схожий с руставским, и на стройке завода уже трудятся при-

бывшие туда из Рустави инженеры Н. Лобочкий, Я. Гумберидзе, Т. Тимофеев, П. Чикаберидзе и Л. Яговдик. Письма руставцев из Индии говорят о том, что начало стройки напоминает начало работ в Рустави—в безлюдной местности предстоит соорудить первоклассное промышленное предприятие.

Последние полгода всем ходом строительства в Бхилаи руководит Н. Лобочкий. До этого он работал главным инженером треста «Закметаллургстрой». Когда Наполеон Брониславович — так зовут Лобочкого—уезжал в Индию, я просил его писать мне. Я обратился затем с такой же просьбой к инженерам Тенгизу Тимофееву, Ясону Гумберидзе и другим. И вот та картина, которую я теперь могу воссоздать по весточкам руставцев из Индии, опустив описания Тадж-Махала и прочих красот и чудес этой страны, дань которым отдали и руставцы.

Среди ста советских инженеров и техников, прибывших в Бхилаи из СССР, руставская группа считается одной из самых боевых. В течение «индийской зимы» 1957 года было сделано многое: закончено строительство подъездных железнодорожных путей, расширена станция Бхилаи, возведено 400 жилых домов, построены дизель-электростанция и ремонтные мастерские, бетонный завод и склады для приема металлоконструкций. По взятым строителями темпам угадывается опыт, приобретенный в Рустави. То, чего не рассказали о себе руставцы, восполнил другой советский специалист, посланный в Индию из Москвы,—инженер Н. Я. Вайнштейн. Цитирую полученное недавно от него письмо: «Грузинские инженеры с честью оправдывают оказанное им доверие. Они трудятся неутомимо и с большой охотой передают свои знания и опыт индийским инженерам, техникам и рабочим, которым предстоит овладеть техникой управления сложным хозяйством металлургического завода».

Таков ныне «почерк» руставцев, таковы первые результаты их «хождения за три моря»...

В 1955 году в Рустави побывала делегация индийских специалистов. Ее принимали с исключительным радушием. Вскоре после отъезда делегации на имя директора завода пришло письмо от ее руководителя г-на Керра. «Я пишу от имени делегации и правительства Индии,—говорилось в письме,—чтобы выразить Вам благодарность за любезный и гостеприимный прием, который был оказан нам в течение всего визита в Тбилиси и Рустави... Наша делегация чувствует, что ее визит был очень полезен: дал возможность видеть Ваш завод во время работы и ознакомиться с Вашими методами и достигнутыми Вами резуль-

татами. Мы все чувствуем, что это будет содействовать укреплению дружеского сотрудничества между нашими странами. Я беру смелость послать Вам от имени нашей делегации маленький подарок в знак нашей дружбы и на память о нашем визите».

К письму была приложена яркая ткань тончайшей кустарной работы, которой так славится Индия. Письмо и подарок индийских друзей переданы в музей города Рустави.

Индийцы особенно ценным считают для себя опыт подготовки квалифицированных рабочих кадров на руставском заводе. Действительно, этот опыт ценен и поучителен. Одновременно с началом строительства завода на крупнейшие металлургические предприятия страны, главным образом—предприятия Юга, были направлены молодые грузинские колхозники. К моменту пуска в эксплуатацию первых постоянных вспомогательных и основных цехов завод уже располагал кадрами необходимых ему рабочих. Теперь эти люди уверенно управляют сложнейшей техникой, а многие из них известны всей республике.

СУДЬБА ВАНО МАЙСУРАДЗЕ

Вано Майсурадзе — один из тех грузинских юношей, которые стали теперь кадровыми рабочими, старожилыми, известными и уважаемыми в городе людьми. Судьба Вано—это судьба его сверстников и товарищей, вместе с которыми он отправился на Украину изучать профессии металлургов. Прямо из села Шрома, что недалеко от районного центра Гурджаани, Вано послали на Енакиевский металлургический завод. С одной стороны—виноградники и привычное сельское небо над головой, с другой—грохочущий, весь в грозных отблесках пламени завод с незнакомыми, сосредоточенными, вечно занятыми людьми. Добавьте к этому еще и то, что Вано знал по-русски лишь два десятка слов, и тогда станет ясно, что переживал в те дни молодой колхозник, попавший прямо в сердце Донбасса, где ему предстояло стать металлургом.

Правда, он приехал не один. Были с ним и другие гурджаанские ребята — Вардыш Коберидзе, Петре Цанкашвили, Алексей Сосанашвили, и от этого становилось как-то легче. У каждого нашелся добрый учитель. Вано, например, никогда не забудет мастера Ивана Мишина. Ему он обязан всем: и тем, что научился хорошо говорить по-русски, и тем, что крепко, на всю жизнь, полюбил свое дело, стал, как и его товарищи, первоклассным прокатчиком.

Посмотрите, как спокойно и уверенно командует он сложным технологическим процессом! В его распоряжении стан

«750» — большая машина весом в сотни тонн, с тысячами деталей. Здесь блюмс, еще недавно бывший простым стальным слитком, поступившим из мартеновского цеха, должен превратиться в вытянутую округлую трубную заготовку. Главное — настроить стан на прокат заготовок нужного профиля, диаметром от 90 до 270 миллиметров. Это все равно, как музыкант настраивает свой инструмент на нужный лад и тон. И Майсурадзе, действительно, делает это артистически, умело распорядившись всем доверенным ему хозяйством: шайбовым кантователем, линейками, валками, пропусками, коробками — словом, всеми частями стана, которые тискают, обжимают, катают раскаленный блюмс, заставляя его в конце концов принимать требуемые очертания трубной заготовки. А уж в трубопрокатном цехе эту заготовку прошивают, оснащают муфтами и резьбой и превратят в готовую трубу. Искусство Майсурадзе в том, что он добился максимального выхода годной продукции.

Мы сидели потом у Ваню в его квартире на Пионерской улице и, пока хлопотала молодая хозяйка, говорили о росте города грузинских металлургов: Пионерская была когда-то одной из первых улиц Рустави. А на днях, рассказал хозяин дома, исполком Руставского горсовета присвоил наименования еще большому числу новых улиц. Это улицы Бараташвили, Мичурина, Толстого, Шаумяна, Джапаридзе, Гоголя, Некрасова — в левобережной части города, и улицы Казбеги, Вахушти, Важа Пшавела и Тбилисская — в правобережной его части. Да и разве не говорит о росте города и рост числа депутатов его городского Совета?! В прошлые выборы, два года назад, баллотировалось 106 кандидатов, а в 1957 году их стало 138.

ПРОБЛЕМА ТРЕТЬЕЙ ДОМНЫ

...Домны уже стали привычной частью руставского пейзажа. Сейчас нельзя представить себе завод в Рустави без мощных огненных струй чугуна, льющихся сквозь лётки печей в ковши, без ярких вспышек, без искр только что рожденного металла.

Среди готовой продукции, выпускаемой заводом, наибольшую известность в стране приобрели трубы. Руставские цельнокатаные бесшовные металлические трубы используются уже во многих отраслях промышленности, в первую очередь в нефтяной и газовой, а также в коммунальном хозяйстве городов. Руставский стальной лист посылается на судостроительные заводы, мелкосортный прокат — на заводы сельскохозяйственного машиностроения и местной промышленности.

Если на карте страны обозначить все

пункты, куда посылается сейчас руставский металл, то вся она покроется густой сетью. Руставский металл вышел и на мировой рынок. Он поставляется в Индию, Иран, Австрию, Китай, Болгарию, Германскую Демократическую Республику, Аргентину. В эти страны отправляются главным образом трубные заготовки, мелкий сорт и готовые стальные цельнотянутые трубы.

За счет улучшения организации производства и технологии резко улучшили показатели основные цехи завода. Так, например, коэффициент использования полезного объема доменных печей по своему абсолютному значению находится ныне на уровне таких металлургических заводов страны, как заводы имени Петровского, «Запорожсталь», Енакиевский, Макеевский; превосходит соответствующие показатели таких заводов, как Краматорский имени К. Е. Ворошилова, «Азовсталь», Ново-Липецкий, Череповецкий, Нижне-Салдинский.

Съем стали с квадратного метра пода мартеновских печей, достигнутый сталеплавильщиками Рустави, соответствует уровню таких предприятий, как заводы имени Дзержинского, Енакиевский, Таганрогский, «Красный Октябрь». Прокатчики мелкосортного цеха достигли такой производительности в фактический час работы, которая превышает соответствующие показатели многих мелкосортных цехов на других металлургических предприятиях.

Итак — завод построен, дает высококачественную продукцию, работает по полному металлургическому циклу. Что же дальше? Разумеется, надо осваивать богатую технику, увеличивать съемы продукции со станков и с каждого квадратного метра пода мартеновских печей, повышать коэффициент использования домен. Но только ли это?

Осенью 1956 года директор завода Николай Георгиевич Гомелаури с группой помощников ездил по крупнейшим металлургическим заводам страны. Его интересовало, в чем руставцы отстали и в чем идут на уровне передовых предприятий. Картина получилась довольно пестрая, но в целом благоприятная. И то, что отдельные цехи руставского завода все чаще занимают почетные места во Всесоюзном социалистическом соревновании, тоже говорит в пользу молодого предприятия.

И все же директор вернулся из этой поездки с одной весьма серьезной думой. Он высказал ее, когда шло всенародное обсуждение вопроса об улучшении организации управления промышленностью и строительством. Мне довелось слушать его выступления и на рабочих собраниях, и на совещаниях партийно-хозяйственного актива в Рустави,

и на пленуме Центрального Комитета Компартии Грузии в Тбилиси. И всюду он настойчиво говорил об одном:

— Рустави нужна третья домна.

А коль скоро Гомелаури выдвигает требование поднимать третью домну, значит—дело продумано, назрело.

— Не жадный ли вы, Николай Георгиевич?

Отвечая на эту реплику на одном из совещаний в Рустави, Гомелаури пояснил свою позицию:

— Нет, это не директорская жадность. Нам без третьей домны никак нельзя. Без нее завод будет производить впечатление незавершенного предприятия. Я много ездил по стране и убедился в том, что третья домна нужна как резерв, как обязательный минимум высокой культуры металлургического производства. Наши прокатные цехи с их мощным оборудованием вырвались далеко вперед: скоро мы их не сможем загрузить, если резко не увеличим выплавку чугуна и стали. Новая домна нужна и для того, чтобы больше вырабатывать коксового газа для развития химической промышленности в Рустави. Наконец, нам нужно повернуться лицом к нуждам Грузинского экономического района, и это тоже значит—больше выплавлять чугуна. Так давайте смотреть вперед и уже сейчас всерьез вести разговор о третьей домне. Диспропорции надо предупреждать на корню...

Весна 1957 года в Рустави была бурной. Участвуя во всенародном обсуждении вопросов улучшения руководства промышленностью, руставцы словно новыми глазами взглянули на работу своего завода и на его роль в экономике Грузии и всего Закавказья. Свое название «Закавказский» завод оправдывает лишь наполовину: он строит свою работу на участии всех трех республик — Грузия дает уголь, известняк и доломит, Азербайджан—железную руду, Армения—огнеупоры, строительные материалы, электрооборудование. Но, кроме труб для нефтяной промышленности, завод еще почти ничего не дает Закавказью. Многие виды его продукции вывозятся далеко в глубь страны. И в то же время за тридевять земель возят в Закавказье литейный чугун...

Проблема третьей домны и вообще дальнейшего расширения завода тянет за собой цепочку других крупных проблем. Где взять столько руды и коксового концентрата, чтобы загрузить третью домну? Ведь до сих пор до 40 процентов угля завозится из Донбасса. Гомелаури, а с ним и весь командно-технический состав завода настоятельно требуют усиления строительства новых угольных шахт в Грузии, тем более, что разведанная геологическая база для этого есть—новый угленосный район

Грузии, «второе Ткибули» — Шаори. Они требуют развития эксплуатационных работ на Чатахском железорудном месторождении. Словом, завод имеет очень пылких энтузиастов дальнейшего его развития и очень серьезные для этого экономические предпосылки.

И дело, кажется, движется вперед.

— Домна уже проектируется,—сказал мне Гомелаури, с которым мы недавно встретились в Совнархозе Грузии.

Николай Георгиевич—ныне первый заместитель председателя Совнархоза. Он вел металлургический завод «с нуля до полного цикла» и продолжает—уже по линии Совнархоза—заниматься делами завода теперь.

Проблема, которая в последние годы волновала его и весь коллектив руставских металлургов, будет решена.

К ЭТОМУ СТОИТ ПРИСЛУШАТЬСЯ

И еще одна проблема...

Рустави сложился и развивается как город тяжелой индустрии. Металл, химия, цемент, строительные механизмы—таков его строго индивидуальный профиль. Разве это правильно? Разве оправдано такое одностороннее развитие Рустави, тем более, в непосредственной близости к Тбилиси?

В последнее время все чаще и чаще раздаются голоса, требующие создания в Рустави и других отраслей промышленности. Экономических предпосылок для этого много. Например, это уже реальный факт, что на базе азототукового завода должно в недалеком будущем зародиться производство капролактама—полуфабриката для выделки капрона. А где капрон, там и фабрика по выпуску капроновых изделий для населения—ассортимент их весьма широк.

Но, даже если отставить в сторону прямую переработку сырья руставских заводов (хотя это дело первостепенной важности),—разве не назрела необходимость развивать в Рустави самостоятельную легкую, пищевую, местную промышленность?

Когда вы бываете в Рустави, обратите внимание на такую бытовую, житейскую деталь—она не может не броситься в глаза: в городе очень много мужчин и сравнительно мало представительниц другого пола. Понятно, что на нынешних заводах Рустави, по характеру производства, требуются только мужские профессии. Женщины здесь—либо конторские служащие, либо сотрудницы педагогических и медицинских учреждений, либо заняты в общественном питании, либо—и это главным образом—находятся на положении неработающих членов семьи. Но, так или иначе, их очень мало.

Я обратился к статистике. Соотношение мужской и женской части населения такое: 4:1—десять лет назад и 3:1—в настоящее время. За десятилетие положение изменилось ненамного.

А ведь Рустави—это город молодежи, город будущего. И мы должны понимать, что нельзя развивать промышленный город только на основе применения одних мужских профессий, точно так же, как нельзя создавать один только «девий град» на манер старых русских текстильных городов.

Разве нельзя было котонно-чулочную фабрику и завод «Электропускатель» построить не в Тбилиси, а в Рустави? Разве нельзя было строящиеся сейчас в Тбилиси галантерейную и кондитерскую фабрики переместить всего на тридцать километров, в новый город? Можно было бы, конечно. Но, видите ли, иным министрам хотелось эти предприятия иметь поближе к себе, на обжитых местах, в столице республики. А что происходит с вузами и втузами? Такая же картина. Исключительная перенаселенность столицы республики высшими учебными заведениями и рядом совершеннейшее в этом смысле белое пятно—Рустави. Не случайно в докладе на седьмой сессии Верховного Совета СССР Никита Сергеевич Хрущев назвал Тбилиси в ряду городов, которым надо малость разгрузиться от вузов.

Я беседовал недавно в Рустави с одной польской журналисткой. О, конечно, она в восторге от нашего молодого города! Но и она не могла не обратить внимания на то, что женщин в нем более чем маловато:

— С такой же проблемой мы столкнулись в Новой Гуте—нашем польском Рустави. Но этот крупнейший металлургический центр Польши развивается в теснейшем содружестве с легкой и текстильной промышленностью. Даже текстильная Лодзь по-братски поделилась с Новой Гутой одной из своих фабрик...

К этому стоит прислушаться!

ВОКРУГ ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ

В городе множество афиш. Спектакли, концерты, фильмы, лекции... Как много воды утекло с тех пор, когда в зыбкой палатке состоялся первый киносеанс! Тогда и афиши негде было наклеить.

Культурная жизнь Рустави довольно долго была совершенно неотделима от культурной жизни Тбилиси. Этому, во-первых, содействовала чисто географическая близость столицы Грузии. Самое же главное—не было тогда в Рустави настоящих учреждений культуры, и руставцы с нетерпением поглядывали на леса возводимого Дворца культуры металлургов, торопили строителей.

Георгий Константинович Табидзе, нынешний председатель правления Дворца культуры металлургов, а до этого директор руставского клуба строителей, вспоминает, как несколько лет назад он проводил коллективные поездки в Тбилиси на закупленные целиком для руставцев спектакли. Теперь этого уже не требуется. 7 ноября 1955 года начал свою жизнь великолепный Дворец культуры металлургов, и на его сцене стали показывать свои спектакли все тбилисские театры. Мы видим в городе афиши, приглашающие руставцев во Дворец послушать устный журнал «Хочу все знать», принять участие в «Вечере трудовой славы» или в «Празднике песни», или записаться в участники «Праздника весны».

Дворец—это средоточие культурной жизни города. Выездные спектакли тбилисских театров стали традицией, они пользуются большим успехом. Уже давно преодолены технические трудности, и на сцене Дворца показываются в полном виде самые сложные в постановочном отношении спектакли. После одного из таких спектаклей—«Отелло» в постановке театра имени Руставели—кружковцы робко пригласили Акакия Хорава сыграть с ними лавреневский «Разлом». Приглашение было принято, и через некоторое время жители города увидели Хорава в роли Берсенева в дружном ансамбле художественной самодеятельности.

Такая дружба руставцев с ведущими мастерами театра, с писателями Грузии становится все более многообразной. Так, исключительно удачным был концерт Петре Амиранашвили после его большой поездки по Китаю. Певец не только пел—он и делился своими китайскими впечатлениями. С успехом прошли творческий вечер Бату Кравейшвили, встреча с поэтом Иосифом Гришашвили.

Отсюда вывод: хотя Рустави и имеет теперь свой самостоятельный культурный облик, все же влияние Тбилиси огромно. И это очень хорошо, так должно быть и впредь.

Духовные потребности руставцев, однако, гораздо большие, чем то, что дают им Дворец культуры металлургов, городской Дом культуры и несколько других небольших клубов. У входа в недавно открытый кинотеатр «Металлург» вы можете услышать выразительное: «Нет ли лишнего билетика?». Назван кинотеатр громко—двухзальным, а мест в нем всего, в обоих залах, 325. Это до смешного мало для такого города, как Рустави. Под «Металлург» приспособлен нижний, торговый этаж одного из жилых домов. А городу уже нужен настоящий большой кинотеатр, тот самый, который все еще «сидит» в плане строителей и

никак не может вылезти из пеленок проектов, смет и ассигнований.

Самостоятельная художественно-культурная жизнь молодого города вырастает, разумеется, прежде всего из его самодеятельности. Бывая на предприятиях Рустави, я не раз слышал имена талантливых рабочих и служащих — певцов, танцоров, музыкантов, драматических актеров. Да, их знают в городе. Сталевар Амиран Панцулая очень обстоятельно рассказал нам о понравившейся ему в «Хевисбери Гоча» игре Резо Бареладзе и Тамары Махарадзе. Первый из них приемщик грузов на станции Рустави-2, вторая — бухгалтер заводоуправления. Работник прокатного цеха Резо Шарикадзе — певец, чтец, танцор; технический контролер трубопрокатного цеха Гемма Антополь сыграла недавно Катерину в «Грозе»...

Только в одном Дворце культуры металлургов более десяти самодеятельных художественных коллективов: грузинский и русский театральные кружки, грузинский и русский хоры, грузинская и русская хореографические группы, эстрадный оркестр, детская балетная группа и другие. Есть даже свой кукольный театр, где все кукловоды — дети. Руководитель театра Мирдза Сулакаури создала очень слаженный спектакль на русском и грузинском языках — «Наташа в лесу», сразу же полюбившийся детям. Когда я посмотрел в зал, набитый детворой, мне почему-то подумалось, что здесь, возможно, сидят и дети тех, кто около пятнадцати лет назад вместе с папами и мамами прибыл в Рустави. Весьма вероятное дело: тогдашний 10—12-летний мальчонка теперь — вполне самостоятельный мужчина и отец семейства. А его сынок или дочка уже поют в детском садике: «Мы родились в Рустави...».

...Недавно я уезжал из Рустави вечером. В городе расклеивали афиши назначенного на завтра концерта популярного в Грузии студенческого эстрадного оркестра.

— Уже нет ни одного билета, — сказал председатель правления Дворца культуры металлургов. — И это очень печально, потому что из Тбилиси приедет не менее сотни зрителей — «болельщиков» этого оркестра.

— Значит — времена меняются? Теперь тбилисцы ездят к вам на спектакли и концерты?

— Да, это случается все чаще и чаще.

СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Как-то минувшей весной я упросил генерала, начальника Грузинского управления гражданского воздушного флота предоставить мне и фотокорреспонденту самолет, чтобы совершить не-

сколько кругов над Рустави. Нам дали нечто вроде воздушного «газика» и вот мы над городом грузинских металлургов.

Пока фотограф старается изловчиться так, чтобы в кадре были видны края плоскости и тросы самолета, а широким планом — улицы города, я вглядываюсь в знакомую и в то же время такую удивительно новую панораму Рустави.

В левобережной части — промышленная площадка. Домны. Высоченные трубы. Огромные корпуса металлургического и других заводов. Теперь в Рустави несколько заводов — азототуковый, механический, цементный. Последний примечателен тем, что построен за 34 месяца, вместо 40 по проектному заданию — всесоюзное достижение! До конца шестой пятилетки все заводы города будут «обрастать» новыми производственными мощностями: печами, станами и другими агрегатами. На металлургическом заводе, например, в первой половине 1957 года вошла в действие седьмая по счету мартеновская печь, а во второй половине войдет и восьмая. В прокатном цехе введена в действие шестая группа колодцев для нагрева слитков. Все богаче становится сортамент продукции руставской металлургии. С начала 1957 года завод стал осваивать серийный выпуск углового, полосового и квадратного железа, оцинкованной проволоки для виноградников. Особенно большая работа ведется по расширению производства труб. С 1957 года Закавказский металлургический завод по трубам отнесен к юго-восточной зоне потребления, в которую входят все Закавказье, Северный Кавказ и некоторые прилегающие к нему области РСФСР. С учетом запросов этой зоны потребления завод специализирует свою работу по выпуску труб. А с перестройкой управления промышленностью и строительством он получает еще большие возможности для дальнейшего своего развития. Резко сократятся дальние перевозки, лучше будут обслуживаться нужды в металле Грузинского и соседних экономических районов.

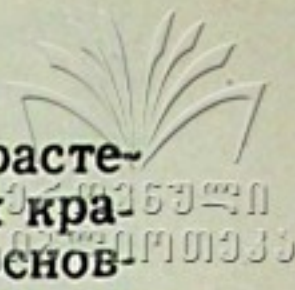
Когда мы летали над улицами и площадями города, мне вспомнилась цифра: 3 миллиарда рублей. Такие средства вложены в строительство Рустави. А до конца шестой пятилетки предстоит израсходовать еще почти 1 миллиард рублей. Громадная сумма! И она предназначена в значительной своей части для нового жилищного строительства и благоустройства города.

Достроить в городе надо еще многое. Это хорошо, что в парке культуры и отдыха появилось созданное строителями настоящее озеро, и летом здесь раздолье для купальщиков. Это хорошо, что завершается ансамбль административного

центра города с его большой площадью и окаймляющими ее крупными зданиями. Это хорошо, что высаживаются тысячи деревьев. Но главное — это жилье! Шестьдесят тысяч жителей. А до конца пятилетки прибавится еще не менее десятка тысяч. Извольте разместить это непрерывно растущее население города! Вот почему с такой озабоченностью все руставцы вглядываются в правый берег, где возводятся жилые кварталы.

Долго кружили мы над правобережной частью города. Да, сделано за пару лет немало. Эта часть Рустави поверну-

та лицом к Тбилиси и медленно растет по берегу. Десятки башенных крапов — в действии. Здесь ведется в основном крупноблочное строительство, и, что ни день, нарастают этажи, сдаются под жилье готовые дома. До конца пятилетки их должно быть сооружено много сотен — ведь именно здесь, в правобережной части, будет главный жилой массив города! Рожденный дважды, имея свой собственный облик, свою богатую историю, он уже навечно вошел в большую семью промышленных городов Советской страны.

Георгий Маргвелашвили

ПОДЛИННОЕ БОГАТСТВО ПОЭЗИИ

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ)

Вместе с последним вздохом двух последних могикан грузинского классического реализма — Акакия Церетели и Важа Пшавела (оба умерли в 1915 году, на пороге новой исторической эпохи), казалось, умер сам реализм в грузинской поэзии и было свернуто ее боевое знамя. Ведь в годы черной реакции, после поражения революции 1905 года, именно Церетели и Пшавела держали высоко это знамя, и если они в силу тех или иных исторически закономерных причин не успели еще подняться до высот новой, самой передовой идеологии, носителем которой был революционный пролетариат, то тем более ценно, что их не коснулась та растерянность, тот разброд, то повальное бегство, граничащее с ренегатством, которыми были охвачены и захвачены представители т. н. «новой» (в том числе и «демократической») поэзии. Мы знаем, что в эту тяжелую пору в стихи Иродиона Евдошвили, Ноя Чхиквадзе и Александра Абашели (известных до этого своими революционными и демократическими произведениями) начинают проникать нотки разочарования, пессимистические настроения. А. Абашели — впоследствии один из крупнейших поэтов Советской Грузии — переходит в лагерь декаданса. После первых ярких поэтических выступлений, в той или иной степени отразивших общественный подъем, вызванный революцией, приходят во многом к антиреалистическим позициям и такие поэты, как Галактион Табидзе, Сандро Шаншиашвили, Иосиф Гришашвили. Цитаделью декадентской поэзии явилась образовавшаяся в 1915 году литературная группа «Голубые роги». Годы меньшевистского

хозяйничанья в стране привели грузинскую поэзию к крайнему идейному и художественному упадку.

Октябрьская революция 1917 года, а затем установление Советской власти в Грузии 25 февраля 1921 года застают крупнейших грузинских поэтов на разных идейно-художественных позициях. И путь их дальнейшего творческого роста и развития — это путь более быстрого и органичного для одних, более трудного и сложного для других приближения к новой действительности, постижения и приятия новых исторических задач, поставленных перед собой грузинским народом.

Какова же была расстановка сил к этому исторически переломному времени? Группа пролетарских писателей, к которой принадлежали Сандро Эули, Иона Вакели, Ной Зомлетели, Иакинте Лисашвили и другие, хотя и стояла на пролетарских революционных позициях, была малочисленной и недостаточно сильной. Было бы однако, глубоко неверно недооценивать работу таких, например, писателей, как Сандро Эули и Иона Вакели, в период, когда они были чуть ли не единственными выразителями дум и чаяний грузинского пролетариата и страстно отстаивали его интересы оружием поэтического слова. В лагере поэтов, не понявших и не принявших новой действительности, оказались А. Абашели и И. Гришашвили. С символистской, декадентской платформой продолжала выступать группа «Голубые роги», объединявшая поэтов П. Яшвили, Т. Табидзе, В. Гаприндашвили, Г. Леонидзе, К. Надирадзе, Ш. Апхаидзе, Р. Гветадзе и других. Группа эта ориентирова-

лась преимущественно на западный символизм, провозглашая своими учителями Верлена, Малларме, Рембо, Лафорга. В возникшую несколько позже (к 1922 г.) футуристическую группировку входили (из поэтов) — Симон Чиковани, Н. Чачава, Д. Гачечиладзе и др. Субъективная революционная настроенность у этой группы сочеталась с типичной для футуристов «левой» эстетической программой. Особняком стоял Галактион Табидзе, поэт, не избежавший влияния декаданса, но не оторвавшийся все же от «реалистического ствола» грузинской литературы, мучительно искавший выхода из декадентского тупика и нашедший его в торжестве Октябрьской революции, очевидцем которой он был в Петрограде и которая определила отныне весь его творческий путь, все его поэтические искания. Во многом был близок к нему замечательный революционный поэт, человек большой и чистой души — Георгий Кучишвили.

И вот эти писатели разных поколений и разных талантов, каждый своим путем, кто раньше, а кто позже, но все совершенно органично и закономерно сблизились вновь с народом, нашли с ним общий язык, поняли его чаяния и нужды, смогли поставить свой талант, свое творчество ему на службу. Процесс этот был сложным. Одни начали разделять основные социалистические идеи, и это привело их к советской действительности; другие практически включились в жизнь народа и благодаря этому пришли к идеям социализма; третьи поняли (таких было большинство), что патриотические, национальные интересы грузинского народа оказались теснейшим образом связаны с социалистическими задачами, которые он стал осуществлять. Но, так или иначе, все эти писатели под влиянием жизни, советской действительности, в большей или меньшей степени преодолели свои идейно-творческие ошибки и встали в ряды передовых деятелей советской культуры.

Часто мы, критики и историки грузинской советской литературы, допускаем ошибку, слишком подробно анализируя исходные позиции тех или иных писателей, больше внимания уделяя тому, откуда они шли, чем тому, куда они пришли. И, конечно же, прав был Луи Арагон, который в своем интересном очерке о грузинской литературе писал: «Речь идет о классификации писателей по их происхождению из разных групп. Нельзя забывать, что эта классификация произвольна и условна, если не видеть за пределами школ того, что они отражают... И если все же, во что бы то ни стало, хотят классифицировать современных грузинских писателей по их происхождению, то это невольно приведет к тому, что большее значение будет придаваться их происхождению, нежели то-

му, к чему они пришли. Мне кажется, что это основано на совершенно абстрактной теории, оторванной от жизни, противоречащей историческому процессу. Мне думается, к советскому писателю Грузии нужно подходить диалектически, так именно, как сказала о Маяковском Эльза Триоле на московской дискуссии в январе 1953 года: «Основным является не то, что Маяковский был футуристом, а то, что он дал литературе».

Действительно, представим на минуту, что мы с подобной абстрактной теорией «классификации по происхождению» будем рассматривать творчество таких, например, поэтов, как Георгий Леонидзе и Симон Чиковани. Трудно представить себе поэта, более чуждого западным (а тем более декадентским) литературным влияниям, чем Георгий Леонидзе. Однако он вышел из группы, на знамени которой было начертано чуть ли не единственное слово — «Париж»!

Поэзия Симона Чиковани сегодня покоряет интеллектуальной насыщенностью творчества, смысловой нагруженностью каждого своего живописно яркого образа. Между тем он вышел из литературной группировки, провозглашавшей идеалом поэзии, ее «регулирующим принципом» заумь, бессмысленную глоссолалию! Эти два примера достаточно убедительно говорят о бесплодности вышеупомянутой теории и о том удельном весе, который должен занимать при изучении творчества крупнейших поэтов Советской Грузии анализ их юношеских эстетических блужданий.

Следует рассеять еще одно негласно укоренившееся заблуждение. Принято говорить о большом разнообразии поэтических форм в грузинской поэзии начала двадцатых годов. Это было бы верно, если бы обилие литературных манифестов и поэтических группировок означало бы действительное богатство поэзии. Но нужно знать состояние грузинской литературы в годы меньшевистского господства, нужно знать, в состоянии какого разложения, распада, разброда находилась она к моменту установления Советской власти в Грузии, чтобы понять и оценить, какое подлинное обновление и возрождение принесла ей революция. Прошли первые месяцы, а для некоторых и первые годы раздумий, переоценки ценностей, и один за другим стали вновь расцветать увядшие было таланты, ключом стала бить иссякшая было творческая жизнь. И вот — чрезвычайно знаменательное обстоятельство: если в период идейно-творческих блужданий и декадентских увлечений на произведениях многих и многих талантливых поэтов лежал какой-то общий отпечаток, если они все страшно были похожи друг на друга, их поэзия в целом ка-

Георгий Маргвелашвили

ПОДЛИННОЕ БОГАТСТВО ПОЭЗИИ

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ)

Вместе с последним вздохом двух последних могикан грузинского классического реализма — Акакия Церетели и Важа Пшавела (оба умерли в 1915 году, на пороге новой исторической эпохи), казалось, умер сам реализм в грузинской поэзии и было свернуто ее боевое знамя. Ведь в годы черной реакции, после поражения революции 1905 года, именно Церетели и Пшавела держали высоко это знамя, и если они в силу тех или иных исторически закономерных причин не успели еще подняться до высот новой, самой передовой идеологии, носителем которой был революционный пролетариат, то тем более ценно, что их не коснулась та растерянность, тот разброд, то повальное бегство, граничащее с ренегатством, которыми были охвачены и захвачены представители т. н. «новой» (в том числе и «демократической») поэзии. Мы знаем, что в эту тяжелую пору в стихи Иродиона Евдошвили, Ноя Чхиквадзе и Александра Абашели (известных до этого своими революционными и демократическими произведениями) начинают проникать нотки разочарования, пессимистические настроения. А. Абашели — впоследствии один из крупнейших поэтов Советской Грузии — переходит в лагерь декаданса. После первых ярких поэтических выступлений, в той или иной степени отразивших общественный подъем, вызванный революцией, приходят во многом к антиреалистическим позициям и такие поэты, как Галактион Табидзе, Сандро Шаншиашвили, Иосиф Гришашвили. Цитаделью декадентской поэзии явилась образовавшаяся в 1915 году литературная группа «Голубые роги». Годы меньшевистского

хозяйничанья в стране привели грузинскую поэзию к крайнему идейному и художественному упадку.

Октябрьская революция 1917 года, а затем установление Советской власти в Грузии 25 февраля 1921 года застают крупнейших грузинских поэтов на разных идейно-художественных позициях. И путь их дальнейшего творческого роста и развития — это путь более быстрого и органичного для одних, более трудного и сложного для других приближения к новой действительности, постижения и приятия новых исторических задач, поставленных перед собой грузинским народом.

Какова же была расстановка сил к этому исторически переломному времени? Группа пролетарских писателей, к которой принадлежали Сандро Эули, Иона Вакели, Ной Зомлетели, Иакинте Лисашвили и другие, хотя и стояла на пролетарских революционных позициях, была малочисленной и недостаточно сильной. Было бы однако, глубоко неверно недооценивать работу таких, например, писателей, как Сандро Эули и Иона Вакели, в период, когда они были чуть ли не единственными выразителями дум и чаяний грузинского пролетариата и страстно отстаивали его интересы оружием поэтического слова. В лагере поэтов, не понявших и не принявших новой действительности, оказались А. Абашели и И. Гришашвили. С символистской, декадентской платформой продолжала выступать группа «Голубые роги», объединявшая поэтов П. Яшвили, Т. Табидзе, В. Гаприндашвили, Г. Леонидзе, К. Надирадзе, Ш. Апхаидзе, Р. Гветадзе и других. Группа эта ориентирова-

лась преимущественно на западный символизм, провозглашая своими учителями Верлена, Малларме, Рембо, Лафорга. В возникшую несколько позже (к 1922 г.) футуристическую группировку входили (из поэтов) — Симон Чиковани, Н. Чачава, Д. Гачечиладзе и др. Субъективная революционная настроенность у этой группы сочеталась с типичной для футуристов «левой» эстетической программой. Особняком стоял Галактион Табидзе, поэт, не избежавший влияния декаданса, но не оторвавшийся все же от «реалистического ствола» грузинской литературы, мучительно искавший выхода из декадентского тупика и нашедший его в торжестве Октябрьской революции, очевидцем которой он был в Петрограде и которая определила отныне весь его творческий путь, все его поэтические искания. Во многом был близок к нему замечательный революционный поэт, человек большой и чистой души — Георгий Кучишвили.

И вот эти писатели разных поколений и разных талантов, каждый своим путем, кто раньше, а кто позже, но все совершенно органично и закономерно сблизились вновь с народом, нашли с ним общий язык, поняли его чаяния и нужды, смогли поставить свой талант, свое творчество ему на службу. Процесс этот был сложным. Одни начали разделять основные социалистические идеи, и это привело их к советской действительности; другие практически включились в жизнь народа и благодаря этому пришли к идеям социализма; третьи поняли (таких было большинство), что патриотические, национальные интересы грузинского народа оказались теснейшим образом связаны с социалистическими задачами, которые он стал осуществлять. Но, так или иначе, все эти писатели под влиянием жизни, советской действительности, в большей или меньшей степени преодолели свои идейно-творческие ошибки и встали в ряды передовых деятелей советской культуры.

Часто мы, критики и историки грузинской советской литературы, допускаем ошибку, слишком подробно анализируя исходные позиции тех или иных писателей, больше внимания уделяя тому, откуда они шли, чем тому, куда они пришли. И, конечно же, прав был Луи Арагон, который в своем интересном очерке о грузинской литературе писал: «Речь идет о классификации писателей по их происхождению из разных групп. Нельзя забывать, что эта классификация произвольна и условна, если не видеть за пределами школ того, что они отражают... И если все же, во что бы то ни стало, хотят классифицировать современных грузинских писателей по их происхождению, то это невольно приведет к тому, что большее значение будет придаваться их происхождению, нежели то-

му, к чему они пришли. Мне кажется, что это основано на совершенно абстрактной теории, оторванной от жизни, противоречащей историческому процессу. Мне думается, к советскому писателю Грузии нужно подходить диалектически, так именно, как сказала о Маяковском Эльза Триоле на московской дискуссии в январе 1953 года: «Основным является не то, что Маяковский был футуристом, а то, что он дал литературе».

Действительно, представим на минуту, что мы с подобной абстрактной теорией «классификации по происхождению» будем рассматривать творчество таких, например, поэтов, как Георгий Леонидзе и Симон Чиковани. Трудно представить себе поэта, более чуждого западным (а тем более декадентским) литературным влияниям, чем Георгий Леонидзе. Однако он вышел из группы, на знамени которой было начертано чуть ли не единственное слово — «Париж»!

Поэзия Симона Чиковани сегодня покоряет интеллектуальной насыщенностью творчества, смысловой нагруженностью каждого своего живописно яркого образа. Между тем он вышел из литературной группировки, провозглашавшей идеалом поэзии, ее «регулирующим принципом» заумь, бессмысленную глоссолалию! Эти два примера достаточно убедительно говорят о бесплодности вышеупомянутой теории и о том удельном весе, который должен занимать при изучении творчества крупнейших поэтов Советской Грузии анализ их юношеских эстетических блужданий.

Следует рассеять еще одно негласно укоренившееся заблуждение. Принято говорить о большом разнообразии поэтических форм в грузинской поэзии начала двадцатых годов. Это было бы верно, если бы обилие литературных манифестов и поэтических группировок означало бы действительное богатство поэзии. Но нужно знать состояние грузинской литературы в годы меньшевистского господства, нужно знать, в состоянии какого разложения, распада, разброда находилась она к моменту установления Советской власти в Грузии, чтобы понять и оценить, какое подлинное обновление и возрождение принесла ей революция. Прошли первые месяцы, а для некоторых и первые годы раздумий, переоценки ценностей, и один за другим стали вновь расцветать увядшие было таланты, ключом стала бить иссякшая было творческая жизнь. И вот — чрезвычайно знаменательное обстоятельство: если в период идейно-творческих блужданий и декадентских увлечений на произведениях многих и многих талантливых поэтов лежал какой-то общий отпечаток, если они все страшно были похожи друг на друга, их поэзия в целом ка-

залась порою переведенной с иностранного языка, несмотря на все потуги казаться оригинальными, — теперь, когда начала исчезать вся эта пестрота группировок и направлений, все они стали поэтами ярко-индивидуальными и по темам, и по кругу разрабатываемых проблем, и по почерку, стилю, манере письма. Так развеялась в прах легенда о том, что декадентская «свобода искусства» может якобы обеспечить расцвет индивидуальностей, потерпели крах прогнозы тех, кто считал переход писателей на новую идейно-творческую платформу началом некоей всеобщей нивелировки.

Произошло как раз обратное. Уже в середине двадцатых и, особенно, в начале тридцатых годов полностью обрели творческую самостоятельность, так сказать, «запели своим голосом» Т. Табидзе, П. Яшвили, Г. Леонидзе, С. Чиковани. От чужеродных влияний не осталось и следа, и их искусство стало подлинно национальным. Новые, зрелые произведения этих поэтов ни в какое, конечно, сравнение не могли идти с их более ранними опытами, именно опытами — иначе не назовешь.

Выдающиеся поэты старшего поколения — Г. Табидзе, А. Абашели, И. Гришашвили, С. Шаншиашвили; каждый из них нашел свою тему, обрел свой поэтический мир. В поэзии Галактиона Табидзе полностью рассеялся, говоря его же словами, «мистического бреда исчезнувший туман», и она, эта поэзия, задышала воздухом, «разреженным грозой трех революций» (Маяковский), вышла на широкие и вольные просторы революционной романтики. Для творчества этого замечательного грузинского поэта становится характерным романтико-философское осмысление эпохи, революционной действительности. В стихах Сандро Шаншиашвили новыми красками заблистали кахетинские пейзажи, сочнее и ярче сделались жанровые зарисовки. Иосиф Гришашвили, в стихах которого всегда занимала особое место романтика старого Тбилиси, стал подлинным певцом возрожденной и обновленной столицы Грузии. Знаменитое его стихотворение «Прощание со старым Тбилиси» было вместе с тем и приветом, обращенным к Тбилиси новому.

Наряду со старыми мастерами вскоре выступила и молодежь — Алио Машашвили (Мирцхулава), Карло Каладзе, Константин Лордкипанидзе, Ираклий Абашидзе. Писателей разных поколений объединила общность мировоззрения и идейных задач, общность реалистического метода, вскоре получившего название социалистического реализма. И тут заметен тот же диалектический процесс — чем сильнее становится единство писателей на базе этого метода, тем разнообразнее и разностороннее, индивидуальнее и самобытнее становятся их творческий стиль и манера.

Когда мы говорим о постепенной и неуклонной консолидации творческих сил в Советской Грузии, то, в первую очередь, причину этого закономерного процесса усматриваем в объективных факторах и обстоятельствах, в закономерностях самой действительности, в благотворном воздействии на писателей самой жизни. Однако новая жизнь породила и ряд субъективных факторов — литературного и идеологического ряда, — значение которых трудно переоценить. Нам не легко будет понять характер идейной эволюции «голубороговцев», грузинских футуристов, революционную целеустремленность и полемический задор комсомольских поэтов, даже творческую кристаллизацию такого сложившегося мастера, как Галактион Табидзе, без учета того поистине великого, подлинно благотворного влияния, которое оказывала на грузинских поэтов поэтическая практика титана революционной поэзии Владимира Маяковского; и не только поэтическая практика, но и постоянные личные, дружеские, творческие контакты, которые поддерживались между Маяковским и его грузинскими друзьями. Немалой была и роль других крупнейших поэтов Советской России, особенно таких, которые сами были захвачены водоворотом новой жизни, сами менялись, росли, мужали, приближались к новой действительности, порою ценой мучительных раздумий. Так, например, узами подлинной, благородной дружбы были связаны с рядом ведущих грузинских поэтов такие русские поэты, как Сергей Есенин, Борис Пастернак, Николай Тихонов, Павел Антокольский, Николай Заболоцкий, Михаил Светлов, Василий Каменский. Дружба между грузинскими и русскими поэтами, которая зародилась в двадцатых-тридцатых годах, а затем постоянно крепла, может считаться образцовой; во всяком случае, в те далекие годы она была первым прообразом тех, теперь уже многосторонних, многочисленных и многообразнейших творческих взаимосвязей, которые прочно установились между писателями всех народов нашей страны. И как всякая настоящая дружба, дружба русских и грузинских поэтов была взаимной: обоюдным было и их творческое влияние друг на друга.

Кто не помнит душевных слов Есенина, обращенных к поэтам Грузии?

Самодержавный
Русский гнет
Сжимал все лучшее за горло,
Его мы кончили —
И вот
Свобода крылья распростерла.
И каждый в племени своем,
Своим мотивом и наречьем,
Мы всяк

По-своему поем,
Поддавшись чувствам
Человечьим.

Поэты Грузии!
Я нынче вспомнил вас,
Приятный вечер вам,
Хороший, добрый час!..
Товарищи по чувствам,
По перу,
Словесных рек кипение
И шорох,
Я вас люблю,
Как шумную Куру,
Люблю в пирах и в разговорах.

Когда теперь оглядываешься на путь, пройденный грузинской советской поэзией, когда анализируешь и оцениваешь все факторы — объективные и субъективные, большие и малые, — обеспечившие нормальный рост, мужание и, наконец, расцвет этой поэзии, все больше и больше убеждаешься в том, какое поистине громадное, решающее значение имела в создании этих факторов, в стимулировании этого процесса идейно-устремленная, отличающаяся поразительной широтой и гибкостью политика большевистской партии в области искусства и литературы. Важнейшие партийные документы — резолюции ЦК РКП(б) от 1925 года и постановление ЦК партии от 1932 года были замечательными образцами подлинно партийного руководства литературой, подлинно творческого применения ленинского принципа, согласно которому коммунисты «не должны стоять, сложа руки, и давать хаосу развиваться, куда хочешь», а должны «вполне планомерно руководить этим процессом и формировать его результаты». Вместе с тем эти партийные решения ничего общего не имели с бюрократическим вмешательством в литературный процесс; наоборот, они своим сстрием были направлены как раз против бюрократизма и администрирования, рапповского вульгаризаторства и комчванства. Эти решения целиком были проникнуты духом ленинской идеи, согласно которой «литературное дело всего менее поддается механическому равнению, нивелированию», и что поэтому «в этом деле безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию».

После исторического XX съезда КПСС перед грузинскими поэтами раскрылись новые широчайшие перспективы свободного, вдохновенного творчества. Созданы объективные условия для нового размаха творческой работы, для раскрытия подлинного богатства поэзии.

В этой связи нам придется подробнее остановиться на творчестве хотя бы некоторых представителей грузинской советской поэзии, чтобы на примере их поэ-

тических биографий проиллюстрировать процесс творческого роста, идейного обогащения, художественного совершенствования, который пережила грузинская советская поэзия, показать картину того исключительного многообразия художественных форм, творческих манер и стилей, которое было определено объединением советских писателей на общей идейно-творческой платформе социалистического реализма.

На долю Галактиона Табидзе выпало редкое счастье — из всех грузинских поэтов он оказался единственным очевидцем Октябрьских дней в Москве и Петрограде, он один получил возможность «слушать революцию» у ее первоисточника, чтобы затем, говоря его же словами, «возвестить родному краю правду о спасении мира».

Литературные параллели обычно охватывают лишь отдельные грани больших и сложных явлений, но они иногда дают необходимый толчок в верном направлении. Мы не случайно привели выше блоковское выражение — нельзя не заметить родственных черт между этими двумя глубоко самобытными поэтами. Оба они восприняли революцию как обновляющую стихию, оба они чутко прислушивались к подземным толчкам истории, а затем с радостью встретили ее вулканический взрыв. С большой чуткостью и восприимчивостью смогли они сообщить своим стихам магнетический заряд новой эпохи, и их строки сразу же затрепетали в новой неожиданной ритмической пульсации, их образы прояснились, кристаллизовались, отразили в своих гранях блеск революционных зарниц — огонь выстрелов и пламя ночных костров... Табидзе был учеником Блока, но не учеником, приведенным к нему за руку, зачисленным в его класс и прилежно усваивающим наказания классного наставника, а учеником по тяге души, по рано угаданному и осознанному внутреннему родству, которое было так глубоко, что простиралось даже на двоюродные связи — Табидзе соприкасался с Блоком и там, где последний сходил с Маяковским. Можно было бы задержаться на этих параллелях, но лучше обратиться к самим стихам:

Эпоха родилась и крепла,
В гражданских бурях крещена.
Из грома бить, огня и пепла
Пришла в смятенный мир она.
О, боль последнего крушенья,
Мы не забыли ничего!
Мы помним дни уничтоженья,
Борьбу и веры торжество.

Во прахе край опустошенный,
Но молоты звенят уже,
И слышен шаг революционный
На перепаханной меже.

Мы невозможного не знали,

Без жалоб тяготы несли,
Свернув с пути, на перевале
Порой тропой обходной шли.
И дом, воздвигнутый руками
Бойцов, уже предстал глазам,
Хотя порой не каждый камень
Ложился, как хотелось нам.

Стихи эти написаны несколько позже, но и в них ретроспективно воспроизведено то восприятие революции, которое было характерно для поэтов, напрягавших свой слух, чтобы слушать ее музыку. Заметны здесь и черты большей политической зрелости, выдающей сравнительно позднюю дату рождения стиха, когда и Галактион Табидзе мог уже не только сказать, что «неугомонный не дремлет враг», но и «точно указать или хотя бы дать безошибочно представить фигуру этого врага».

А какая точность деталей, каждая из которых поражает своей поэтической конкретностью и, вместе с тем, вырастает до подлинно символического обобщения, в поэме Табидзе «Джон Рид»! Взрывается размеренная напевность стиха, «даются все права гражданства новому языку»:

Телеграммы!
Телеграммы!
Телеграммы!
Революция!
Революция!
Вести из Петрограда.
Кремль насторожился,
К чему-то таинственно готовится
Мятущаяся Москва.
Москва предвещает
Человечеству лучшие дни.
И каждый думает:
— Вот-вот,
Сейчас! —
Начнется!
Никогда не забуду
Сырую погоду,
Теплоту зимы,
Заляпанный грязью
Заплесневевший воздух.
Кляня судьбу, скулит обыватель,
Все в тумане.
Полдень
Похож на полночь.
И каждый думает:
— Вот-вот,
Сейчас! —
Начнется!
Если бы меня спросили:
— Который час?
Я бы ответил, как Батюшков:
— Вечность!

Образы-символы, плывущие морем раскрепощенного, вырвавшегося из берегов белого стиха, соседствуют с, казалось бы, выхваченными из самой жизни острыми поэтическими деталями. Поэт видит «идушие на штурм дни» и «тявкающий

пулемет», пулю, летящую остервенело из «золота вспышек», похожую на «окаменелость ветра», и «бессонные глаза города», да «этажи, лающие, как псы». Вдруг пышная метафора сталкивается с наиконкретнейшей, осязаемой деталью, и тогда:

Огонь извивается, как лоза,
Ночь повисла
Виноградными гроздьями,
А из гроздьев «хитрованцы»
Выжимают обжигающий спирт.

Мы верим в подлинность увиденной поэтом картины, верим, что «Москва гудит гигантским дубом, стряхивая пули, как жёлуди», что «ночь обжигает крапивой» и «присела сейчас у вокзала, раскуривая трубку», верим в подлинность, ставшей нам уже милой «чудовищной гиперболы»: стоит огромное прадедовское кресло, у которого поломаны три ножки, и, сидя на нем, еле держится старая Россия. Под ноги ей постлан ковер. Перед ней — треснувшая миска, полная каши. Морозно, а у несчастной нет ни подушки, ни одеяла, и снег заменяет ей пуховый матрац. Она промокла под ветром и снегом. На спине у нее — котомка, в руке — чайник, веревка вместо пояса, а сбоку — котелок.

В этом трагическом в своей фантастичности описании мы узнаем черты «нищего оборвыша», знакомого нам по «150.000.000». Но вот и здесь, в стихах грузинского поэта, «нищий оборвыш» внезапно оборачивается в гигантскую фигуру восставшего исполина, и поэт, посланец далекой Грузии, подобно своему великому русскому собрату, не может удержаться, чтобы не «зарусофильствовать от этой шири»:

О, если бы где-либо еще найти
Существо бесстрашное,
Как русский человек!
Правдолюбец —
Он прежде казался слабым
И жалким,
Но раздался грозный и неумолимый
Клич:
— Вставай!
И Россия пришла в движенье.
Терпеливая, медленная Россия,
Грешная Русь.
Большая, еле живая,
Россия встает!..

Мы остановились на «Джоне Риде» Галактиона Табидзе для того, чтобы показать, как расширила революция не только внутренний мир поэта, содержание его творчества, но и как реформировала, обновила она его стих, его стиль, его поэтику. Трудно, на первый взгляд, угадать в этой поэме автора утонченно символистского сборника «Артистические цветы», точно так же, как трудно было узнать в «Двенадцати» автора «Незнакомки» и «Стихов о Прекрасной Даме». Не поймем это так, будто не было

преемственной связи между новыми и старыми произведениями Галактиона Табидзе (и Блока, разумеется). Связь была, и была очень глубокой, органичной, но **десять дней, которые потрясли мир**, потрясли и мир поэзии Галактиона Табидзе. Нельзя сказать, что поэтика «Джона Рида» стала типичной для поэта. Нет, он дальше пошел несколько иными путями, смог приспособить к новым темам свою чисто-лирическую, романтическую поэтическую манеру, которая определилась не образом-деталью, не гиперболическим гротеском и развернутой метафорой (как в «Джоне Риде»), а чисто интонационной, ритмико-синтаксической, мелодической организацией, поэтической фразы, предельно простой, разгруженной от метафор, часто ораторски-патетической, еще чаще лирически-задушевной или философски-обобщающей, но всегда идейно-насыщенной, овеянной ветром или опаленной огнем (в зависимости от жанра!) революционной романтики:

Пусть нерв поэзии и рифмы,
и размеры,
Но все-таки всего главнее
и ценней
То, отчего бегут в искусстве
лицемеры —
Величье замыслов и глубина идей.
Лишь в них — поэта мощь,
та власть его, с какою
Объемлет нас восторг, как свет
со всех сторон,
И стелет на пути и лавры, и алоэ.
Идея, образ, стих —
и вот поэт рожден!

Это поэтическое кредо было декларировано Галактионом Табидзе в своей интересной лирико-философской поэме «Разговор о лирике» (к сожалению, довольно неровно, тяжело переведенной Игорем Поступальским). Здесь очень точно выражена новая творческая установка поэта, и он, исходя из этой установки, уже в 20-х годах ищет поэтические приемы, которые позволили бы ему непосредственно декларировать, провозглашать свое отношение к **новой эпохе, к революционной Грузии**. Ведь лирика — это всегда декларация чувств, мыслей, настроений поэта. И если поэт чувствует сегодня не только сердцебиение любимой, но и дыхание эпохи, если он любит сегодня не только «артистическими цветами», но и городом-садом, если он прислушивается не только к шелесту ночного ветерка, но и к музыке революции, он также обязан — если он хочет оставаться подлинным лириком — провозглашать, декларировать свои новые чувства и мысли в лирическом монологе. Так родились стихи и циклы Галактиона Табидзе «Мировой оркестр», «Революци-

онная Грузия», «Эпоха», замечательные книги стихов, лирический герой которых не боится ни революционной патетики, ни ораторской позы, ни одописного восторга, ни прямых гражданственных деклараций, ибо этот пафос — искренен, поза — органична, восторг — исторгнут из груди, а декларация — не декларативна.

Такая позиция поэта, охватывающая не только область его идей, его мировоззрения, но и область его чувства, его воли, его мироощущения, избавляет его раз и навсегда от самой страшной опасности, которая может грозить искусству, — от фальши, и позволяет ему вместе с тем безгранично расширить круг своих поэтических интересов, вести в поэзию все, что его действительно интересует, волнует, радует или огорчает — плачущую иву на могиле Мюссэ и шум ротационки, изумрудную гладь Рицы и гул тракторов, ханжеское лицемерие пацифиста и звуки «Интернационала». Очень разные поэты Табидзе и Маяковский, но их роднит завоеванное лирическим героем их поэзии право свободно, естественно, искренне говорить обо всем, чем он живет, говорить, не боясь вызвать недоверия у читателя.

Таков путь Галактиона Табидзе — путь к сердцу миллионного читателя. Поэт, который воспел в своих стихах эфемерную Мери, мтацминдскую луну, чинары в снегу, гурийские горы, поэт, который первый принес в Грузию «весть о спасенье мира», об его революционном обновлении, поэт, муза которого много бродила по дорогам послевоенной Европы, остро подмечая трагические контрасты буржуазного мира, поэт, который выступал на антифашистском конгрессе в Париже рядом с Анри Барбюсом, а в годы Отечественной войны заговорил с народом так же мужественно и вдохновенно, как он это сделал в годы революции, — такой поэт имел право сказать о своей песне:

Иной хранит розу, красотка, твою,
Иной золотую парчу иль скуфью,
Над чьим-то портретом шепчет:

«люблю» —

Каждый имеет любовь свою.
Письмо, над которым лишь слезы
льют,

Кольцо ли, что пламени льет струю,
Серезжки ли, в сладкой тени,

как в раю, —

Каждый имеет любовь свою.
Локон ли, клад ли — земли на краю,
Правду ль, добытую им в бою,
Вещь ли, прославившую семью, —
Каждый имеет любовь свою.
Тебя обожая, Отчизна, пою,
Ни с чьей не схожую песнь отдаю,
Сердце в огне, и огня не таю, —
Каждый имеет любовь свою.

ЗАМЕТКИ О ПЕРЕВОДАХ А. МЕЖИРОВА

Так уж повелось, что, говоря о вопросах художественного перевода, обычно начинают с анализа соответствия перевода оригиналу, то есть с разбора его верности, точности. Что ж, это имеет и свое объяснение и свое оправдание: буквализм или вольность все еще остаются бичом нашей переводческой практики.

Но хуже другое. Хуже то, что порою вообще ограничиваются лишь подобным анализом, не желая замечать, как много продолжает появляться переводов, особенно стихотворных, и внешне точных, и словно лишенных раболепия буквализма, но не трогающих ни сердца, ни ума читателя: такие холодно-гладкие рифмованные строчки, в которых есть все, кроме главного, — дыхания подлинной поэзии...

К сожалению, мы подчас забываем о том, что перевод стихов — область большой поэзии. И, конечно же (это необходимо подчеркнуть), создание собственных стихов для поэта-переводчика никак не может быть помехой. Сказать об этом необходимо и потому, что подобный взгляд имеет не только своих сторонников, но и негласных противников, нет-нет да и пытающихся выдвинуть «теорию», по которой создание собственных стихов для переводчика чуть ли не грех смертный. База под это утверждение подводится немудреная: творческая индивидуальность поэта, занимающегося и переводами, мол, не дает ему возможности глубоко и полно передать на другом языке все особенности переводимого произведения. В таком случае хочется спросить: а чьи же переводы из грузинской поэзии обрели долгую жизнь, а не стали лишь однодневкой, достоянием толстых «юбилейных» однотомников? И мы должны будем назвать имена Николая Тихонова, Николая Заболоцкого, Павла Антокольского, Бориса Пастернака и других русских поэтов, чье соб-

ственное творчество сильно и самобытно.

1.

А. Межиров принадлежит к тому поколению поэтов, талант которых рождался в тяжелую годину войны. Стихи и тревога солдатских буден сплетались в такое тесное, нерасторжимое единство, что война рождала огонь поэзии, а стихи, по сути дела, стали голосом сердца беспокойной юности. И, может быть, именно поэтому уже через десятилетие, заканчивая свою новую книгу стихов, поэт писал:

Не хочу делиться частью,
Частью целого себя,
Утешаться полустрастью,
Не ревнуя, не любя.
И ютиться в хате с краю,
У событий на краю,
Полумерами карая
Половинчатость свою,
Выходить на полустанках,
Забываться в полусне.
Разве в танковых атаках
Не стоял я на броне?

(«Тревога»).

Это неустанное внутреннее стремление к цельности, понимаемой поэтом как полнота, молодость и свежесть чувств, вновь и вновь звучит в его произведениях.

Лирик по природе своего дарования. Межиров обращается и к созданию больших, масштабных образов. Мыслью своей он постоянно возвращается к годам войны. И это понятно — в те годы общенародного героизма окончательно определился душевный склад самого поэта. В кругу однополчан рождались и чувства, которые позднее вылились в стихи:

Пули, которые посланы мной,
не возвращаются из полета.

Очереди пулемета
режут под корень траву.

Я сплю,
положив голову
на Синявинские болота,
а ноги мои упираются
в Ладогу и Неву.

Все лучшие стихи Межирова неразрывно связаны с современностью, поэта волнует то, что сегодня рождается в жизни, он весь захвачен думами о нынешнем, новом дне нашего народа. Читая его стихи, видишь, что, несмотря на разнообразие тематики, у него свой ясный поэтический мир.

Свой, но отнюдь не замкнутый, круг друзей и у Межирова-переводчика. В грузинской поэзии он нашел много близкого, созвучного его пониманию и ощущению природы художественного слова.

2.

Знание грузинской действительности, проникновение в стихию грузинской поэзии явилось для Межирова результатом многочисленных поездок в Грузию, той постоянной творческой близости, которая и сделала его переводы не соперничеством двух стихотворений, близких по букве, но далеких по духу, а актом подлинной дружбы двух национальных литератур — русской и грузинской.

Эти традиции большой дружбы двух литератур сложились не вдруг и не сразу; у их истоков стоят такие великаны поэзии, как Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, для которых Грузия и Кавказ были, по выражению Белинского, «вдохновителями и пестунами муз». Они, эти традиции, были развиты в наши годы в стихах Маяковского, в произведениях многих лучших русских поэтов. Николай Тихонов, например, с полным правом говорит о своем братском творческом содружестве с грузинскими поэтами:

Как в плески, полные прохлады,
Я погружался в речь твою,
Грузино-русских строк отряды
В примерном встретились бою.

Перелистаем один из последних сборников стихов Межирова. Познакомимся с его тематикой, с его географическими и хронологическими границами, которые многое помогут узнать о вкусах и склонностях поэта.

Сборник Межирова назван «Возвращение». («Советский писатель», Москва, 1955 г.). И тема возвращения солдата домой из армии, где он во время войны честно исполнил свой сыновний долг перед матерью-Родиной, естественно, является цементирующей, направляющей. Но Родина велика, она — и в Москве, и на Волго-Доне, она и в горах Кавкасио-

ни, где поэт впервые повстречался со своим новым другом — дорожным обходчиком, героем его одноименного стихотворения.

«Дорожный обходчик» — не единственное стихотворение в сборнике, посвященное Грузии. Здесь напечатан целый цикл — «Грузинский танец с мечами», «Ливня июньского мокрые плети», «Песенка Сагурамо», «Горы», «В дороге» и, наконец, прекрасное стихотворение «Твердыня» («Гремит листва над кроной Зедазени...»), в котором — и большое уважение к древней грузинской культуре, и умение увидеть прошлое с высоты сегодняшнего дня:

Когда над храмом с грохотом теснится
И зажигает молнии гроза,
Я вижу не иконы, а бойницы
И амбразуры, а не образа.
Как здесь смирит монах свою
гордыню,
Когда вокруг не тишина, а бой!
Не монастырь, а древнюю твердыню
Я вижу в час грозы перед собой.

Читаешь стихи сборника, и тебе все ближе «незнакомая страна» с ее громадой гор и быстротой потоков, все родней люди, о жизни которых нам поведал поэт.

Знание жизни, в данном случае знание грузинской действительности, — одно из важнейших условий успешной работы поэта-переводчика.

Это неустанное стремление к познанию материальной и духовной жизни грузинского народа отчетливо проступает в стихах поэта о Грузии, оно же является одним из важнейших условий успеха Межирова-переводчика.

3.

Еще Сервантес, устами одного из своих героев, заметил, что перевод напоминает изнанку ковра: рисунок тот же, но краски потускнели, выцвели; все словно то же, а искусства нет. Действительно, искусство в данном случае погибло. Но может быть в этом-то и разгадка тайны, может быть, потому-то и поблекли краски, что нет подлинного мастерства, нет той искорки, которая способна вдохнуть жизнь и сделать создание чужого вдохновения близким и понятным?

Очевидно, что так. И в этом убеждают многочисленные переводы Межирова, которые по силе красок, по поэтическому огню вряд ли уступают подлиннику. Они дают возможность читателю не только домысливать, не только догадываться об особенностях переводимого произведения, но они в конкретной, живой форме воссоздают все его обаяние и эстетическую ценность.

Россыпайся, внемли и смотри —
Заскрипели ворота зари,
Скачут белые кони рассвета.
Через черную ночь на рысях
Белогривый несется косяк,
Слышен топот над звездами где-то.

Свет в окошке бессонном потух,
Проболтался об утре петух,
Горы ожили в утреннем гуле,
Все прозрачнее даль, все ясней,
Кони белые черных коней
Грудью в пропасть с обрыва столкнули.

Этот перевод стихотворения А. Шенгелия «Рассвет» сделан с такой силой проникновения в чужой, но ставший близким замысел, что русское стихотворение читается с тем же волнением, что и его грузинский оригинал.

Но, может быть, нас в данном случае подкупает та романтическая струя, которая так отчетливо окрашивает стихотворение и которая дала переводчику возможность сохранить эмоциональную силу стихотворения на другом языке? Отнюдь нет. Все дело в поэтическом таланте переводчика, сумевшего передать и своеобразие образного строя грузинского стихотворения, и его ритмический рисунок, и внутреннюю интонацию, и даже его звукопись — «Через черную ночь на рысях» или «Слыша топот над звездами где-то», удачно передающую особенности топота конских копыт.

Перевод из А. Шенгелия — один из самых новых в «Книге друзей» — книге избранных переводов А. Межирова, выпущенной недавно издательством «Заря Востока» (Тбилиси). Именно это заставило нас обратиться к нему в первую очередь, хотя он и не одинок в сборнике. Переводы, сделанные с той же силой изобразительного мастерства, составляют значительную часть книги. Они — и это надо особенно отметить — являются носителями все растущих, определяющих тенденций межировского перевода.

Переводы таких стихотворений С. Чиковани, как «Письмо из Татр», «Второе письмо», «В сторону села Шопена» и др., заставляют забыть о том, что читаешь переводы — настолько естественно и органично их звучание. Рост этих тенденций в практике Межирова-переводчика заметен как в его работе над стихотворениями лирического плана, так и в переводе произведений гражданской лирики (вспомним, например, перевод стихотворения Х. Бериулава «Ленин»), и в переводах тугих, словно гнущихся под напором чувств, стихов Георгия Леонидзе, и произведений Карло Каладзе, и живописных стихов Реваза Маргиани, и поэзии Иосифа Нонешвили.

Эти переводы сделаны с верных эсте-

тических позиций. Они говорят о неуклонном стремлении поэта к созданию действительно художественного перевода.

Однако на этом пути поэта ожидают не только попутные течения, но и подводные рифы. И о них также следует поговорить.

4.

В своем докладе на Втором съезде советских писателей о художественном переводе литератур народов СССР П. Антокольский, М. Ауэзов и М. Рыльский, образно рисуя работу переводчика, говорили, что «по старинке в карету переводчика впряжены три коня. Это, прежде всего, коренник, представляющий собою меру дарования переводчика. С двух сторон коренника, как водится, пристяжные. Слева — весьма норовистый, капризный конек, несущий всякую околесицу отсебятины, рвущийся на вольный простор вольного перевода и переложения. Справа — унылая, подслеповатая кляча буквализма, плетущаяся от слова к слову, от сих до сих, в меру заданного ей и с трудом осваиваемого овса».

И если правая пристяжная в переводческой карете Межирова не смеет и шага лишнего ступить, и содержится, как говорится, в черном теле, то левый норовистый конек нет-нет да и вырвется в сторону, пытаясь сбить всю тройку с правильного пути. Мы имеем в виду не отдельные детали перевода, не отдельные огрехи и частности, хотя и они, как показывает практика, имеют немаловажное значение для верного воспроизведения подлинника на другом языке. Мы имеем в виду, прежде всего, те его переводы, в которых Межиров отступил от принципов, положенных им в основу своей переводческой работы.

Познакомимся, хотя бы кратко, с переводами Межирова стихотворений Галактиона Табидзе, которые, на наш взгляд, являются одним из наиболее показательных примеров отступления А. Межирова от принципов, определивших во многом успех его лучших переводов.

Вот стихотворение «Дуб», написанное Галактионом Табидзе еще в 1914 году, когда поэт находился под известным влиянием антиреалистических литературных течений. Это закономерно отразилось и в идее произведения и в его образах. Стихотворение противоречиво по своим идейным устремлениям: поэт, воспевая гордую и сильную личность, которая «первой встречает удар молнии», дает в то же время весьма далекую от оптимизма концовку (приведем ее в переводе Вл. Державина):

В черном дупле теперь только филин.
Спрятавшись ночью от бури, хохочет.

А Межиров, «исправляя» эту противоречивость, «придает» всему стихотворению бодрое, мажорное звучание:

Клубится небо низкое, сырое,
Могучий дуб свершил свой ратный труд.

И над могилой павшего героя
В горах обвал грохочет, как салют.

Стихотворение, осмысленное в неверном историческом аспекте, прозвучало и поэтически фальшиво, в нем появились несвойственные данному стихотворению образы: «Ветвистый дуб, как часовой в дозоре», «Будет умирать, как часовой», «Как после орудийного обстрела, на пепелище тишина легла», «И над могилой павшего героя в горах обвал грохочет, как салют».

Неудачен перевод и другого стихотворения Г. Табидзе — «Возвращение в Сванетию». Не говоря уже о том, что в этом переводе очень мало точек соприкосновения с грузинским оригиналом, он отличается, и отличается очень сильно, своим интонационным строем, ритмическим рисунком. Стихотворение Табидзе написано в широкой эпической манере, а перевод звучит облегченно, порой напоминая даже частушку.

В этой связи необходимо остановиться на участившихся в последнее время ссылок переводчиков на «привычность или непривычность» той или другой поэтической формы для русского читателя. Скажем сразу, что подобные ссылки на «непривычность» кажутся нам неубедительными, приводящими на практике либо к замене одного образа другим — эту операцию почему-то называют «расшифровкой образа» (есть и такой термин!), — либо к прямому узаконению отступлений и вольностей в переводе.

«Расшифровка образа» — это та же отсебятина, только прикрытая фиговым листком «научной» терминологии. Дело не спасает и ссылка некоторых критиков на «переводческую смелость», будто бы помогающую появлению «законченных образов, которые в самом оригинале существуют как бы в форме зародыша». О правомерности этой «расшифровки» призывают судить по результатам.

Что ж, будем судить по результатам!

Один из них, наиболее отчетливых и ясных, мы уже привели — это переводы стихотворений Галактиона Табидзе. Дополним их и другим примером расшифровки, так сказать, расшифровки локальной, охватывающей отдельный образ, а не все произведение.

Вот строки из стихотворения И. Нонешвили «Осень в Тбилиси» (стихотворение в целом, заметим, переведено хорошо и точно):

Въезжает осень
На арбе крестьянской,
И по Тбилиси шествует она.

Вернее, это строки из перевода, где осень в Тбилиси явно не спешит: она «въезжает на арбе крестьянской»; в оригинале же сказано нечто противоположное: там осень мчится из Кахетии, как «быстроногий вестник»...

Таковы результаты, если судить о переводах не абстрактно, не вообще, а в их соотношении с оригиналом. Это, думается, единственный путь, который может предостеречь от ошибок и заблуждений. И лишней представляется сама постановка вопроса о том, где сказано ярче, лучше, ибо судят даже переводчика-победителя, так как читатель хочет иметь верный поэтический перевод данного стихотворения, а не вариант, предложенный переводчиком. Тем более, что любая замена образа в оригинале — удачным образом, равно как и образом стертым — только вредит переведенному произведению, в любом случае создает о нем искаженное представление.

Стремление к верной передаче содержания связано, понятно, с заботой о верной передаче формы. Это две неразрывные стороны одного вопроса. Кроме того, отметим, что как при переводе с русского языка на другие языки народов СССР обогащается арсенал средств художественной выразительности национальных литератур, так и при переводе с языков братских народов обогащаются художественные возможности русской поэзии. Поэтому форма художественного произведения должна быть передана во всей полноте. Это, повторяем, важно и для качества перевода — для верной передачи содержания, и для литературы, на язык которой переводится произведение.

★ ★ ★

Переводы Межирова сыграли и продолжают играть большую роль в деле популяризации грузинской поэзии среди многонационального советского читателя. Они служат огромному делу обмена литературными ценностями, способствуют взаимообогащению наших литератур. И в этом — значение межировских переводов, определяющая часть которых, несомненно, говорит о правильной тенденции в нашей переводческой практике — стремлении к созданию подлинно художественного перевода, перевода верного и поэтического.

М. Стурра

ПРЕСТУПЛЕНИЯ БЕЗ НАКАЗАНИЯ

Не так давно известный американский обозреватель по международным вопросам Уолтер Липпман выступил на страницах газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» в несколько необычном для себя амплуа. Вместо очередных нравучений в адрес государственного департамента статья Липпмана была посвящена вопросу об «ужасном и опасном» увеличении числа убийств, изнасилований и краж со взломом, совершенных малолетними преступниками. Липпман писал, что проповедование в фильмах, телевизионных передачах и «комиксах» «насилия и похоти носит порочный и нетерпимый характер». Несомненно, подчеркивал автор статьи, «существует тесная связь между внезапным увеличением количества садистских преступлений и новой модой на садизм в зрелищных предприятиях. Непрерывное проповедование насилия и жестокости среди нашего поколения в коммерческих целях служит одним из средств подрыва основ цивилизованного общества».

Через день после опубликования статьи Липпмана другая американская газета — «Нью-Йорк таймс» сообщила, что в связи с ростом преступности среди несовершеннолетних в Нью-Йорке, мэр города Вагнер приказал местным властям добиваться судебного преследования, чтобы помочь «устранить из книжных магазинов и киосков все непристойные книги, а также книги, содержащие описания насилий, извращенных отношений между полами и пропове-

дующие неуважение к закону и порядку».

Приказ Вагнера имел в виду главным образом пресловутые «комиксы». Вагнер заявил: «Недавние преступления, совершенные молодежью, ясно показывают, что эта литература несет большую ответственность за ужасающий рост преступности среди несовершеннолетних, в частности за рост насилий и сексуальных преступлений».

Это не первый случай, когда в США поднимается пропагандистская шумиха против тлетворного влияния «комиксов» на рост детской преступности. Но несмотря на то, что американские правящие круги и даже сам верховный орган власти США — конгресс неоднократно объявляли «крестовый поход» против «комиксов», каждый раз этот «поход» оканчивался тем, что тираж «комиксов», а заодно и количество малолетних преступников значительно возрастали. Экспредседатель подкомиссии юридической комиссии сената республиканец Гендриксон вынужден был признать, что во всех районах Соединенных Штатов «проблема детской преступности становится все более сложной. По существу, в борьбе с детской преступностью мы терпим поражение».

Но все дело заключается в том, что «по существу» в США никакой борьбы против детской преступности не ведется. Дети — будущее нации — становятся жертвой алчных стяжателей-бизнесменов, жертвой проповедников «стопро-

центного американизма», идеал которого составляет гангстер с крупнокалиберным пистолетом-автоматом в руках. И разве не звучит подобно нехорошему анекдоту, что «комиксы», продажа которых запрещена в американском флоте, так как в них «слишком много кровопролития», свободно продаются в любом книжном магазине и киоске любого города сорока восьми штатов Америки! (Заметим в скобках, что поведение американских моряков в портах иностранных государств не свидетельствует об эффективности вышеуказанного запрета).

Еще в годы правления демократов, по признанию Тома Кларка, бывшего тогда министром юстиции, детская преступность «приобрела характер национальной угрозы». «Дети в возрасте от 7 до 15 лет,—писал в 1948 году еженедельник «Нью-Йорк таймс магазин»,—совершают в настоящее время 56 процентов всех преступлений в стране».

С тех пор детская преступность неудержимо растет. В ежегодном докладе Федерального бюро расследований (ФБР) о преступности в стране говорится, что в 1953 году было зарегистрировано на 20 процентов больше преступлений, чем в 1950 году, причем более половины этих преступлений совершено молодежью в возрасте до двадцати одного года. В интервью, опубликованном в журнале «Ньюсуик», министр здравоохранения, просвещения и социального обеспечения республиканского правительства США Хобби сообщает, что за последние несколько лет детская преступность в Соединенных Штатах увеличилась в целом на 29 процентов, а в некоторых районах даже на 50 процентов. Так, например, по сведениям, опубликованным в докладе подкомиссии юридической комиссии сената, известно, что число детей, представших перед судами, по делам малолетних преступников, увеличилось с 300 тысяч в 1948 году до 385 тысяч в 1952 году. Ныне, по сведениям этой подкомиссии, 1250 детей «имеют дело с полицией», а к 1960 году, предсказывают сенаторы, эта цифра увеличится до 1700.

На самом деле рост преступности еще более значителен, ибо, как указывается в докладе, «из каждых трех малолетних преступников, на которых обращает внимание полиция, только один привлекается к суду».

Для того, чтобы создать хотя бы видимость борьбы против роста детской преступности, американские власти время от времени предпринимают обставленную пропагандистской шумихой кампанию, которая, как правило, выливается в грязный и отвратительный фарс. Так, например, законодательное собра-

ние штата Нью-Йорк приняло закон, запрещающий «комиксы». Закон этот был принят 141 голосом против 4 в законодательном собрании и единогласно в сенате. Принятие такого закона было более чем необходимо, ибо Нью-Йорк — печально-знаменитый «город трущоб» — стал ареной поистине по-голливудски отрепетированных гангстерских похождения, где в главных ролях заняты несовершеннолетние. «Только за последний год, — писала газета «Нью-Йорк таймс», — в ожесточенных боях между шайками школьников на улицах Нью-Йорка было убито 10 мальчиков. Изучение этого вопроса показывает, что банды, состоящие из нью-йоркских подростков, продолжают совершать убийства и насилия на улицах... Юные хулиганы из банд «третьего поколения» на Уэстсайте (район Нью-Йорка) терроризируют детей и запугивают взрослых, в дома которых они вторгаются. В Гарлеме учителя по-прежнему отбирают у учеников огромное количество ножей и другое оружие... В департаменте полиции заведены дела на 60 банд молодежи... В бюро помощи малолетним при этом департаменте имеются карточки на 1.500 участников этих банд».

Казалось, после этого необходимость принятого законодательным собранием штата Нью-Йорк закона не подлежала никакому сомнению. Но не так решил Томас Дьюи, бывший тогда губернатором штата. Он немедленно наложил на закон вето, ибо этот закон, по его мнению, нарушал свободу слова и свободу печати! Новый губернатор господин Аверелл Гарриман, по-видимому, придерживается того же мнения.

Этот пример не исключение. Вопросом детской преступности длительное время занимались сенатская комиссия по расследованию преступности, возглавляемая сенатором Кефвером, и подкомиссия юридической комиссии сената, возглавляемая сенатором Гендриксонном. Причем последняя в 1954 году обратилась к сенату с «просьбой» продлить ее полномочия еще на один год ввиду серьезности положения, когда «все большее число детей оказывается замешанным в тяжелых преступлениях», причем «дети становятся преступниками со все более раннего возраста».

Просьба была удовлетворена. Подкомиссия сенаторов, установив, что «телевидение, радио, кино и «комиксы» постоянно пичкают детей историями о насилиях и преступлениях, в которых часто восхваляется преступный мир», решила привлечь к уголовной ответственности издателей «комиксов». И снова, как в случае с «антикомиксовским» законом законодательного собрания штата Нью-Йорк, гора родила мышь.

Дело происходило так. В помещении федерального суда на Фоли-сквер, где в

свое время судья Медина приобрел сомнительную славу гонителя сил прогресса и демократии, началось разбирательство вопроса о детской преступности. Три сенатора — члены сенатской подкомиссии — Гендриксон, Кефвер и Хеннингс заслушивали показания по делу о том, влияют ли на преступность среди несовершеннолетних 240 миллионов (!) экземпляров «комиксов», продаваемых ежегодно в США. После двухдневного разбирательства сенаторы пришли к тому сногшибательному выводу, что, оказывается, всякий, сомневающийся в благотельном влиянии «комиксов», наверняка... коммунист, а любая попытка помешать их изданию и распространению представляет собой не что иное, как... «коммунистический заговор» (!). Удушливый климат Фоли-сквер сказался в полную меру!

Этот «вывод» почтенные сенаторы сделали на основании показаний некоего Уильяма Гейнса, президента компании «Развлекательные комиксы» («Энтертейнинг комикс груп»), ежемесячно выпускающей два миллиона так называемых «страшных комиксов». Уильям Гейнс, который, оказывается, окончил педагогический факультет Нью-Йоркского университета, заявил на допросе: «Я — первый издатель в США, который начал издавать страшные комиксы, и я горжусь своей продукцией». Он утверждал, что его «продукция» обладает «хорошим вкусом», и, к примеру, сослался на редакционную статью, опубликованную в пяти выпусках его «комиксов». Статья носила заголовок: «Коммунисты — вот кто больше всех грозит уничтожить комиксы. Не одурачили ли вас красные?». В ней говорилось: «Когда какой-нибудь шутник выступит на заседании Ассоциации родителей и учителей или начнет лопотать о «гадких комиксах» в местной кондитерской, задайте ему хорошую взбучку. Мы не говорим, что он коммунист. Он, может быть, и не читает «Дейли уоркер». Просто он попался на удочку красных».

«Довод» Уильяма Гейнса подействовал с неотразимой силой на сенаторский триумвират. «Все это очень интересно, — глубокомысленно изрек сенатор Хеннингс, — идея, видимо, заключается в том, что каждый, кто сомневается в благотельном влиянии этих комиксов, — наверняка коммунист». Ясно, что после того, как сенаторы пришли к этому заключению, они предпочли за благо прекратить дело против «комиксов», ибо, памятуя о нравах их почившего в бозе коллеги сенатора Маккарти, перед ними возникла неприятная перспектива превратиться из обвинителей в обвиняемых, да еще к тому же в «прокоммунистической» деятельности! И вот после всего этого сенатор Гендриксон

имел, говоря мягко, смелость утверждать и сокрушаться, что «мы, как общество, оказались не в состоянии разработать и провести в жизнь законы, необходимые для того, чтобы оградить детей от участия в преступной деятельности. Мы также не смогли создать необходимый аппарат для того, чтобы помогать детям, попавшим в беду».

Что же представляют из себя «комиксы», критика которых ныне приравнивается к «подрывной деятельности»? Каков «хороший вкус», преподносимый в них миллионам детей? Вот как характеризует «комиксы» один из крупнейших американских специалистов по вопросам детской преступности, доктор Фредерик Вертхем. В журнале «Лэдис хоум джорнэл» Вертхем пишет: «Если бы захотели научить детей красть, грабить, лгать, обманывать, нападать, то нельзя было бы придумать более удачного метода, чем комиксы... Комиксы, учитывая все возможности, в подробностях рассказывают о том, как совершать преступления». Короче говоря, «хороший вкус» «комиксов» состоит в том, чтобы привить детям вкус к убийству, насилию, грабежу. Можно ли придумать более отвратительное преступление, чем это систематическое и организованное в грандиозных масштабах штампование гангстеров. Но, тем не менее, это преступление остается без наказания. Более того, оно является солидным бизнесом и даже своеобразным алиби для доказательства «лояльности» янки.

на Фоли-сквер, доктор Вертхем говорил. Выступая во время разбирательства о том, что в США каждый ребенок может заказать по почте револьверы или ножи. В качестве доказательства преступности «комиксов», Вертхем продемонстрировал перед сенаторами одно издание, в котором рассказывается о 10-летней девочке. Эта девочка убивает своего отца, затем по ложному обвинению добивается суда над своей матерью и еще одним человеком, которых казнят. На рисунках «комикса» изображены мать на электрическом стуле и улыбающаяся, торжествующе подмигивающая девочка.

Когда издателя Гейнса спросили, в чем заключается «идея» этой чудовищной мази, он, не моргнув глазом, ответил: «Это не проповедь матереубийства. Это история со счастливым концом в стиле О'Генри. Ребенок, подобно героям его рассказов, на протяжении почти восьми страниц влачит жалкое существование, но в заключение одерживает победу».

Статистика роста детской преступности свидетельствует о том, что подобные иллюстрированные рассказы со

«счастливым концом в стиле О'Генри» ведут к тому, что, в конце концов, начитавшиеся их дети оканчивают свой только что начатый жизненный путь за решеткой, если не на электрическом стуле.

Влияние «комиксов» отнюдь не ограничивается малолетней аудиторией. Как сообщала газета «Нью-Йорк геральд трибюн», в США «четверо из пяти взрослых читают комиксы». В рекламе, опубликованной этой газетой на целую полосу, говорится: «Интерес этих взрослых отнюдь нельзя назвать поверхностным. Комиксы близки им. Они сживаются с их героями. Они перенимают их привычки. Они одеваются, едят и разговаривают так, как те, и даже действуют, как те... Каждого дельца комиксы должны притягивать так же, как бюллетени фондовой биржи». В заключение газета советует дельцам продавать свои товары, рекламируя их в «комиксах». (Что скажет об этом мистер Липпман, который на страницах этой же самой газеты ханжески сокрушается о вреде «комиксов»?).

Да, «комиксы» — большой бизнес, прибыльный бизнес. Подсчитано, что издание «комиксов» дает примерно 40 процентов дохода на вложенный капитал. Такой норме прибыли может позавидовать даже всемогущая компания «Дженерал моторс»! Согласно анализу, произведенному Калифорнийским университетом, «в США каждый год расходуется больше средств на комиксы, чем на учебники для всех начальных и средних школ страны, вместе взятых. На комиксы ежегодно расходуется 100 миллионов долларов, что в четыре раза превышает ежегодный бюджет на приобретение книг для всех публичных библиотек страны». А ведь «комиксов» издается в США 240 миллионов экземпляров ежегодно. И тысячи детских жизней приносятся на алтарь «желтого дьявола».

Для того, чтобы задушить голоса протеста, монополии — издатели «комиксов» — покупают прессу, радио. В их услужении находится целая армия продажных «специалистов» по детским вопросам, психиатров, педагогов. Доктор Вертхем в своей книге «Развращение малолетних» пишет о том, что «комиксы» пользуются «таинственным покровительством». Но ничего таинственного в этом нет. Так, например, на заседании сенатской комиссии на Фоли-сквер в качестве защитника «комиксов» выступила некая доктор Лоретта Бендер, старший психиатр детского отделения крупнейшей нью-йоркской государственной

больницы «Бельвю». Эта госпожа заявила, что, по ее мнению, «как специалиста по детским психическим заболеваниям», так называемые «страшные комиксы» не причиняют никакого вреда детям. В дальнейшем выяснилось, что Лоретта Бендер получает от издательской фирмы «Нэйшнл комикс груп пাবলিশерс» 150 долларов в месяц в качестве «платы за консультацию по содержанию комиксов, когда им приходится в голову мысль проконсультироваться со мной».

Выступивший во время разбирательства на Фоли-сквер руководитель «Ассоциации изучения ребенка», в обязанности которой входит консультация родителей в вопросах детского чтения, доктор Гуннар Дибудод признал, правда, довольно неохотно, что ряд представителей его ассоциации — педагоги и психиатры — находятся на содержании у издателей «комиксов» и за определенное количество долларов, которые им выплачивают эти издатели, советуют родителям давать детям для чтения «комиксы», заверяя их в полной безвредности последних. Ничтоже сумняшеся, они выдают мерзкую стряпню «комиксов» за «современный фольклор». Нечего сказать, хорош «фольклор»!

Но «комиксы» не просто бизнес. «Комиксы» — питательная почва, на которой пышным цветом расцветают личевики из Пикскилла и Скотсборо, палачи Кочжедо и Чечжудо. «Детей нельзя воспитывать на диете, состоящей только из лунного света и фиалок», — цинично разглагольствует газета «Нью-Йорк геральд трибюн» (куда вы глядите, мистер Липпман!), — им нужны герои и злодеи... В условиях страха, насилия, возможного опустошения, беспокойства взрослых и неустойчивости современного мира детям нужны действия и выход для их забот и опасений».

Когда защитники «комиксов» доказывают их благотворность на том основании, что они «дают воображаемый выход подавляемым агрессивным чувствам ребенка», невольно вспоминаются людоедские утверждения некоторых «социологов о необходимости войн, для того чтобы дать выход стадным наклонностям толпы». Это совпадение далеко не случайно. Оно доказывает, что издание «комиксов» входит составной частью в программу идеологической обработки американского населения, которую предпринимают агрессивные круги США в своих далеко идущих авантюристических планах установления мирового господства американского империализма.

Вано Шадури

Страницы великой дружбы

О „Кратком историческом очерке Грузии“

Александра Чавчавадзе

Выдающийся поэт, общественный и государственный деятель, пламенный патриот, друг Грибоедова и декабристов, образованнейший человек своего времени, блестящий переводчик Пушкина и Одоевского, Вольтера и Лафонтена — Александр Чавчавадзе был одним из зачинателей нового прогрессивно-романтического направления в грузинской литературе первой половины XIX века, выразителем взглядов и настроений передовой части своего поколения.

Александр Гарсеванович Чавчавадзе (1786—1846) родился и обучался в Петербурге, где его отец долго занимал пост полномочного посла грузинских царей при русском дворе. В 1813—1814 гг. А. Чавчавадзе участвовал в сражениях с наполеоновскими войсками и в походах на запад, а с 1817 года, живя в Грузии, вел большую административную и общественно-литературную работу.

Его жизнь и творчество условно можно разделить на два периода — до и после Отечественной войны 1812 года.

Известно, что юношей Александр Чавчавадзе штыком и пером восставал против уничтожения самостоятельности грузинского царства. В 1804 г. поэт примкнул к царевичу Фарнаозу, боровшемуся за престол. В юношеской поэзии Чавчавадзе Грузия часто сравнивается с затворницей, оказавшейся в мрачной тюрьме. Нежной любовью к многострадальной отчизне и жгучей ненавистью к ее «тюремщикам» проникнуты многие стихи поэта.

В то время у Чавчавадзе было одностороннее представление о России. Сын грузинского посла при русском дворе, он видел, главным образом, ее официальную сторону. Не вина, а беда Чавча-

вадзе, что он в юном возрасте недостаточно знал родину Радищева и Державина, страну великого народа. Надо учесть, что в самой России на первый план выдвигался и, прежде всего, бросался в глаза «фасад» империи, а не запретная книга Радищева; в далекую Грузию приезжали, в основном, официальные лица, представители императорской России, а не поэты и художники. В первые годы, в период жестокой военной диктатуры, особенно сильно сказывался грубый произвол царской администрации.

Но в дальнейшем, наряду с Россией аракчеевых и романовых, Чавчавадзе увидел и Россию Грибоедова и Пушкина, героев Отечественной войны и 14 декабря.

Увидел не только потому, конечно, что за это время духовно вырос сам поэт, но и потому, что после Отечественной войны необычайно выросла Россия, в ней обнаружили такие силы, о которых раньше и не подозревали.

«Двенадцатый год», — писал Белинский, — была великою эпохой в жизни России... Напряженная борьба насмерть с Наполеоном пробудила дремавшие силы России и заставила ее увидеть в себе силы и средства, которых она доселе сама в себе не подозревала».

Чавчавадзе был свидетелем исключительного патриотического подъема и героизма русского народа, а затем — свидетелем восхода солнца русской поэзии — Пушкина и движения первого поколения русских революционеров — декабристов. Отечественная война, сыгравшая, как известно, исключительную роль в возникновении декабризма, безусловно, способствовала изменению

взглядов и Чавчавадзе. Отныне Чавчавадзе не только на русской, но и на грузинской земле, в родном городе Тбилиси и даже в собственном доме встречает подлинных представителей русской нации, которые, в отличие от реакционных царских чиновников, относились к грузинскому и другим народам исключительно благожелательно и сочувственно.

Чавчавадзе породнился с Грибоедовым, став его тестем, но в идейном родстве он находился с целым поколением передовых деятелей русской культуры.

Неизмеримо выросшие революционные и культурные силы России привлекли к себе внимание не только грузинского поэта, но и всего прогрессивного человечества, завоевав уважение и симпатии к России всех передовых людей. В этом заключалась, между прочим, одна из великих заслуг Пушкина, Грибоедова, декабристов... Если царская Россия, являвшаяся «тюрьмой народов», отталкивала и возмущала прогрессивных деятелей, то пушкинская Россия становилась для них притягательным центром, страной искренних друзей и великой культуры.

* * *

После Отечественной войны, когда А. Чавчавадзе вернулся на родину, он стал, по единодушному признанию современников, связующим звеном между передовыми деятелями грузинской и русской культуры.

В числе его желанных гостей были и Грибоедов и разжалованные декабристы в солдатских шинелях. Выясняется, что грузинского поэта сближала с ними общность вольнодумческих взглядов и высоких общественно-литературных интересов.

Во всей деятельности Александра Чавчавадзе, в системе его воззрений, в поведении, творчестве было много «предосудительного», с точки зрения царизма, много такого, что сближало его с автором «Горя от ума» и героями 14 декабря. Декабристские симпатии Александра Чавчавадзе не вызывают никакого сомнения. О них знали еще его современники, о чем свидетельствует секретное донесение главнокомандующего Кавказским корпусом Розена военному министру Чернышеву от 22 декабря 1832 года.

«Князь Чавчавадзе, — читаем мы в этом документе, — образован в пажеском корпусе, потом, служа у нас, принял всю европейскую образованность, и дочь его была замужем за покойным Грибоедовым». Дальше следует зачеркнутая, но ясно читаемая фраза: «и будучи тестем покойного Грибоедова, имел

средства утвердиться в правилах вольнодумства».¹

Должно быть, не случайным является и тот факт, что Николай I сравнивал Александра Чавчавадзе с известным декабристом генералом Михаилом Орловым.²

Интересно в этой связи и воспоминание барона Ф. Торнау, которому, оказывается, один из «доброжелателей» шепотом советовал «из осторожности» не общаться с разжалованными декабристами и... с А. Г. Чавчавадзе.³

О декабристских симпатиях Чавчавадзе свидетельствует также его отношение к «делу Н. Н. Раевского», приятеля Пушкина и декабристов, командира Нижегородского полка. Известно, что Чавчавадзе под разными предлогами уклонялся от выполнения приказа главнокомандующего Паскевича об участии в передаче полка опальным Раевским Андроникову.

Особенно следует отметить идейные и творческие связи Чавчавадзе с прогрессивной русской литературой. Он одним из первых начал популяризировать в Грузии произведения Пушкина и декабристов. Благодаря Чавчавадзе на грузинском языке прозвучали такие вольнолюбивые стихотворения Пушкина, как «Анчар» и «К. Н. Я. Плюсковой», а также — «Обвал», «Пробуждение», «К друзьям», «Медный всадник» (отрывок).

* * *

В грузинской литературе первой половины девятнадцатого века одной из самых злободневных и волнующих проблем была «судьба Грузии», то есть взаимоотношения Грузии с Россией. Реакционные царевичи и царевны, представители феодально-монархического национализма, борясь за реставрацию династии багратидов, выступали против России вообще, против прогрессивной русской культуры.

Однако в грузинской литературе господство получило не это направление, а противоположное, представленное именами выдающихся грузинских литераторов — А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани, С. Додашвили, Н. Бараташвили, Г. Эристави и др. Осуждая колонизаторскую политику царизма, они хорошо сознавали историческое значение союза Грузии с Россией. Это понимание прогрессивного характера присоединения Грузии к России отразилось в замечательном стихотворении Чавчавадзе «Кавказ».

¹ Е. Вирсаладзе. «Новые материалы о Н. Бараташвили и его времени», газ. «Заря Востока», 1945, 16 ноября.

² «Русский архив», 1897, № 1, стр. 9.

³ «Русский вестник», 1869, т. 80, стр. 701—702.

«Путь открылся, и надежда у грузин
растет,
Что эпоха просвещенья с Севера
придет».

Воскрешая известную легенду о Прометее (Амирани), подчеркивая извечное свободолюбие народов Кавказа и рисуя живописные картины природы, Чавчавадзе своим «Кавказом», несомненно, перекликается как с одноименными стихотворениями Пушкина и Шевченко, так и со «Спором» Лермонтова, творениями Акакия Церетели и других передовых поэтов, писавших на тему «Россия и Кавказ».

Обстоятельно вопросы русско-грузинских отношений были рассмотрены в произведении «Краткий исторический очерк Грузии и ее положение с 1801 по 1831 год».

Подлинного автора этого «Очерка» долго не знали. Вначале его приписывали Л. Исарлову,¹ затем — отцу Александра Чавчавадзе Гарсевану² (хотя Гарсеван умер в 1811 г., а «Очерк» доведен до 1831 г.) и лишь после того, как по просьбе грузинского поэта — академика И. Гришашвили проф. М. А. Полиевктов нашел (в Ленинградской публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина) рукопись «Очерка», выяснилось, что это произведение принадлежит Александру Чавчавадзе.

Нам удалось найти и другую рукопись «Очерка» (писарскую копию, представленную Николаю I). Она хранится, среди различных проектов, в Центральном Государственном историческом архиве Ленинграда, в фондах Кавказского комитета.³ Ценность этой рукописи заключается в том, что она позволяет точно установить, когда, где и с какой целью был написан «Очерк».

У И. Гришашвили, опубликовавшего впервые грузинский перевод «Очерка», этих данных не было. В примечании к тексту, он указывал, что, судя по контексту, «Очерк» представляет собой доклад Александра Чавчавадзе Николаю I, написанный в 1837—1838 гг.⁴

В нашей же рукописи произведение сопровождается следующим «всеподданнейшим рапортом», подписанным Александром Чавчавадзе:

«Ваше императорское величество!

Древнее состояние Грузии доселе мало кому известно. Перевороты, ко-

¹ «Краткий исторический очерк Грузии и ее положение с 1801 по 1831 год» напечатан в «Письмах о Грузии» Л. Исарлова. 1899 г.

² «Кавказский сборник», 1902, т. 23, стр. 1—27.

³ ЦГИАЛ, ф. 1268, опись 1 (68), № 9.

⁴ А. Чавчавадзе. Сочинения (на грузинском языке), 1940, стр. 343.

лебавшие долгое время сию страну истребили большую часть ее памятников и бытописаний. К несчастью туземцев и нынешний быт их никем не был изображен в настоящем беспристрастном виде. Это родило во мне смелость представить вам, государь, краткое описание современных происшествий Грузии, коих я большею частью был очевидцем, изобразить в легком очерке историю подвластного вам грузинского народа, объяснить его бывшее и настоящее положение, оправдать его перед лицом своего государя в некоторых неосновательно возведенных упреках относительно медленности в улучшении промышленности. Вот цель моя. Счастливым себя почту, если достигну оной сим слабым приношением, которое всеподданнейше повергаю к священным стопам моего монарха.

Вашего императорского величества верноподданный состоящий по кавалерии генерал-майор князь Чавчавадзе.

Мая 10-го дня 1837 года.¹

Итак, Чавчавадзе взялся за перо с той целью, чтобы рассказать правду о прошлом и настоящем грузинского народа и защитить его от пристрастных людей. Это очень ценное признание. Но автор, по понятным причинам, говорит о цели своего произведения лаконично, не раскрывая скобок. Необходимо выяснить, кто же возводил «неосновательные упреки» на грузинский народ, и почему этот вопрос был поднят именно в 1837 году? Чтобы ответить на это, необходимо напомнить о тех многочисленных докладах и проектах по управлению Кавказом, которые представлялись царю с самого начала XIX века и обсуждение которых приняло особенно острый характер в 1837 году.

Следует учесть, что царское правительство в первых десятилетиях XIX века интересовалось Грузией, главным образом, с военно-стратегической, а не с экономической точки зрения. Вне войны Грузия его вообще мало занимала. Русский капитал был еще слишком молод и слаб, чтобы бороться за экономическое завоевание Кавказа, а местного капитала почти не было. Хозяйство края находилось в катастрофическом состоянии. Руководство из Петербурга носило случайный и противоречивый характер. Власть на месте находилась, в основном, в руках военных людей, неспособных соединить интересы войны с интересами хозяйственного строительства. Часто сменявшие друг друга главнокомандующие в Закавказье и периодически приезжавшие сюда чиновники разных рангов составляли различные про-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1 (69), № 9, л. 1.

екты, но от этого положение не улучшалось. Хаос и произвол продолжали царить как в военном, так и в гражданском управлении.

Очередной проект был представлен царю 24 января 1830 г. главнокомандующим Кавказского корпуса Паскевичем, человеком сугубо реакционных воззрений. Паскевич предложил покончить со «смесью российского образа правления с грузинским» и ввести повсеместно русское управление и русские законы без учета национальных особенностей местного населения.¹ По мнению Паскевича, следовало бы от управления краем совершенно устранить местных людей и заменить их русскими чиновниками. Что же касается экономики, Паскевич был против развития местной промышленности, поскольку смотрел на Грузию исключительно как на источник сырья для русской промышленности, «как на колонию, которая доставляла бы грубые материалы (шелк, хлопчатую бумагу и пр.) для наших фабрик, заимствуясь от России мануфактурными изделиями».²

Проект Паскевича рассматривался в Государственном совете, но не был принят, главным образом, потому, что ему воспрепятствовал барон Розен, назначенный в 1831 г. в Грузию на место Паскевича, переведенного в Польшу. Розен был сторонником создания в Закавказье самостоятельной промышленности (кстати, аналогичную позицию занимал до него Ермолов). Вопрос, таким образом, оставался открытым.

Находясь в Варшаве, Паскевич ревниво следил за деятельностью Розена. Он был в курсе закавказских дел через своих приверженцев, оставшихся здесь, и через самого Николая I, питавшего к нему безграничное доверие. Выясняется, что важнейшие документы и проекты, поступавшие от Розена к императору, последний пересылал на отзыв к своему «отцу и командиру», как он называл Паскевича. Что же касается Розена, то к нему Николай I, судя по всему, относился с известным недоверием.

Поскольку вопрос о Закавказье продолжал оставаться спорным, 17 марта 1837 года «по высочайшему повелению» была создана комиссия под председательством сенатора Гана (он придерживался в основном взглядов Паскевича), которая должна была выехать в Грузию с тем, чтобы на месте изучить положение дел и составить новый проект.

В Тбилиси в конце июля 1837 г. прибыла комиссия Гана, а в октябре того же года — сам Николай I. Враждовавший с Розеном Ган доложил царю о ре-

зультатах обследования края, стараясь очернить главнокомандующего. Осенью 1837 г. царским указом Розен и его ближайшие помощники, в том числе причастный к декабризму В. Д. Вольховский, были отстранены от должностей.

Новый главнокомандующий Головин, присланный на место Розена, проводил «систему» сенатора Гана, одобренную императором. Эта «система» ничем, по существу, не отличалась от проекта Паскевича 1830 года.

Вот та общественно-политическая ситуация, в которой возник «Краткий исторический очерк» Чавчавадзе. Документ был подан царю 10 мая 1837 года, то есть примерно через два месяца после создания комиссии Гана и за два месяца до ее выезда в Грузию. (содержание «Очерка» было доложено Николаю, как гласит пометка, 24 июня). Это было тревожное время. Должна была решиться дальнейшая судьба Грузии. В этот напряженный и ответственный момент Чавчавадзе, как поэт и гражданин, счел своим долгом вмешаться в дело, оказать воздействие на ход событий.

«Очерк» является одним из замечательнейших документов эпохи, в котором ярко и правдиво изложены история Грузии и те события, живым свидетелем и участником которых был автор. Имея большое историко-познавательное значение, это произведение в то же время является ценным источником для уяснения воззрений Чавчавадзе. В «Очерке» поэт выступает, насколько позволяли рамки официального документа, против той реакционно-шовинистической точки зрения на Грузию, которая господствовала в официальных кругах России. В лице автора мы имеем дело с просвещенным и передовым деятелем, основные идеи которого находят параллели в произведениях Грибоедова, Пушкина и декабристов.

* * *

«Очерк» Чавчавадзе можно разделить на три части:

1. Краткий исторический обзор Грузии до XIX века.
2. Положение Грузии после ее присоединения к России (1801—1831 г).
3. Проект будущего устройства края.

В «Очерке» указаны две основные причины упадка Грузии: «внутренние раздоры», «междоусобие удельных князей, несогласие самих царей» и бесконечные нашествия на Грузию персидских и турецких завоевателей. Эти обстоятельства довели Грузию до разорения и разрушения. Но народ не сдавался. «Не было безопасности ни в городах, ни в селах, — пишет Чавчавадзе, — земледелец пахал землю вооруженный, снимал хлеб под пулями, но

¹ См. Акты Кавказской археографической комиссии. Т. VII, № 47.

² Там же, № 108.

не склонил выи перед алкораном, который силились ввести и турки и персияне... Грузин удержал свою веру, свой воинственный дух и любовь к родине».

Рассказывая далее, как истерзанная внутренними раздорами и внешними нашествиями Грузия с начала XVI века обращалась за помощью к единой верной России, Чавчавадзе выступает перед нами в роли одного из первых историков русско-грузинских сношений.

Поэт явно сочувствует политике Ираклия II и Георгия XII, которые видели спасение Грузии в союзе с Россией. Царь Георгий «обратился к России, — пишет Чавчавадзе, — зная давнюю приверженность к ней грузин; он не ошибся в выборе. Намерение его было принято с единодушным восторгом народа».

Рисуя сложную борьбу «партий» на рубеже XVIII и XIX веков, характеризуя сторонников и противников присоединения Грузии к России, Чавчавадзе солидарен с теми патриотами, которые, «зная характер народа и политические обстоятельства того времени», исходили «из общей пользы», ориентировались на Россию, но считали, что немедленное введение в Грузии административных порядков царской России, без учета местных условий, было бы нежелательно и могло привести «к вредным последствиям».

* * *

Переходя ко второй, центральной части «Очерка» (положение Грузии в 1801—1831 гг.), следует отметить, что здесь документ носит наиболее полемический характер. Чавчавадзе критикует официальные круги России, выдвигавшие против грузинского народа «неосновательные упреки»: 1. будто закавказцы по природе своей «ленивые», не заботятся о развитии своего хозяйства и культуры, в то время как царские чиновники многое делают в этом направлении; 2. будто закавказцы отличаются «антирусской» природой, ненавистью ко всем русским и «буйным» характером, что находит свое выражение в различных «бунтах».

Исходя из этого, одни из «теоретиков» и практиков реакционных кругов требовали в отношении к местному населению применения более жестоких методов административного воздействия, другие — «оставления Грузии», как не оправдавшей себя колонии, которая не приносит империи никакой пользы.

В отличие от реакционных сочинителей, Чавчавадзе дает вопросу не биологическое, а социальное объяснение, доказывая, что закавказские народы бедствуют не по их вине, не из-за «ленивости», а по причине бесконечных войн и хищнической политики царизма.

«Ленивость, — пишет Чавчавадзе, — приписываемую вообще всем жителям юга, нельзя относить к классу земледельцев закавказских». Следует учесть, что в Закавказье «земледельцы» составляли основную массу трудового населения. Подчеркивая трудолюбие закавказских народов, поэт резко критиковал царских слуг, против которых он так горячо выступал и в молодости. Надо сказать, что в этом вопросе позиции Чавчавадзе почти не изменились.

Чавчавадзе, конечно, учитывал, насколько рискованно было критиковать царское правительство в произведении, адресованном самому Николаю I. Однако критика царской администрации в «Очерке» проходит красной нитью. Чавчавадзе смело заявляет, что в Грузии «злоупотребления сделались столь обыкновенными, что впоследствии мало на них обращалось внимания». Он перечисляет беспорядки, насилия и злоупотребления, чинимые царскими сатрапами в Грузии, — «беспорядочное требование подвод», «разорительные повинности», «непомерные хлебные поборы», бесчинства «провиантских комиссионеров», «жестокое самоуправство...». Все это, а не «ленивость» закавказцев, мешало развитию промышленности и сельского хозяйства, созданию материальных благ.

«Вышеизложенные беспорядки, — читаем в «Очерке», — приводили народ в отчаяние и толкали его на «бунты». Поэт, по существу, оправдывает восстание кахетинских крестьян, доказывая, что оно произошло «единственно от взысканий с них провианта посредством экзекуции, которая переступила все меры бесчинства».

«Грузинские бунты», по убеждению Чавчавадзе, были направлены лишь против царских властей. После присоединения Грузии к России, пишет Чавчавадзе, «народ, упоенный надеждою будущего благоденствия, приносил богу искреннее благодарение и изъявлял свой восторг продолжительными увеселениями».

В русских солдатах «крестьяне грузинские находили... сверх защитников и еще полезных себе помощников в работе; один только ропот против судебных мест и земских полиций был всеобщий».

Даже во время «кахетинского бунта» русские солдаты находили у крестьян приют и защиту. «Солдаты эти показывали, что они действительно были спасены хозяевами, довольными их поведением. Не служит ли это доказательством, — замечает Чавчавадзе, — что возмущение произошло единственно от временного оскорбления? Был ли хотя бы один пример во всем Закавказье, за исключением мяте-

жа, чтобы русский солдат погиб от руки грузина?».

Опровергнув таким образом клеветнические утверждения официальных кругов, Чавчавадзе в основном правильно объяснил причины «бунтов» произволом царских властей. Он различал народ и реакционную часть общества.

Необходимо подчеркнуть, что аналогичное освещение русско-грузинских отношений находим у тогдашних передовых русских писателей, и прежде всего у Грибоедова.

Известно, что в 1828 г. Грибоедов составил грандиозный проект хозяйственно-культурного преобразования Закавказья. Надо полагать, что Грибоедов делился своими мыслями о преобразовании Закавказья со своим другом и тестем Александром Чавчавадзе, который, пожалуй, лучше всех знал как прошлое, так и настоящее положение своей родины и мог высказать самое авторитетное мнение о ее будущем. Нет сомнения, что Чавчавадзе принимал участие в обсуждении вопросов, связанных с проектом Грибоедова — Завилейского, был в курсе дел, интересовался судьбой этого документа и читал его, если не в рукописи, то, во всяком случае, в газете «Тифлиссские Ведомости», где он был напечатан в 1831 году.

В своем проекте Грибоедов, подобно Чавчавадзе, объясняет хозяйственную разруху края и «бедственное состояние» закавказских жителей продолжительными войнами и действиями царских властей. «Житель закавказский, — пишет Грибоедов, — не имел времени думать об улучшении своего хозяйства; дом его, домашняя утварь, упряжь, арба, скот и почти все недвижимое имущество были в распоряжении властей».¹

В «Проекте» Грибоедова, как и в «Очерке» Чавчавадзе, критикуются царские власти за то, что они «не заботятся о благе народа». Чиновники, «облеченные во власть повелительную и строгую», будучи лишены «полезных и похвальных качеств», в Закавказье «водворяют токмо безнравственность».²

«Очерк» Чавчавадзе имеет много точек соприкосновения и с произведениями других русских писателей, например, с «Путешествием в Арзрум» Пушкина, где великий поэт критикует негодные методы управления краем, а также с произведениями и письмами декабристов. Напомним, что сосланного в Грузию Бестужева-Марлинского до глубины души возмущали бесчинства, бездарность и безделье гражданских властей, благодаря чему край был доведен «до высшей степени расстройств».³ «На-

добно быть здесь, — писал он. Полево-му, — чтобы поверить, в каком хаосе находится этот край».¹ «Что здесь за коменданты, что здесь за полковники! Так руки опускаются!.. Кроме взяток, ничего не знают и не хотят».²

В проекте Грибоедова говорится о «мятежах от введения иного порядка, небывалых прежде соотношений, взыскательности начальства, желавшего скорого исполнения, послушания, дотоле неизвестных, и вообще от перемен, которым никакой народ добровольно не подчиняется».³

Друг Пушкина и декабристов А. А. Шишков в своем романе «Кетевана» (1832 г.), посвященном «кахетинскому бунту», показывает, что трудовое население Грузии стремилось к дружбе с Россией, оно восставало единственно из-за невыносимого гнета и притеснения царских властей.⁴

Таким образом, прогрессивные русские писатели занимали сходные с Чавчавадзе позиции в осуждении политики царизма в Закавказье, опиравшейся на угнетение и порабощение народов.

* * *

Из описания положения Грузии в 1801—1831 гг. логически вытекал вывод о необходимости отмены жестоких и грабительских методов, а не их более строгого применения, как того требовала одна часть реакционеров, а также о необходимости укрепления союза, обоюдно выгодного России и Грузии, а не его разрыва, как доказывала другая часть реакционных деятелей.

Чавчавадзе говорит, что, несмотря на всю негодность системы управления краем, «Грузия сроднилась уже с Россией». Поэт настойчиво убеждает Николая I, что союз двух стран полезен не только для маленькой Грузии, но и для России. Закавказье, по мнению Чавчавадзе, важно для России не только в военном, но и в «финансовом отношении неизмеримыми статистическими своими средствами и видами торговли».

Следует отметить, что и эти идеи Чавчавадзе полностью соответствовали взглядам прогрессивных русских писателей того времени — Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, декабристов.

Составляя свой проект, Грибоедов, по его же словам, освещал его «светильником пользы общественной», горячим стремлением к тому, чтобы возродить

¹ «Русский вестник», 1861, март, стр. 293.

² «Литературный современник», 1934, № 11, 139.

³ Грибоедов. Сочинения, 1945, стр. 563.

⁴ Подробно см. в книге В. Шадури «Друг Пушкина А. А. Шишков и его роман о Грузии», Тбилиси, 1951 г.

¹ Грибоедов. Сочинения, М., 1945, стр. 564.

² Там же, стр. 577—578.

³ «Русский вестник», 1861, март, стр. 308.

Закавказье «для новой, неведомой еще доселе жизни» и тем самым усилить «мощь целого» — Российского государства. Грибоедов говорил о «взаимных общих выгодах» при укреплении союза двух стран.

Союз России и Грузии, по словам Бестужева-Марлинского, принесет обеим странам большую экономическую пользу: «Кавказу суждены в будущем великие судьбы — как виноградику России и как воротам в Азию, — писал Марлинский. — По Куре могут расти все красильные и пряные травы, а сахарный тростник всходит отлично».¹

Пушкин воспринимал Грузию как составную часть любимой отчизны, раскинутой «от финских хладных скал до пламенной Колхиды». Рассказывая в «Путешествии в Арзрум» о присоединении Грузии к России, приветствуя союз двух народов, поэт вдохновенно воспел этот край и предсказал грузинскому народу великую будущность.

Известно, что до 1825 г. декабристы связывали уничтожение колонизаторской политики царизма с сокрушением царского режима и созданием новой,

¹ «Русский вестник», 1870, июль, стр. 72.

свободной, революционной России. У Грибоедова после разгрома декабристов, в 1828 году, уже не могло быть таких идей. С другой стороны, он не возлагал каких-нибудь надежд на царские власти и на отдельные частные лица. Поэтому великий поэт задумал, говоря словами одного современника, создание своего рода «государства в государстве» в виде Российской Закавказской компании. Однако, смелый проект Грибоедова, противоречивший господствовавшей тогда феодально-крепостнической системе, был отвергнут властями.

Хорошо зная все это, Чавчавадзе в новых условиях, по понятным причинам, сохраняет в своем «Очерке» как бы только «программу-минимум» из проекта Грибоедова. Однако и эти идеи Чавчавадзе, как прежде идеи Грибоедова, были отвергнуты в правительственных кругах, так как они противоречили тогдашней политике царизма.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что, резко расходясь с реакционной «концепцией» Паскевича и его единомышленников, «Очерк» Чавчавадзе имеет много общего с «Проектом» Грибоедова и произведениями других выдающихся деятелей России.

Г. Онанян,

инженер Тбилисского телевизионного центра,

СЕГОДНЯ И ЗАВТРА ТБИЛИССКОГО ТЕЛЕЦЕНТРА

Быстро и прочно вошло телевидение в жизнь и быт тбилисцев, завоевав себе, как говорится, «права гражданства» и сердца зрителей. Оно стало привычным, будничным явлением и уже не вызывает чувства удивления и восхищения этим выдающимся созданием человеческого гения — видением на расстоянии.

Давайте заглянем на Тбилисский телецентр, поговорим о его сегодняшней работе и о перспективах его дальнейшего развития.

Первое, что бросается в глаза на телецентре, — это господствующая над городом на горе Мтацминда ажурная, окрашенная в серебристый цвет, 180-метровая свободно стоящая металлическая мачта с 12-метровой передающей антенной. Кто из тбилисцев не следил за тем, как день за днем росла эта металлическая красавица, собираемая отважными монтажниками-верхолазами, приехавшими к нам из братской России! Мачта, на которой с наступлением темноты вспыхивают рубиновые огоньки сигнального освещения, прекрасно вписалась в окружающий пейзаж, обогатив весь архитектурный ансамбль Тбилиси. У подножия мачты, на верхнем плато фуникулера, на участке площадью в один гектар выстроено одноэтажное здание, откуда и ведутся телепередачи.

Из каких служб состоит техническое здание сегодняшнего телецентра? Оно включает в себя аппаратно-студийный блок, телекинопроекторную, зал ультракоротковолновых передатчиков изображения и звукового сопровождения,

лабораторию с многочисленной измерительной аппаратурой и целый ряд подсобных помещений, таких, как насосная для охлаждения ламп передатчиков, кондиционерная и т. п. В ближайшее время на телецентре вступят в строй также приемная аппаратная внестудийного вещания и вещательные частотно-модулированные ультракоротковолновые передатчики.

Мы в АСБ — в аппаратно-студийном блоке. Он состоит из небольшого помещения так называемой макетно-дикторской, где стоит передающая телевизионная камера КТ-5 и находится микрофон, а также осветительные установки, и из собственно аппаратной, где расположен пульт управления с пятью контрольными экранами и с многочисленными усилителями и преобразователями электрических импульсов. О сложности технического оснащения АСБ говорит тот факт, что здесь во время передачи работает свыше трехсот радиоламп.

В системе советского телекино используется метод так называемой импульсной засветки кадра. Для согласования кадровой частоты проецирования фильма с кадровой частотой развертки скорость продвижения пленки увеличена с 24 кадров в секунду, как бывает в обычном кино, до 25 кадров в секунду. Поэтому фильм, передаваемый по телевидению, заканчивается несколько раньше, чем тот же фильм, демонстрируемый в кинотеатре. В дальнейшем, с развитием телевидения, мы перейдем на более совершенный метод проекции

в телекино — на равномерное движение киноплёнки с оптической компенсацией или электронным расщеплением, с использованием системы развертки «бегущий луч» или трубки «видикон». Это даст нам возможность повысить качество демонстрации кино по телевидению, а также резко уменьшит износ плёнки.

Тбилисский телецентр, вооруженный первоклассным оборудованием, обеспечивает высокое качество передач, которое не могут снизить отдельные технические неполадки, связанные с временным отсутствием достаточного резерва электровакуумной продукции и изношенностью поставляемых кинопроявочных аппаратов.

Автор этих строк, будучи в научной командировке в Москве, имел случай убедиться в том, что технический уровень тбилисских передач отнюдь не ниже технического уровня московских. Конечно, работа Тбилисского телецентра не свободна от недостатков, но часто нарекания зрителей относительно неудовлетворительного качества передач вызваны не плохой работой телецентра, а неумением отдельных телезрителей правильно эксплуатировать свой приемник. Перед началом каждой телепередачи телецентр дает в эфир изображение тест-таблицы для настройки телевизора. Необходимо смотреть передачу, предварительно «выжав все, что можно» из телевизора по испытательной таблице. Настраиваясь по тест-таблице, можно получить максимальную четкость по вертикали и горизонтали, наибольшее число градаций (полутонов) от черного до белого, наименьшие геометрические искажения, то есть, в конечном счете, обеспечить наилучшее качество приема телепередачи.

Надо отметить, что на Тбилисском телецентре очень широкое применение нашли системы блокировки, сигнализации, а также автоматизация и телемеханизация процессов. Поэтому, например, включением или выключением того или иного проектора можно управлять с пульта аппаратной. Установленный в пульте смеситель-распределитель (микшер) позволяет осуществлять плавный или резкий переход от изображения с одной камеры к изображению с другой. На пульт через усилители выводится также линия с микрофона, установленного в дикторской, а также с двух магнитофонов для «звуковой подмеси» — вкрапления в передачу отдельных музыкальных отрывков, записанных предварительно на плёнку.

Мощность видеопередатчика Тбилисского телецентра — 5 киловатт, передатчик звукового сопровождения имеет мощность в 2,5 киловатта. Излучающая система для четвертого, тбилисского,

канала типовой телевизионной ультракоротковолновой станции (несущая частота изображения 85,25 мегагерц, несущая звука — 91,75 мегагерц) представляет собой многоэтажную турникетную антенну со сдвоенными решетчатыми плоскостными вибраторами. Антенна такого типа обеспечивает пропускание широкой полосы частот, равномерное излучение в горизонтальной плоскости и отсутствие излучения в вертикальной, а также горизонтальную поляризацию электромагнитных волн, что важно для уменьшения влияния электрических помех на качество передачи.

Пока все передачи нашего телецентра ведутся непосредственно из технического здания на горе Мтацминда, но в недалеком будущем тбилисцы получат возможность смотреть и внестудийные передачи со стадионов, из театров, промышленных предприятий и колхозов. Полным ходом идет монтаж приемной аппаратной внестудийного вещания. Прибывшая из Ленинграда передвижная телевизионная станция ПТС-52, размещенная в двух автобусах ЗИС-155, позволит, выезжая на места, вести передачу с трех камер, выбирая наиболее интересный кадр и ракурс. Специальные остронаправленные параболические антенны, установленные на крыше автобуса и на площадке передающей мачты на горе Мтацминда, свяжут автобусы с аппаратной внестудийного вещания по «малому эфиру» на волне 12 сантиметров. Выделенные видеосигналы, после введения в них новых синхронизирующих импульсов, соответствующей регулировки и усиления, обычным путем подаются на передатчик и излучаются в пространство уже по «большому эфиру» с передающей антенны телецентра.

Через некоторое время жители Тбилиси смогут слушать на ультракоротких волнах и специальную местную радиопрограмму. В зале передатчиков монтируются и скоро войдут в строй два звуковых, работающих на сложение мощности, ультракоротковолновых частотно-модулированных передатчика, посредством которых будет осуществляться местное высококачественное вещание. Чтобы слушать его, надо иметь в телевизоре каналы «ЧМ» или пользоваться специальной приставкой к обычному вещательному радиоприемнику.

Когда же в Сабуртало, на углу улиц Ленина и Хилианской, на участке площадью в 1,5 гектара, по проекту архитектора Курдиани будет построено красивое трехэтажное здание студии Тбилисского телевизионного центра, нашим телезрителям представится возможность увидеть на экранах своих телевизоров большие театральные постановки, специально для телевидения поставленные спектакли, концерты и т. п.

Тбилисская студия будет иметь все необходимое для нормальной и содержательной работы. Кто выступал по тбилисскому телевидению, знает, как тесно у нас сейчас в макетно-дикторской. Телевизионная же студия, связанная с передатчиками на горе Мтацминда высокочастотным кабелем или радиорелейной линией, позволит всю развернуть творческой фантазии режиссеров телепередач, так как будет иметь в своем составе, кроме всех необходимых технических служб, обширное помещение в 445 квадратных метров для постановки спектаклей, концертный зал площадью в 207 кв. м., камерную студию в 69 кв. м. и много других подсобных помещений. В студии будет предусмотрено применение рирпроекции — метода, позволяющего осуществлять различные комбинированные эффекты и трюки. Увеличится число часов телевизионного вещания, которое будет вестись ежедневно, тематически шире и разнообразнее станут передачи, что сможет удовлетворить самые различные вкусы и требования телезрителей, будет способствовать делу их культурного, научного и политического воспитания. Радиорелейные линии свяжут Тбилиси с Москвой, Баку, Ереваном и другими городами страны, позволят обмениваться с ними наиболее интересными телепрограммами.

То обстоятельство, что телевизионное вещание должно вестись обязательно на ультракоротких волнах, ограничивает зону уверенного приема телепередач 50—60 километрами. Это вызвано тем, что ультракороткие волны, как правило, распространяются лишь в пределах прямой видимости не огибая кривизны земной поверхности. В то же время они, в отличие от коротких волн, не отражаются от ионосферы (слоя атмосферы, расположенного над стратосферой, в котором газы под действием ультрафиолетовой радиации и космических лучей находятся в состоянии сильной ионизации) и не возвращаются обратно на землю; они пробивают этот слой и уходят в мировое пространство. Именно поэтому сегодня мы не можем, сев за обычный телевизор, «поймать» на его экране изображения, передаваемые станциями разных материков. Правда, наличие спорадических, ионизированных слоев в верхних частях атмосферы, связанное с максимумом солнечной активности, позволяет иногда принимать дальние станции на приемники, снабженные специальными многоэлементными антеннами. Но это носит случайный характер и, естественно, не может приниматься в расчет при решении проблемы дальнего приема телепередач.

Как же все-таки обстоит дело в этой области? Надо сказать, что здесь имеют-

ся хорошие перспективы. Основным методом передачи изображения на расстоянии порядка 1.000 километров является передача его по высокочастотному кабелю, или волноводу, с промежуточными усилительными станциями, и так называемые «радиорелейные линии». Радиорелейная линия представляет собой цепь приемо-передающих станций, расположенных друг от друга в пределах прямой видимости и работающих в сантиметровом диапазоне волн. Тбилиси в текущей пятилетке будет связан такой радиорелейной линией со столицей нашей родины — Москвой. Антенны, находящиеся на вершине каждой мачты, ловят сигнал от одной своей соседки и, после усиления, передают его следующей. В часы, свободные от телепередач, радиорелейная линия может быть использована для одновременного проведения тысяч телефонных разговоров между городами.

Существует и несколько других методов дальней передачи и приема изображения по эфиру. Это, например, использование рассеянного отражения ультракоротких волн от турбулентных неоднородностей тропосферы для передачи на расстояниях 300—400 километров или использование рассеянного отражения радиоволн от регулярных ионизированных слоев, от следов метеоров и т. п. Возможна также ретрансляция с помощью самолетных станций, так как для самолета, совершающего полет на высоте 10 километров, расстояние прямой видимости составляет около 400 километров. Интересен проект обслуживания телевизионным вещанием половины земного шара с помощью отражения ультракоротких волн от поверхности Луны или искусственного спутника Земли. Но пока что в Советском Союзе обмен телевизионными программами производится, в основном, путем пересылки телепередач, заснятых на киноплёнку. Скоро телепередачи можно будет фиксировать и на магнитной плёнке, записывая видеосигналы на специальных широкополосных магнитофонах.

Интересна и проблема цветного телевидения. Методы передачи и приема цветного изображения успешно разрабатываются советскими учеными, причем, делается это с таким расчетом, чтобы на один и тот же телевизор можно было принимать как цветную, так и черно-белую программу.

Несколько слов о «большом экране». Создать приемную трубку — кинескоп телевизора диаметром свыше полуметра чрезвычайно трудно из-за громоздкости, хрупкости такой трубки и сложности технологии ее изготовления. Чтобы дать возможность зрителю смотреть телепередачу на большом экране, применяются особые проекционные трубки ин-

тенсивного свечения, изображение с которых в увеличенном виде проецируется на белый экран на просвет или на отражение. Для увеличения яркости такого изображения используются высокие ускоряющие напряжения, специальные полупроводниковые экраны и так называемый «метод светового клапана», при котором телевизионное изображение управляет потоком света от постороннего источника.

★ ★ ★

...Телевидение развивается не по дням, а по часам. Давайте попробуем мысленно перенестись в будущее и представить себе, каких успехов достигнет видение на расстоянии в ту, сравнительно недалекую, пору.

Восьмой час. Над Тбилиси—синее вечернее небо. Мы сидим с вами у миниатюрного полированного ящика—проекторного стереоцветного многодиапазон-

ного телевизора. Противоположная стена комнаты, на которую направлен луч цветной проекционной трубки телевизора, светится, бросая на нас разноцветные блики. Мы не ждем, когда начнется местная телепередача,—мы сами отправимся в путешествие по эфиру, заглянем в отдаленные уголки земного шара. Медленно вращаем ручку настройки, и вот, как будто нет противоположной стены, нет комнаты—мы очутились в трехмерном цветном мире телевидения будущего. Это сказочный мир, где мы можем переноситься из тропических лесов Амазонки в березовую рощу среднерусской полосы, из концертного зала Москвы—на атомный ледокол где-нибудь около берегов Антарктиды, с футбольного матча на новом тбилисском стадионе—на искусственный спутник Земли. Краски, звуки, объемность—все это пытливый разум человека поставит на службу телевидения—передачи изображения на расстоянии, а расстояние не будет знать границ.

Т. Джанелидзе

секретарь ЦК ЛКСМ Грузии, руководитель делегации молодежи Грузии на VI Всемирном фестивале.

С чем молодежь Грузии пришла ко Всемирному фестивалю

В конце июля в столицу нашей Родины — Москву съехались представители молодежи всех советских республик, всех континентов мира на свой большой праздник — VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов.

Московский фестиваль — особенный для нас: и потому, что он проходит на нашей Советской земле, и потому, что посланцы молодого поколения демонстрируют свою волю к миру и дружбе в условиях напряженной борьбы за запрещение испытаний атомного оружия, и, наконец, потому, что на этот раз Всемирному фестивалю предшествовали фестивали на местах.

Фестивальная волна прошла по Грузии, всколыхнула и нашу грузинскую молодежь, подняла на многие хорошие дела, дала выход ее энергии, инициативе, неисчерпаемой творческой фантазии. Труд, учение, отдых — нет, пожалуй, такой области жизни юношей и девушек Грузии, где не сказалась бы подготовка к фестивалю, где она не оставила бы заметных следов.

Отзвучали песни на праздниках молодости в городах и районах Грузии. А помнить их будут долго. Комсомольцам, юношам и девушкам села Дзегви Мцхетского района о нем будет напоминать новый клуб, построенный их руками. Фундамент клуба был заложен в дни районного фестиваля. Студенты Кедского сель-

скохозяйственного техникума охотно будут проводить часы досуга на «комсомольской горке» со своим маленьким фуникулером, который в дни фестиваля они подарили землякам. С каждым годом все пышнее и выше будут становиться деревья на «аллее дружбы», которые высадили комсомольцы Ингурского бумажного комбината, задумавшие в дни своего фестиваля создать комсомольский парк.

Самое молодое в республике «море» — Руставское — появилось тоже недавно, при горячем участии молодежи, дружно выходявшей на комсомольские воскресники.

Стремление украсить свою школу, свое село, район, территорию завода, создать на родной земле что-то полезное и красивое — это только одно из проявлений возросшей трудовой активности молодежи. В предфестивальные месяцы она заметно сказалась в ее повседневном, будничном труде на промышленных предприятиях, в колхозах. Рабочая молодежь показала, что умеет по-хозяйски относиться к доверенным ей на производстве материальным ценностям, заботиться о государственных интересах.

Все шире распространяется среди рабочей молодежи республики такая действенная форма социалистического соревнования, как взаимный контроль коллективов смежных предприятий. Все увеличивается вклад молодых производителей в комсомольскую копилку — сбережение государственных средств за счет борь-

бы с расточительством, умелого хозяйства, развития технического творчества.

За время конкурса молодых рационализаторов текстильной и легкой промышленности, проведенного недавно в республике, было внесено около 350 рационализаторских предложений и изобретений, большая часть которых внедрена в производство и дает предприятиям экономию в размере двух миллионов рублей в год. Конкурс этот выявил способных рационализаторов и изобретателей, таких, как помощник мастера Тбилисской шелкоткацкой фабрики Г. Ментешашвили, механик Горийского хлопчатобумажного комбината М. Шабанов, слесарь Кутаисской швейной фабрики № 4 Н. Ханчава и другие.

Отлично показывает себя в труде и молодежь колхозного села — будь то сбор чайного листа, закладка силоса, уход за посевами или развитие животноводства.

Большим стимулом для нового подъема в работе, в организации культурного досуга молодежи явились фестивали на местах, начиная от дворовых, которые проводились по инициативе школьников, детей, живущих в одном доме, и кончая республиканским.

Кто славно потрудился, тому и праздник радостнее, и песня — приятнее. А после хорошего отдыха работается веселей. В ходе подготовки к фестивалю в республике родилось много новых коллективов художественной самодеятельности — танцевальных ансамблей, хоров, эстрадных оркестров и оркестров народных инструментов. Некоторые из них успели не раз выступить перед своими земляками, в соседних селах, колхозах, завоевать популярность.

В республике прошел ряд конкурсов. Конкурс композиторов, помимо других музыкальных произведений, дал десять новых фестивальных песен, молодежь успела их разучить и охотно поет. Это — «Фестивальный марш» О. Тактакишвили, «Молодежная» А. Баланчивадзе, «Фестивальная» Ш. Милорава, «Мир всем народам» И. Туския и др. Состоялись конкурсы произведений изобразительного искусства, народного прикладного искусства, молодых архи-

текторов, индивидуальных исполнителей, коллективов художественной самодеятельности. Лауреатами конкурса молодых литераторов стали талантливые поэты Мухран Мачавариани, Нази Киласония, Арчил Сулакаури, Шота Нишнианидзе. В литературной жизни грузинской молодежи в ходе подготовки к фестивалю произошли важные события: юношество республики получило хороший подарок — свой литературно-художественный и общественно-политический журнал «Цискари», вышел в свет посвященный фестивалю сборник стихов молодых поэтов «Ахалгазрдули», в котором представлены 32 автора. Интересный литературный сборник выпустили студенты Горийского педагогического института имени Н. Бараташвили. В ближайшее время выйдут книги стихов М. Кахидзе, А. Каландадзе, Т. Чиладзе, А. Гецадзе и других. Произведения молодых литераторов отражают особенности нынешней фестивальной весны, пронизаны светлыми, радостными чувствами, оптимистическим настроением, верой в будущее.

Перед республиканским фестивалем молодежи по районам и городам Грузии прошли зональные эстафеты культуры и спорта, во время которых представители молодежи рассказывали друг другу о том, что ими сделано к празднику, обменивались подарками, выступлениями художественной самодеятельности, проводили спортивные встречи. Закончилась эстафета в Тбилиси на стадионе «Буревестник», где состоялось открытие республиканского фестиваля.

До 15.000 участников фестиваля собралось на стадионе в этот день, десятки тысяч участвовали в двухдневном празднестве грузинской молодежи, в первых республиканских молодежных спортивных играх, которые выявили новых чемпионов по различным видам спорта.

Фестиваль молодежи Грузии вылился в большое торжество, в котором приняли участие представители всех уголков республики. В праздничном параде делегаций по стадиону прошли молодые животноводы — хевсуры, виноградари Кахетии, металлурги Рустави, чаеводы Абхазии, прошли кутаисские автомобиле-

строители и горийские текстильщи-
ки — цвет молодежи Грузии.

Вместе с нами веселились, любо-
вались праздничным карнавалом,
«Костром дружбы» на горе Мта-
цминда, танцевали на «Празднике де-
вушек» наши гости из Узбекистана,
Украины, Латвии, Молдавии, Эсто-
нии, Казахстана, Белоруссии, Та-
джикистана, Литвы, Дагестана, Се-
верной Осетии, Кустанайской обла-
сти, города Одессы и даже предста-
вители Болгарии, Дании, Аргенти-
ны.

Лучшие юноши и девушки респуб-
лики удостоились большой чести —
вошли в состав делегации советской
молодежи на VI Всемирный фести-
валь. Это — руставский сталевар Сер-
го Сакварелидзе и художник Георгий
Тотибадзе, гальская колхозница знат-
ный чаевод Имена Булискерия и ра-
бочий Кутанского автозавода Коба
Кизирия, бригадир колхозной комсо-
мольской бригады из Гурджаанского
района Арчил Гулмагарашвили, из-
вестная киноактриса Лейла Абашидзе
и студентка Тбилисского государст-
венного университета Манана Хи-
дашели. Кроме них, в Москву выеха-
ли несколько сот юношей и девушек,
завоевавших это право успехами в
художественной самодеятельности,
своим творческим или исполнитель-
ским мастерством. Многие из пред-
ставителей нашей республики — уча-
стников художественных конкурсов
Всесоюзного фестиваля молодежи
стали его лауреатами, удостоились
золотых, серебряных и бронзовых
медалей.

Золотыми медалями награждены
молодежный танцевальный ансамбль
имени Ленинского комсомола Цент-
рального дома культуры Министер-
ства культуры Грузинской ССР (ру-
ководитель Г. Дарахвелидзе), эстрад-
ный оркестр Грузинского поли-
технического института имени Киро-
ва под руководством И. Тугуши, за-
нявший первое место среди 12 эстрад-
ных оркестров, участвовавших в кон-
курсе. Золотые медали получили и
участники ансамбля грузинского на-
родного пения «Швидкаца» — бра-
тья Д. и Т. Кахидзе, М. Шавишвили,

М. Хателишвили, И. Мачавариани,
Т. Коринтели, Д. Микелашвили,
Г. Гугушвили, а также солисты Тби-
лисского театра оперы и балета име-
ни З. Палиашвили певец З. Анджа-
паридзе и балерина Л. Митаишвили.
Серебряных медалей удостоились
ансамбль художественной самодея-
тельности трудовых резервов Гру-
зинской ССР, трио чангисток в со-
ставе Ц. Цицкишвили, Э. Абхазава,
Е. Кирвалидзе, вокально-инструмен-
тальное трио в составе М. Годзиа-
швили, К. Макаридзе, Т. Датуаши-
швили, певцы оперного театра
Т. Мушкудиани, И. Шушания,
М. Амиранашвили, Н. Андгуладзе.
Бронзовые медали получили певцы
А. Мурадова и А. Кацишвили.

Из молодых литераторов респуб-
лики отличился поэт М. Мачавари-
ани. Он стал лауреатом Всесоюзного
литературного конкурса, посвящен-
ного Всесоюзному фестивалю моло-
дежи.

Посланцы Грузии показывают на
фестивале свое искусство, присоеди-
няют свой голос в защиту мира к
мощному голосу советской молодежи,
передают нашим зарубежным друзьям
подарки, сделанные руками юных.
Пусть где-нибудь в далекой стране,
взглянув на кавказскую добротную
бурку или проведя рукой по певучим
струнам чонгури, участник Шестого
Всемирного вспомнит о встречах в
Москве, и сильнее станет его воля
к борьбе за мир.

Много нового, яркого, интересно-
го внес фестиваль в жизнь молодежи
нашей республики. Она с нетерпе-
нием ждала, когда в столице совет-
ской Родины взвьется флаг фести-
валя и громко прозвучит девиз мо-
лодежи — «За мир и дружбу!».

И вот этот день наступил. Сейчас,
когда международный праздник юно-
шества уже идет, юноши и девушки
Грузии с горячим интересом следят
за каждым его событием. У них об-
щие думы, чувства стремления с те-
ми, кто участвует в Московском фе-
стивале. Они так же полны решимо-
сти не допустить войны, крепить
дружеские связи молодого поколения
земли.

ДРУЖБА СОКРАЩАЕТ РАССТОЯНИЯ

Около месяца гостил в Тбилиси известный чешский переводчик, профессор Пражского университета, доктор филологических наук Яромир Иедличка.

Перед его отъездом наш сотрудник посетил Яромира Иедличку и попросил его рассказать читателям «Литературной Грузии» о своей работе, о творческих планах.

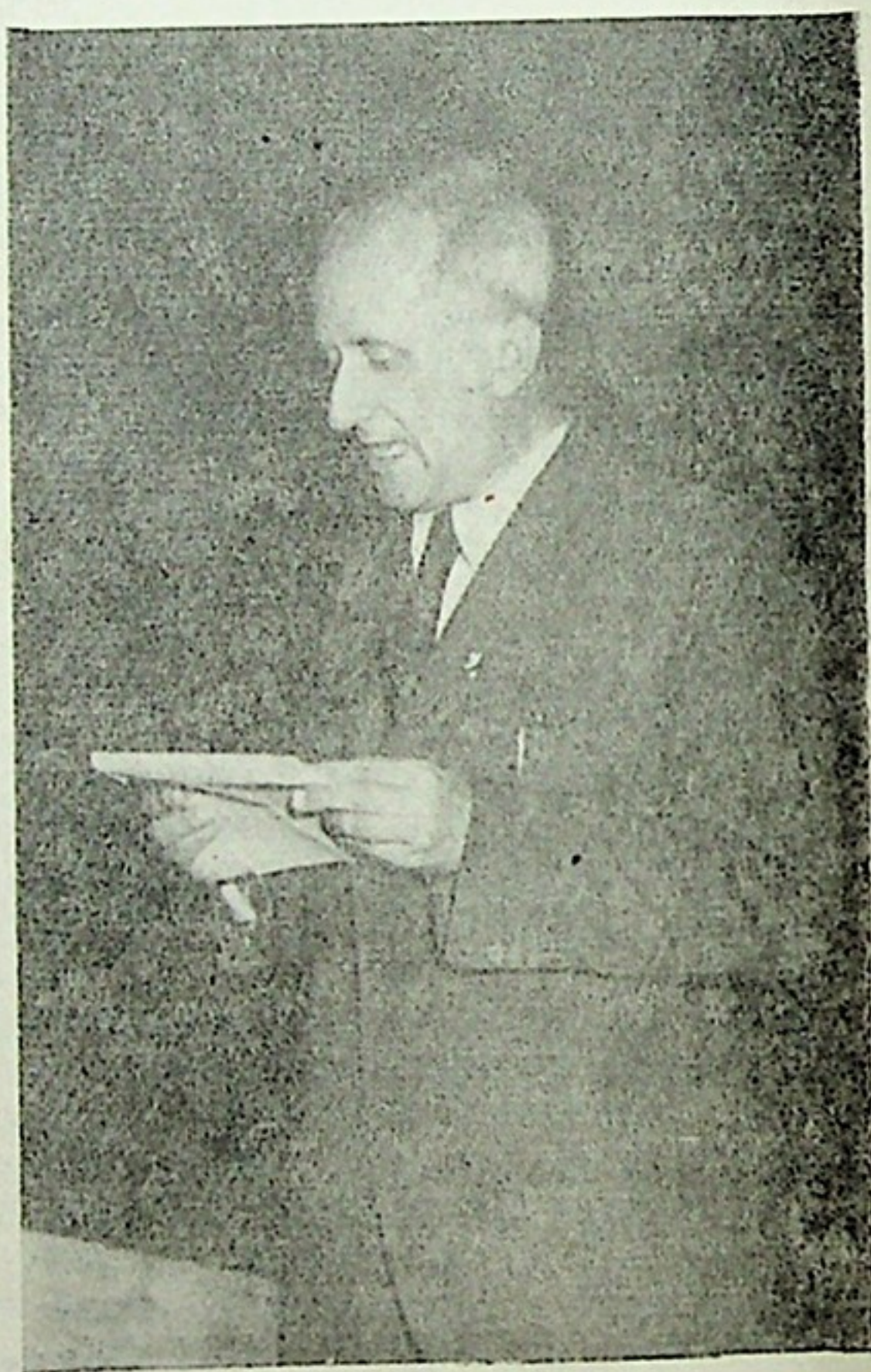
— Мне давно хотелось побывать в Грузии, — сказал Яромир Иедличка, — и я рад, что благодаря приглашению Грузинского общества культурной связи с заграницей мое желание осуществилось.

За время своего пребывания в Грузии я ближе познакомился с жизнью и бытом грузинского народа, историю, культуру и язык которого я начал изучать еще будучи студентом Пражского университета.

Первый дружеский привет из Советской Грузии я получил перед самым началом второй мировой войны. Мне прислали тогда поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» и сборник грузинских народных сказок. Перевод «Витязя в тигровой шкуре» был моим первым опытом перевода на чешский язык произведений грузинской литературы. В этой работе я руководствовался стремлением найти такие художественные средства, которые помогли бы как можно полнее передать идейный и эмоциональный пафос творения Руставели, сохранить его национальный и исторический колорит, раскрыть вечную молодость этого замечательного литературного памятника.

Недавно я закончил четвертую редакцию перевода, и в скором времени поэма Руставели будет выпущена Пражским издательством художественной литературы.

Чешские читатели уже познакомились

на родном языке с романом Лео Киачели «Гвади Бигва», сборником стихотворений Г. Леонидзе «В садах Картли», сборником грузинских народных сказок. В недалеком будущем в Праге будут изданы и другие мои переводы произведений классиков грузинской литературы: «Человек ли он?» И. Чавчавадзе, «Сурамская крепость» Д. Чонкадзе, «Хевисбери Гоча» А. Казбеги. Эти переводы составят одну из книг серии «Мировое чтение», выпускаемой Пражским

издательством художественной литературы. Одновременно, совместно с поэтом Ярославом Сайфетом, я продолжаю работать над переводом «Давитиани» Д. Гурамишвили.

Для успешного осуществления всех моих творческих планов пребывание в Грузии особенно важно: я смог лучше познакомиться с грузинским фольклором, записать побольше народных песен, сказаний, легенд. Я проконсультировался с филологами Тбилиси по интересующим меня проблемам развития грузинского языка, грамматики, лексикологии, пополнил сведения об истории создания поэмы Руставели, об эпохе, в которую творил великий поэт. Собранными материалами я воспользуюсь в своей работе над предисловием к выходящему в Чехословакии переводу поэмы.

Хочется сказать также несколько слов о культурных связях чешского и грузинского народов, имеющих уже большие традиции и многолетнюю историю.

Известно, что еще во второй половине прошлого века Грузию посетил один из первых чешских национальных поэ-

тов Сватоплук Чех, рассказавший о ней в своих произведениях. На Кавказе, в рядах русской армии, находился талантливый чешский поэт Богумил Гавласа. Сборник чудесных стихотворений, навеянных впечатлениями о пребывании на Кавказе, занимает значительное место в творческом наследии чешского поэта Адольфа Гейдука.

На рубеже XIX—XX веков в Чехословакии появились интереснейшие труды о Кавказе, созданные чешскими этнографами, естествоиспытателями, географами, педагогами. К этому же периоду относятся и первые переводы с грузинского языка, осуществленные священником Вети (Алоизом Кавделкой). Именно ему обязаны чешские читатели своим знакомством с повестью Акакия Церетели «Баши-Ачуки».

Культурные связи между народами Чехословакии и Грузии в наши дни приобрели огромный размах. И думается, что для настоящей дружбы — а именно она связывает наши народы — географические расстояния не помеха. Я твердо уверен, что содружество наших народов будет и впредь расцветать и крепнуть.

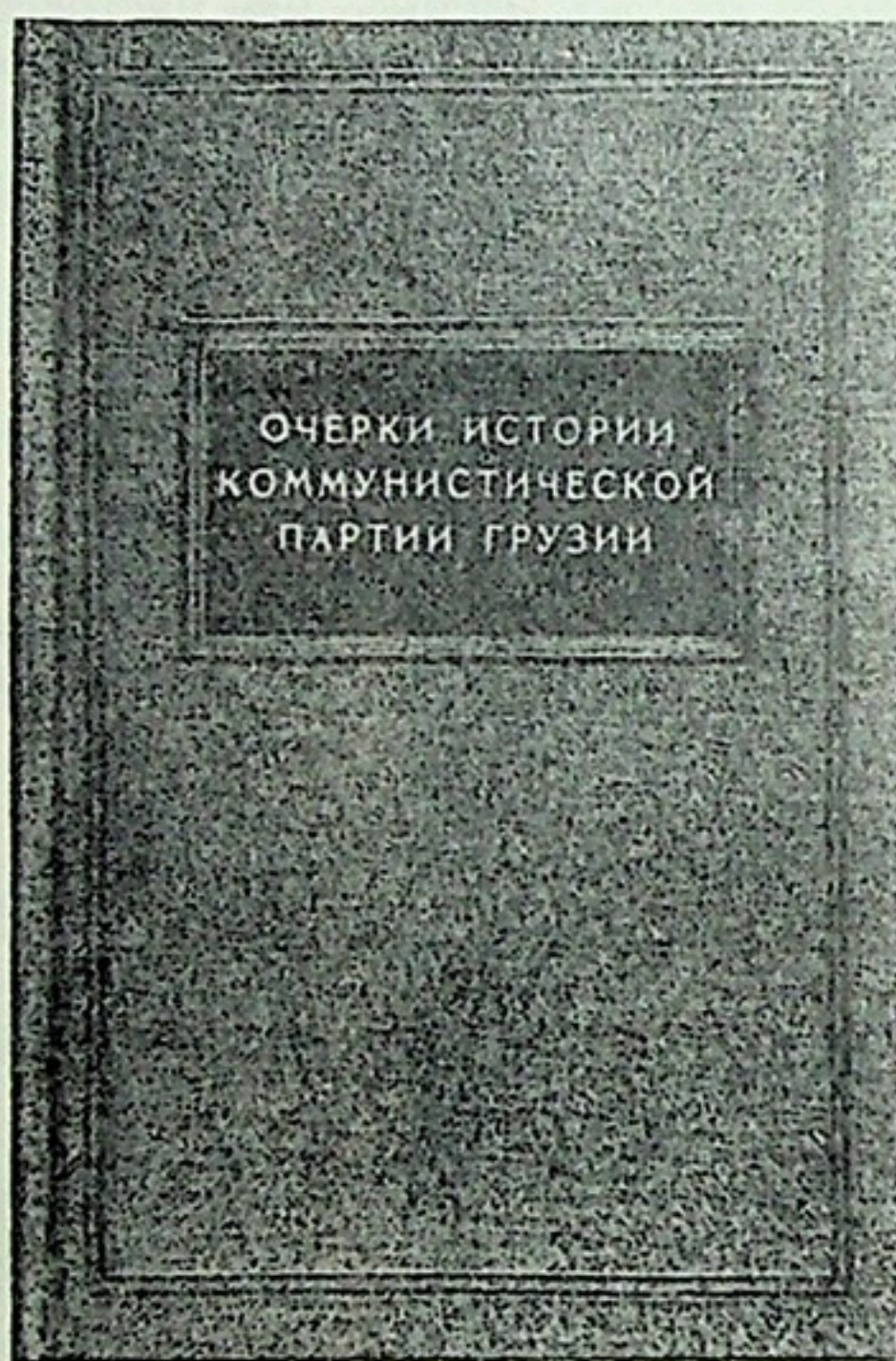
„ОЧЕРКИ ИСТОРИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГРУЗИИ“

Издательство ЦК КП Грузии выпустило в свет подготовленные Грузинским филиалом Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС «Очерки истории Коммунистической партии Грузии» часть I (1883 — 1921 гг.).

Выход в свет книги, посвященной истории грузинской партийной организации, — важное событие в идейной жизни республики.

«Очерки истории Коммунистической партии Грузии» представляют собой первую попытку систематического изложения истории грузинской партийной организации — одного из старейших боевых отрядов великой Коммунистической партии Советского Союза.

В первой книге очерков освещается история Компартии Грузии, начиная со времени развертывания борьбы за распространение марксизма в Закавказье и вплоть до установления Советской власти в Грузии. Очерки подготовлены большим коллективом научных работников — историков.

Первая глава очерков написана кандидатом исторических наук Н. Б. Махарадзе. В ней говорится о распространении марксизма и создании первых социал-демократических организаций в Грузии (1883 — 1900 гг.). Вторая глава повествует о социал-демократических организациях Грузии в период образования РСДРП и возникновения большевизма как политической партии (1901 — 1904 гг.). Написана она кандидатом исторических наук Г. К.

Жвания при участии кандидата исторических наук К. М. Иванидзе.

Третья глава — «Большевистские организации Грузии в период первой русской революции (1905 — 1907 гг.)» — подготовлена кандидатом исторических наук Л. И. Эбанондзе; четвертая глава — «Большевистские организации Грузии в период реакции (1907—1910 гг.)» — написана кандидатом исторических наук Н. А. Чахвашвили; пятая глава — «Большевистские организации Грузии в период нового революционного

подъема (1910—1914 гг.)» — доктором исторических наук А. Я. Киквидзе и кандидатом исторических наук Г. В. Сихарулидзе.

Шестую главу — «Большевистские организации Грузии в период мировой империалистической войны и второй русской революции (1914—1917 гг.)» — написали кандидаты исторических наук Ю. М. Качарава и С. Д. Чхартушвили.

Заключительные главы: седьмая — «Большевистские организации Грузии в период подготовки и проведе-

ния Великой Октябрьской социалистической революции (апрель 1917 г. — 1918 г.)» и восьмая — «Большевистские организации Грузии в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918 г. — март 1921 г.)» — написаны членом-корреспондентом Академии наук СССР профессором Г. В. Хачапуридзе.

Очерки выпущены под общей редакцией кандидата исторических наук В. Г. Эсаиашвили.

ШЕСТВИЕ ВЕСНЫ

В книге талантливого осетинского поэта Реваза Асаева 45 стихотворений, переведенных в своем большинстве поэтами-ровесниками автора Е. Елисеевым, Г. Мазуриным, И. Волобуевой и др., сумевшими передать особенности поэтической речи Реваза Асаева.

Многие стихи книги родились в результате поездки Р. Асаева вокруг Европы. Они согреты сыновней любовью поэта к своей великой Родине, проникнуты гордостью за советский народ. А потому, думается, оправдано и само название книги — «Шествие весны», которое воспринимается как поэтическое определение рейса теплохода «Победа» — шествие Весны и Мира вокруг Европы. О стремлении нашего народа к миру говорит одно из лучших стихотворений цикла «Море — не море без волн»:

Курс на Афины... В густой тишине
Падают гребни, вздымаются вновь.
...Море — не море без волн. Но волне
Ветры нужны, а не мины и кровь.
(Перевод И. Волобуевой).

О мире думал советский солдат и в то утро Победы, к которому шел он через все битвы Великой Отечественной войны:

Вот Эльба, как всадник летя на коне,
Пред нами вскипает в морской глубине.
Ты знаешь, река, мне знаком этот край,
Здесь утро Победы приветствовал май.
(«Разговор с Эльбой».)
Перевод И. Волобуевой).

Реваз Асаев. «Шествие весны». Редактор Г. Мазурин издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1957 г.

За этими стихами — биография поэта, о которой рассказывают скупые строки предисловия, предпосланного книге: с января 1942 по ноябрь 1943 года Реваз Асаев находился в рядах Советской Армии. Воевал на Кубани. За боевые заслуги награжден пятью правительственными наградами. Был тяжело ранен...

Из военных стихов Реваза Асаева надо также отметить стихотворения «Солдатское спасибо» и «В блиндаже». Они написаны просто, ясно, без риторики. Хочется привести также небольшое стихотворение «Тяжелые тучи свинцового цвета», в котором автор нарисовал по своему увиденную картину природы военного времени:

Тяжелые тучи свинцового цвета.
Нахмурено небо горячего лета. —
Там облако с облаком плотно сошлось,
И молния в небе от края до края...
Как будто бы старая карта штабная
Стрелой наступленья прочерчена
вкось.

(Перевод Ю. Левитанского).

В книге значительное место занимают также стихи о трудовых подвигах народа («Зерно», «Тбилисское море», «В родном селе», «На жатву» и др.).

Запоминаются простые, ясные строки, запечатлевшие пейзаж Грузии, и стихи поэта о любви. Назовем в качестве примера лишь хорошо переведенное Е. Елисеевым стихотворение «Звезда».

Хочется отметить точность и естественность многих образов, сравнений в стихах Асаева:

Стокгольм — огоньки в окруженьи
воды.

Как будто идет караван кораблей,
Иль звездного неба лежат лоскуты,
Иль плавают звезды, упав с высоты,
И медью на волнах сверкают своей.
И месяц над ними — веселый
храбрец —

Повис на трубе, чтоб оттуда светить;
Он в море дрожит. Мне сдается, —
кузнец

Его из огня, ухватив за конец,
В море швырнул, чтобы там охладить.
(«Стокгольмская белая ночь».)

Перевод И. Волобуевой).

Не все стихи книги, конечно, равноценны. Риторичны, например, стихотворения «Ванатский канал», «Самгорские поля» и некоторые другие.

Но, несмотря на это, в целом новая книга Реваза Асаева — свидетельство несомненного творческого роста осетинского поэта.

Алио МИРЦХУЛАВА.

КНИГА О ГЕРОИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ ГРУЗИНСКОГО НАРОДА ЗА ПОБЕДУ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Книга Г. В. Хачапуридзе «Борьба грузинского народа за установление Советской власти» вышла третьим изданием. Новое издание, как отмечено в предисловии, переработано с учетом опубликованной за последние годы литературы и дополнено рядом архивных документов.

Первые страницы книги посвящены краткому изложению истории развития капитализма в Грузии, возникновения грузинского рабочего класса, зарождения и укрепления революционных социал-демократических организаций в Грузии.

Говоря о том, что рабочее движение в Грузии развивалось в неразрывном единстве с общероссийским рабочим движением, автор приводит слова Г. К. Орджоникидзе о роли и значении Советской России в борьбе народов многонационального Закавказья за установление Советской власти: «Существованием Советской власти, своим освобождением трудящиеся массы Грузии, Армении, Азербайджана целиком обязаны России. Не будь Советской России — не было бы Советского Азербайджана, Советской Грузии, Советской Армении. и по сегодняшний день они находились бы под пятой английского империализма.

Только в союзе с российскими рабочими и крестьянами, в союзе с российской Красной Армией азербайджанские рабочие и крестьяне, грузинские рабочие и

крестьяне, армянские рабочие и крестьяне добились своего освобождения».

В важнейшей главе книги — «Грузия в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции» автор рассказывает о широко развернувшемся в Грузии и Закавказье рабочем, крестьянском и солдатском революционном движении. Тифлиссские рабочие, под влиянием большевистской агитации, явочным порядком ввели 8-часовой рабочий день на ряде предприятий города, создали фабрично-заводские комитеты. Крестьяне захватывали помещичьи пахотные земли, сады, покосы.

Большую работу по распространению ленинских идей выполняли вышедшие в Грузии большевистские газеты «Брძола», «Кавказский рабочий», «Банворикрив» и другие. Большой популярностью пользовалась газета «Правда». Не случайно грузинские меньшевики всячески мешали распространению большевистской литературы. Однако их попытки терпели крах, большевистское влияние в массах росло с каждым днем, с каждым часом.

Великая Октябрьская социалистическая революция воодушевила рабочих и крестьян Грузии и Закавказья на борьбу за Советскую власть.

Автор на большом фактическом материале показывает, как обострялась революционная борьба трудящихся Закавказья против грузинской и закавказской контрреволюции в 1918—1919 гг. В книге разоблачается предательская политика меньшевиков, дашнаков и муссаватистов, находившихся в тесном контакте с белогвардейской контрреволюцией Северного Кавказа и Юга России, с немецко-турецкими и иными оккупантами.

В книге приводятся факты дальнейшего обострения экономического кризиса в Грузии в 1920 г., усиления революционной борьбы, подготовки вооруженного восстания против меньшевистской власти и ига иностранных оккупантов.

В главе «Победа Советской власти в Грузии» автор подчеркивает, что Советская власть в Грузии победила в результате восстания рабочих и крестьян Грузии против меньшевистской диктатуры, благодаря бескорыстной помощи великого русского народа и при непосредственной братской поддержке Красной Армии.

Книга не лишена и недостатков. Так, первая глава ее озаглавлена: «Грузия в период мировой войны». Правильнее было бы озаглавить ее так: «Грузия в период первой мировой войны и второй русской буржуазно-демократической революции 1917 года», причем в эту главу, соответственно, вошла бы та часть второй главы, где автор касается событий февральской революции 1917 года.

Газета «Цнобис пурцели» причислена к числу буржуазных газет (стр. 16). Сле-

Г. В. Х а ч а п у р и д з е. «Борьба грузинского народа за установление Советской власти». Редактор В. Антонов. Госполитиздат, Москва, 1956 г.

довало бы добавить, что газета «Цнобис пурцели» была органом буржуазно-националистической партии грузинских «социалистов-федералистов».

На странице 105 читаем, что «10 января 1918 года солдаты 4-го Грузинского полка отказались сдать оружие властям, обезоружили меньшевистских милиционеров и разгромили уездное бюро меньшевиков». На самом же деле восставшие солдаты 4-го Грузинского полка в гор. Гори разгромили меньшевистское уездное административное управление — Горийский уездный комиссариат.

В книге слабо показана борьба трудящихся Горийского уезда за Советскую власть; сравнительно скупо сказано о вооруженной борьбе восставших крестьян в Меджврисхевском, Ахалкалакском, Гомском и других районах Горийского уезда в 1918—1919 гг.

Но, несмотря на указанные недостатки, книга Г. В. Хачапуридзе «Борьба грузинского народа за установление Советской власти» в целом является интересной и полезной работой.

Я. ХУЦИШВИЛИ,
кандидат исторических наук.

ЛИТЕРАТУРОВЕД И ЕГО ТРУД

...Небольшая — всего 127 страниц — книжка, изданная Детгизом в 1956 году, называется просто и скромно: «Рассказы литературоведа». Написал ее Ираклий Андроников — писатель и литературовед.

Как исследователь литературы, больше и плодотворнее всего работает Андроников над изучением жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. Его перу принадлежит ряд работ, посвященных различным проблемам лермонтоведения.

В «Рассказы литературоведа» включены четыре произведения — «Портрет», «Загадка Н. Ф. И.», «Подпись под рисунком», «Земляк Лермонтова». Они являются интереснейшей хроникой долгой и кропотливой работы литературоведа, увлекательным и поучительным повествованием о научных изысканиях. Ни на минуту не отрываясь, следит читатель этой книги за беспокойной и настойчивой

Ираклий Андроников. «Рассказы литературоведа». Редактор И. Кротова. Детгиз. Москва, 1956 г.

мыслью исследователя, который неумолимо, как старатель, по крупинкам собирает материал и отделяет золото находок от песка и ила, взвешивает и сопоставляет факты, одни из них принимая, другие отбрасывая, — словом, ведет сложную, ювелирно-тонкую работу. Вот он на долгие часы замыкается в тишину и полумрак книгохранилищ и архивов, пристально изучает многостраничные фоллянты, всевозможные книги — родословные сборники, алфавитные справочники, различные адрес-календари, некрополи и т. д., просматривает документы государственных и частных архивов. С пожелтевших страниц встают перед ним разрозненные черты давно минувшей эпохи, мелькают имена людей, факты их жизни... И весь этот «скучный», а на самом деле чрезвычайно увлекательный труд приобретает свой высокий смысл и оправдание, потому что в этом запутаннейшем нагромождении фактов скрывается возможность научного открытия. И дело исследователя, его цель — превратить эту возможность в действительность.

Но вот Андроников покидает кабинет, из привычной каждому ученому обстановки переносится в совершенно другой мир, —

И перед ним иной картины
Красы живые расцвели:
Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдали.

Превратившись в следопыта, литературовед предпринимает длительное и нелегкое путешествие. Он пытается проследить предполагаемые этапы странствий Лермонтова по Кавказу. Он взбирается на горные кручи и спускается в расселины, с жадной пытливостью всматриваясь в расстилающиеся перед ним ландшафты, — и все это с единственной целью отыскать пейзаж, привлечший в свое время внимание великого поэта и вдохновивший его на создание рисунка «Развалины на берегу Арагвы».

Обо всем этом Андроников рассказывает ярко и увлекательно, с тем чудесным юмором, который составляет неотъемлемую принадлежность его таланта.

По ходу своей работы Андроникову пришлось соприкоснуться со многими профессиями, со смежными, а подчас и не имеющими ничего общего с литературоведением науками и специальностями. Он становился то искусствоведом, то историком и географом, то даже криминалистом. И знаменательно: к кому бы он ни обращался за помощью и консультацией — будь то знаменитые ученые или мальчишки-проводники в горах, — он всегда встречал полную поддержку и горячую заинтересованность.

В своих научных изысканиях И. Андроников смело полагается на фанта-

зию и интуицию. Труд — трудом, но в процессе познания научная гипотеза, смелый домысел, «условное допущение», как говорил А. М. Горький, являются необходимейшими качествами, которые приходят на помощь тогда, когда кажется, что все возможности, заложенные в фактах, исчерпаны и остается только одно — поставить точку. Так, именно домысел, фантазия и интуиция помогли автору «Рассказов литературоведа» преодолеть все колебания и сомнения и с утроенной энергией продолжать поиски до тех пор, пока, наконец, не удалось найти разгадку таинственных инициалов лица, которому Лермонтов посвятил ряд стихотворений, и установить, что так называемый «вульффертовский», а сейчас уже «андриковский» портрет неизвестного офицера — это портрет Лермонтова.

Но может возникнуть вопрос: а стоило ли прилагать так много усилий, чтобы расшифровать загадочные инициалы? Так ли уж необходимо было увериться, что на портрете действительно изображен Лермонтов? Или: что дала поездка на Кавказ для отыскания «оригинала» лермонтовского рисунка? Короче говоря, соответствуют ли усилия и энергия, затраченные исследователем, результатам его труда и, — что еще важнее, — современному уровню литературоведческой науки?

Да, соответствуют! И вот почему.

Лермонтовская иконография пополнилась еще одним удачным портретом и, главное, прижизненным. Уже одно это позволяет причислить находку И. Андроникова к тем удачным открытиям, которые еще более обогащают наше представление о великом поэте.

Раскрытие инициалов Н. Ф. И. не только уточняет какой-то частный факт творчества Лермонтова, но ведет к солидным научным обобщениям. В свете разысканий Андроникова, юношескую лирику Лермонтова 1831—1832 гг. следует рассматривать не как собрание «случайных» стихотворений, а как завершенный цикл поэтических шедевров, объединенных тем противоречивым и, несомненно, сильным чувством, которое юноша-поэт испытал к Н. Ф. И. Если к этому прибавить то, что драма «Странный человек», написанная одновременно со стихотворениями, обращенными к Н. Ф. И., многими своими мыслями и настроениями непосредственно соотносится с ними, — возникнет яркая картина целой полосы в жизни молодого поэта (кстати, наименее изученной), когда созрел и мужал его поэтический гений. А это, в свою очередь, позволит сделать еще один решительный вывод о самобытном характере юношеской лирики Лермонтова и его драмы «Странный человек», которая чуть ли не до последнего времени расценивалась некоторыми исследовате-

лями как малооригинальное, подражательное произведение.

«Все это так, — скажет скептик, — но отыскать тот уголок грузинской земли, который был зарисован Лермонтовым, все-таки не удалось!». — Зато в результате этого, на первый взгляд, неудавшегося путешествия удалось сделать ряд наблюдений, а именно: что лермонтовские рисунки вообще были своеобразными записными книжками и составляли неотъемлемую часть его поэтической работы; что рисунок «Развалины на берегу Арагвы» является как бы иллюстрацией к «Демону», помогающей понять творческую историю поэмы; и, наконец, «не только в поэме, но и в рисунках отразилось отношение поэта к народу, в ту пору неравноправному, угнетенному; в самом факте создания их сказало то великое чувство дружбы, которое доставляет нам высокое наслаждение и вызывает в нас чувство радости». Таков смысл «прочтения» Андрониковым кавказских зарисовок Лермонтова.

Да и кроме того, не следует забывать, что «Рассказы литературоведа» — именно рассказы, то есть художественные произведения, и, как таковые, они, несомненно, имеют, так сказать, самостоятельную ценность даже вне связи с их литературоведческой стороной, с выводами и наблюдениями ученого. Стройные по композиции, сюжетно завершенные, написанные ярким языком, они представляют собою плод чисто художественного, то есть образно-эмоционального познания жизни — как давно минувшей эпохи, так и нашей современности. Андроников умеет — и это умение ни разу не покидает его — несколькими яркими мазками оживить, воплотив в плоть и кровь, образы множества людей, сделать это зримо и ощутимо. Потому-то люди эти живут своей жизнью, потому-то так живо чувствует читатель колорит эпохи.

Как художник, Андроников очень остро чувствует природу. Несомненно, что нарисованные им картины природы являются украшением его книги. Достаточно вспомнить, с каким поэтическим воодушевлением сделаны зарисовки Кавказа или как тонко передан в одном из рассказов неповторимый образ Ленинграда с его величаво-строгим ландшафтом!

«Рассказы литературоведа» с большим удовольствием прочтут люди разных возрастов и профессий. Читатель вынесет из них не только четкое представление об увлекательной работе ученого-литературоведа, но он словно побудет некоторое время наедине с умным и талантливым собеседником, который с большой любовью и теплотой расскажет ему о жизни и творчестве великого поэта.

Г. ГИГОЛОВ.

МОНОГРАФИЯ О БЕКА ОПИЗАРИ

Не боясь преувеличения, можно с уверенностью сказать, что успех творческой практики коллектива художников Грузии во многом зависит от результатов научно-исследовательской деятельности искусствоведов республики. Это в равной мере относится как к анализу современных явлений художественной жизни, так и к изучению прошлого грузинского изобразительного искусства.

Вот почему каждое новое явление в области грузинского искусствоведения находит живой отклик со стороны нашей художественной общественности. Этим объясняется и тот интерес, который вызвала изданная недавно монография о замечательном древнегрузинском ваятеле Бека Опизари, принадлежащая перу проф. Ш. Я. Амиранашвили.

Требовалась, понятно, большая исследовательская смелость в сочетании с чрезвычайно кропотливой работой для того, чтобы, несмотря на сложность материала, попытаться по далеко не полным, иногда только косвенным данным воссоздать творческий облик художника, жившего в XII веке.

Ценность монографии о Бека Опизари заключается и в другом. Она посвящена необыкновенно интересной и еще очень мало изученной отрасли древнегрузинского искусства — чеканке по металлу. И дело не только в том, что мастерство золотаваяния в Грузии достигло очень высокого уровня в феодальную эпоху (до наших дней сохранились памятники уникального значения как с исторической, так и с художественной точек зрения), не менее важным, пожалуй, нужно считать и то, что искусствоведческий анализ этих памятников дает возможность составить более ясную картину развития средневекового грузинского изобразительного искусства. Как известно, если судить хотя бы только по данным мцхетских раскопок и свидетельствам древнегрузинских летописей, античный период в истории Грузии ознаменовался рядом крупных достижений в области как монументальной скульптуры, так и

Ш. Я. Амиранашвили. «Бека Опизари». Редактор Г. Мазурин. Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1956 г.

скульптуры малых форм. Пример грузинской пластики по металлу дает возможность судить о преемственности в развитии скульптурного творчества грузинского народа и в эпоху средневековья, о стилистическом своеобразии этого вида искусства.

Такой вывод со всей очевидностью следует из материала, рассмотренного в монографии о Бека Опизари. Анализ конкретных памятников грузинского искусства, изучение эпиграфических и исторических данных дают возможность исследователю не только с большой достоверностью установить произведения, принадлежащие Бека Опизари, но и показать, что его творчество было неразрывно связано со всем развитием средневекового грузинского изобразительного искусства. В этом отношении важным подспорьем для автора послужил сравнительный анализ совпадающих во времени своего создания произведений чеканного искусства, монументальной живописи и декоративной пластики. Все это превратило монографию в исследование, охватывающее многие важные факты истории древнегрузинского искусства, и, прежде всего, его столь интересной отрасли, как пластика по металлу.

Правда, как отмечает и сам проф. Ш. Я. Амиранашвили, за пределами монографии остались многие факты того времени, еще требующие тщательного изучения. Ряд вопросов в рецензируемой работе только поставлен, но не разрешен. К их числу, в частности, следует отнести вопрос об особенностях техники грузинской пластики по металлу. Автор дает ее описание и выдвигает некоторые предположения о работе грузинских золотаваятелей (в том числе и Бека Опизари) над пластическими образами. Но приведенных данных все же недостаточно для того, чтобы ясно представить себе даже основные этапы творческого процесса и технологию грузинской чеканки, сделать какие-либо определенные практические выводы, которые создавали бы реальную перспективу для творческого освоения традиций, столь ценных и важных с точки зрения расширения жанровых рамок и дальнейшего обогащения изобразительных возможностей современной грузинской скульптуры.

Этот недостаток является, пожалуй, самым существенным в книге, хотя порой несколько схематический, а иногда и чисто описательный анализ произведений грузинской пластики по металлу прекрасно восполняется многочисленными таблицами, подавляющее большинство которых по качеству печати выгодно отличается от более ранних публикаций памятников древнегрузинского изобразительного искусства.

Несмотря на отдельные пробелы, вполне понятные в освещении столь сложной

художественно-исторической проблематики, монография Ш. Я. Амиранашвили о Бека Опизари является серьезным вкладом в грузинскую искусствоведческую литературу.

Игорь УРУШАДЗЕ.

ПОСЛОВИЦЫ РУССКОГО НАРОДА

★

Изданы «Пословицы русского народа», собранные в первой половине XIX века известным русским этнографом и диалектологом В. Далем. Это собрание — свыше 30 тысяч пословиц и поговорок — одно из лучших украшений сокровищницы русского народного творчества.

«Без пословицы не проживешь», — говорится в народе. И, действительно, листаешь сборник и дивишься тому, как полно, ярко и образно отражена в нем жизнь русского народа, свойства его души.

«Может быть ни в одной из форм языкового творчества народа с такой силой и так многогранно не проявляется его ум, так кристаллически не отлагается его национальная история, общественный строй, быт, мировоззрение, как в пословицах», — пишет в предисловии к сборнику М. Шолохов.

«Пословица несудима» — такое изречение предпослано сборнику в качестве эпиграфа. Этим составитель как бы предупреждал цензоров, указывая им на то, что пословица, принятая народом, сохраненная и отшлифованная веками, не подлежит их суду, что в ней отразились мысли, верования и представления миллионов, отразилась жизнь многих поколений со всей красотой и возвышенностью чувств, уродством предрассудков и насилия над человеком.

Однако «Пословицы русского народа» все же попали под строгий суд царской цензуры. Прошло восемь лет, прежде чем сборник, представленный В. Далем в 1853 году в Академию наук, увидел свет.

Цензура признала «оскорбляющими нравственность и религиозные чувства» ряд пословиц, включенных в сборник, и

потребовала его переработки. Но В. Даль категорически отказался от цензурных сокращений, заявив, что он скорее бы предпочел положить на костер и предать сожжению свой труд. Несмотря на ходатайства ряда ученых, Николай I воспротивился напечатанию сборника, и он был издан лишь в 1862 году Обществом истории и древностей российских при Московском университете.

В своем собрании пословиц В. Даль отбросил устарелый, формалистический принцип печатания пословиц по алфавиту. Он взял на себя титанический труд их тематической классификации. Правда, эта классификация в достаточной степени условна, а подчас и наивна, однако она все же облегчает пользование сборником и ориентацию в этом безграничном по обширности материале.

В. Даль смело печатал в сборнике такие пословицы, как «Холоден, голоден — царю не слуга», «Царские милости в боярское решето сеются», «Что тому богу молиться, который не милует?», «Когда деньги говорят, тогда правда молчит»...

Тяжелое и бесправное положение крестьян отражено в пословицах: «Житье — из ворот да в воду», «Житье, житье: наготое да босотое», «Ни кола, ни двора, ни под себя, ни на себя», «Семь сел, один вол, да и тот гол», «Богатому в суд идти — трын-трава, бедному — долой голова». В то же время большинство пословиц проникнуто глубоким оптимизмом, столь характерным для народного мышления: «Все минется, одна правда останется», «Не все ненастье, будет и ведро», «Взойдет солнышко и на наш двор», «Князья в платье, бояре в платье, будет платье и на нашей братье».

Прекрасны по силе отразившегося в них патриотического чувства пословицы: «На чужой стороне и весна не красна», «Своя земля и в горсти мила», «Глупа та птица, которой свое гнездо не мило», «Чужбина слезам не верит», «С родной земли — умри, не сходи».

Из глубины веков, из поколения в поколение переходят пословицы, неся в образной, сжатой форме силу народной мысли, наблюдательности, юмора, силу векового опыта.

У каждого народа, имеющего литературную традицию, часть пословиц носит книжный характер. Через переводы, а подчас и устным путем некоторые пословицы переходят от одного народа к другому, усваивающему полюбившуюся, пришедшую по душе острую мысль, яркий образ. Но особенно интересны те совпадения, которые родились в результате совпадения чувств и ощущений народных масс. «О, мать — надежда, верный оплот», — говорит грузинская пословица. «Мать праведна — ограда каменная», — скажет русский. «Мира не перетянешь», «С миром не поспоришь».

«Пословицы русского народа». Сборник В. Даля. Гослитиздат, Москва, 1957 г.

«Одному страшно, а миру не страшно», «На миру и смерть красна», — говорит русский человек. «Мир силен, коли человек умен», «Если мир от тебя отступился — уйди куда глаза глядят», — говорят в Грузии.

Новому изданию сборника пословиц В. Даля предпослано яркое предисловие, написанное Михаилом Шолоховым, и пространная вступительная статья, ныне покойного, проф. В. И. Чичерова.

Выход в свет книги «Пословицы русского народа» — большой подарок советскому читателю. Остается пожелать, чтоб богатые собрания грузинских пословиц, мало известные широкому читателю, были изданы так же хорошо и полно.

Е. ВИРСАЛАДЗЕ.

«ИЗБРАННОЕ» ГЕОРГИЯ ЦЕРЕТЕЛИ

Издательство «Заря Востока» выпустило в переводе на русский язык сборник произведений Георгия Церетели. В сборник включены рассказы «Серый волк» и «Тетушка Аснат», романы «Первый шаг» и «Гулкан».

Георгий Церетели является одним из крупнейших представителей грузинской литературы XIX века. Сильный и оригинальный художник, историк, философ, теоретик искусства, публицист, Георгий Церетели оставил яркий след во многих областях общественной жизни Грузии. Его перу принадлежат многочисленные стихотворения, рассказы, романы, фельетоны, драмы, статьи по истории и естествознанию, исследования по филологии и археологии. Замечательные страницы вписал Г. Церетели в историю грузинской литературы, дав реалистическую картину жизни грузинского общества на протяжении целого полувека.

Крепостнический быт и его разложение, развитие капиталистических взаимоотношений, классовая дифференциация и борьба крестьянства против дворянства, усиление буржуазии, новое поколение интеллигенции и ее деятельность — вот явления, всесторонне отраженные писателем в его романах, повестях и рассказах.

В основе всего написанного Г. Церетели лежат реальные факты. «Первый

Георгий Церетели. «Избранное». Редактор Д. Шенгелая. Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1957 г.

шаг», «Серый волк», «Тетушка Аснат», «Гулкан» и многие другие произведения писателя построены на подлинных событиях современной ему действительности, а большинство выведенных в них персонажей имели своих прототипов. Но, исходя из жизненных фактов, писатель делает большие реалистические обобщения, которые и составляют главную силу его произведений.

«Первый шаг» — один из лучших романов в грузинской литературе, запечатлевших процесс классовой дифференциации, который в Грузии со второй половины XIX века приобретает особенно широкий размах. В романе показано развитие капитализма, появление на общественной арене торговой буржуазии, ее усиление и конфликт представителей нового класса со старой жизнью.

Особое место в творчестве Г. Церетели занимают рассказы «Тетушка Аснат» и «Серый волк», рисующие картину нарастающих противоречий внутри дворянства. Писатель стремится вскрыть причины и закономерности, направляющие действия героев. Он рисует обстановку, в какой протекают описанные в рассказах события, не как простой фон, который можно было бы изменить или даже исключить без ущерба для повествования, а как необходимый элемент произведения.

Новому изданию избранных сочинений Г. Церетели на русском языке (переводы Н. Аккермана, Е. Багратиони и В. Киреевой) предпослано содержательное предисловие Г. Натрошвили, знакомящее читателей с жизнью и творчеством писателя, произведения которого по праву занимают одно из самых почетных мест в истории грузинской литературы XIX века.

Ш. РАДИАНИ.

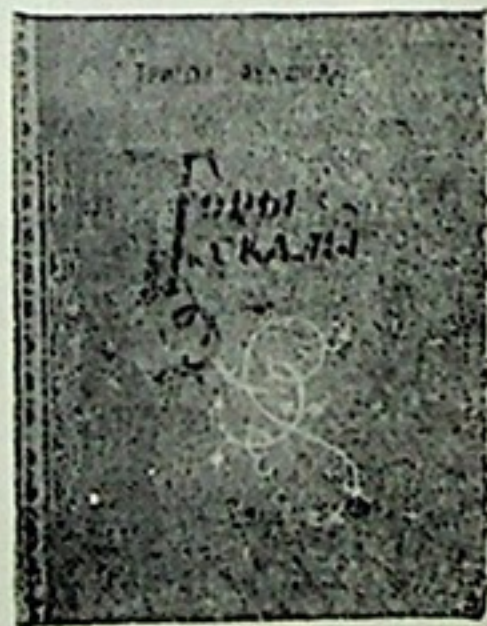
КНИГА СТИХОВ ГРИГОЛА АБАШИДЗЕ

В сборнике «Горы и скалы» Григол Абашидзе представлен главным образом лирическими стихами. Циклы «Весна», «Симфония рек», «Уроки истории» раскрывают перед русским читателем лишь небольшую часть поэтического мира писателя.

Григол Абашидзе принадлежит к среднему поколению грузинских поэтов.

Григол Абашидзе «Горы и скалы». Редактор Г. Регистан. Издательство «Советский писатель», Москва, 1956 г.

которое сложилось и окрепло уже в наше советское время. Вступив на литературную арену в тридцатых годах, сразу обратив на себя внимание разнообразием идей и образов, высокой культурой стиха, к сороковым годам Гр. Абашидзе — уже сложившийся поэт, на облик которого большое влияние оказала Великая Отечественная война.

О Григоле Абашидзе уже немало написано. Несмотря на разнообразие суждений и оценок, все критики отмечают насыщенность его поэзии историческими мотивами. Действительно, во многих стихах Гр. Абашидзе даже личные, интимные переживания доходят до читателя сквозь призму образов прошлого. Так поэт создал ряд значительных стихотворений, но в этом же, заметим, кроется иногда и причина неудач писателя.

К образам Вахтанга Горгасала (кстати, правильная транскрипция прозвища Вахтанга будет не Горгаслан, а Горгасал, что по-персидски означает «волчья голова»; в сборнике есть разночтения), царя Давида, царицы Тамар, Ираклия II, правителя древнейшего Картли питиахша Дзеваха обращались, многие поэты Грузии, как классики, так и наши современники. Но в творчестве некоторых грузинских поэтов, особенно в послевоенные годы, эти образы в какой-то степени заслоняли другие мотивы. Подобная тенденция проглядывала и в стихах Гр. Абашидзе. Однако в лучших стихотворениях поэта, представленных в рецензируемом сборнике, читатель не может не заметить его умения органически вплетать историческое прошлое народа в современность, в думы, чаяния, переживания нашего современника. Эта органическая связь прошлого с настоящим ярко проходит и в стихах-миниатюрах, и в сонетах, и в поэмах писателя.

Гр. Абашидзе пишет:

Прославленная крепость Горгасала,
В пяти шагах стоящая от рва,
Строителей Самгори взволновала
Немеркнувшим величием мастерства.

(«На развалинах Уджармы».)

Перевод А. Межирова).

Гр. Абашидзе много думает о судьбах своей страны, о путях, по которым она шла и должна была идти. Его пленяет образ Ираклия II, потому что

В дни беспросветные, глухие
Ираклий, вызван на борьбу,
Доверил дружеской России
Несчастной Грузии судьбу.

(«Урок истории».)

Перевод Н. Заболоцкого).

Нам хотелось бы отметить еще одну, как нам кажется, важную черту патриотической лирики Гр. Абашидзе. Поэт смотрит на мир не через маленькое, ограничивающее мир, оконце. В релье-

фных, точных образах рисует Гр. Абашидзе великую Страну Советов, где его родной обновленный край — часть большого нового социалистического мира.

Родина, ее будущее, ее величие у Гр. Абашидзе связаны с именем Ленина, несущего Грузии свет, зарю, свободу:

И Ленина увидел я впервые...
Он был могуч, спокоен и велик!
Его глаза сверкали, как живые.
Огонь сквозь камень в сердце мне
проник.

Сегодня над пустынею Самгори,
Разрытой и раскопанной, встает
Знакомый облик; над рекой Иори
Он поднял факел и зовет вперед.

(Перевод А. Гатова).

В поэзии Гр. Абашидзе органически сочетаются личные мотивы с глубиной идейного, гражданского осмысления жизни. Это две неразрывные стороны творчества поэта, которые неправомерно было бы противопоставлять. Нельзя делить живой мир поэта на какие-то разобщенные полюсы, ибо для творца, как правильно заметил еще В. Белинский, где жизнь — там и поэзия. А жизнь многогранна, многогранны и интересы, переживания, мысли, раздумья человека. Правильно пишет Гр. Абашидзе:

Закроют силой, — ты глаза раскрой:
Нам видеть мир дано лишь раз, не
боле —
Деревья, женщину, закат, прибой.
Закроют силой, — ты глаза раскрой,
Исполни долг пред миром и до боли,
До слез гляди.

(Перевод Н. Вольпин).

Читая и перечитывая стихи Гр. Абашидзе, нельзя не заметить, что и «горячие губы любимой», и «ветка зеленая, милой под ноги брошенная», и «счастливое детство, которое брело под орехом», в единстве с делами и мыслями о народе, стране, гражданском долге и составляют тот живой мир нашего современника, который хорошо увидел Гр. Абашидзе.

Гр. Абашидзе умеет по-своему нарисовать картины природы родной страны. Образы Грузии оживают в строках поэта. В «листву облаченные сады», «алыча в цвету», «даркветская молодая луна», юная неповторимая весна, горы и скалы, буйные реки, море и небо, усеянное звездами, которым нет счета, запахи золотой кахетинской осени — все это не только фон для раздумий, чувств поэта, это составная часть его поэтического видения мира. Сколько поэтов Грузии, да и не только поэтов нашего края, писали о лозе, о молодом винограднике. Но как конкретен, осязателен

этот образ у Гр. Абашидзе, как по-настоящему национальны даже в русском переводе эти стихи.

Он невысок, его не украшает
Наряд парчовый цвета бирюзы.
Как козы рожки, нежно выступают
Побеги вновь посаженной лозы.

(«Молодой виноградник».
Перевод Н. Заболоцкого).

Было бы несправедливо даже в маленькой рецензии не упомянуть действительно творческого труда переводчиков стихов Гр. Абашидзе. Русские друзья грузинской поэзии бережно сохранили образный строй, высокую поэтическую культуру стиха Гр. Абашидзе. Нужно с благодарностью назвать имена Н. Тихонова, Н. Заболоцкого, А. Межирова, С. Шервинского, М. Луконина, Вл. Соколова, Н. Вольпин, В. Звягинцевой, Е. Винокурова, В. Державина, А. Кронгауза, А. Тарковского, А. Глобы, Г. Оболдуева, донесших до читателя особенности поэтической речи Гр. Абашидзе.

Гр. Абашидзе вступил сейчас в пору своей литературной зрелости. И читатель вправе ждать от него стихов, поднимающих большие новые вопросы жизни, стихов мужественных, ярких, самобытных, близких по смыслу и духу людям, строящим новый мир.

Вл. МАЧАВАРИАНИ.

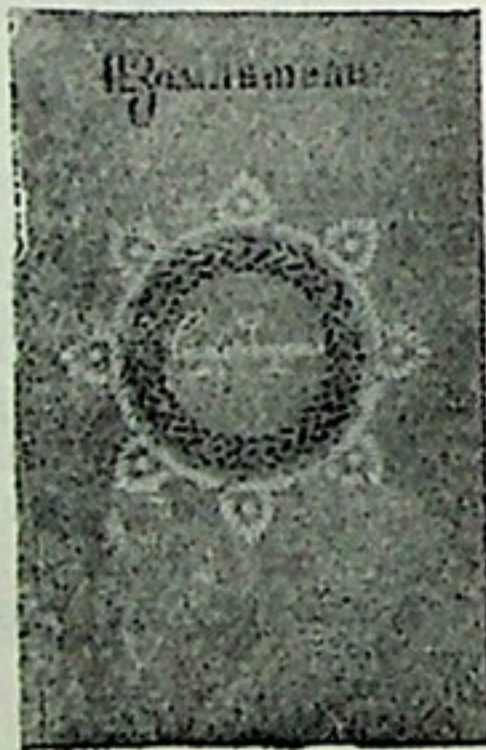
СТИХИ НОЭ ЗОМЛЕТЕЛИ

Государстве н н о е
издательство худо-
жественной литера-
туры (Москва) не-
давно выпустило в
свет сборник сти-
хов одного из зачи-
нателей грузинской
советской поэзии
Ноэ Зомлетели (Ку-
ридзе).

Ноэ Зомлетели
был выходцем из
бедной крестьянской
семьи и поэтому, естественно, его пер-
вые песни рисуют тяжелую жизнь доре-
волюционной грузинской деревни. Но в
дальнейшем центральным в стихах поэта
становится образ рабочего, а главной
темой — борьба рабочего класса за свое
освобождение, против социальной не-
справедливости.

Н. З о м л е т е л и. «Стихотворения». Со-
ставитель К. Куридзе, редактор Н. Старо-
стин, Гослитиздат, Москва, 1956 г.

Обращаясь к своей лире, поэт писал
в 1914 году:

Звени, моя лира, звени,
Стучи, мое сердце, сильнее,
Тоску и печаль отгони —
Отраву безрадостных дней.

Вскипает в душе моей гнев
К безрадостным, сумрачным дням,
Но светлую искру узрев,
Я ей свои силы отдам.

(«Звени, моя лира, звени».
Перевод П. Ювенской).

В годы реакции Зомлетели принимал активное участие в революционном движении. Его арестовали и сослали. Но, вернувшись из ссылки, поэт не прекратил революционной работы. Он твердо верил, что победа будет за рабочим классом:

Если враги напирают сегодня,
Завтра иное, иное нас ждет.
Необоримая сила рабочих
Завтра сама в наступленье пойдет.

Праздником будет тот день
долгожданный,
Вставь среди полей и среди гор,
наконец,
Слава великому дню наступленья,
Слава тебе, пролетарий-боец!

(«Сегодня», 1910 г.
Перевод Д. Бродского).

Источником вдохновения для поэта всегда являлись жизнь и борьба народа. Зомлетели реалист. Его поэзия революционна. Это «земная» поэзия, отразившая радости и невзгоды своего времени, своей страны, в ярких образах рисующая духовный мир народа — борца за свое освобождение.

В стихах Зомлетели органично возникает образ моря, в волнении которого поэт видит волнение и бури своего времени:

И порою мне кажется море
Полею боя жестоких врагов.
И сшибаются в схватке отряды,
И закат, словно рана, багров.

Вон, ослабнув в сраженьи неравном,
Побережья достигла волна,
И, ударившись грудью о скалы,
Умирает, как воин, она.

Но на смену упорно и стойко
За сестрою стремится сестра...
Потому-то и борется море,
Потому и упрямы ветра!

(«Море».
Перевод Д. Голубкова).

Из стихотворений поэта, написанных в этот период, примечательны: «Ленин», «Праздничная», «Грузия», «Аджарская долина», «Город», «Москва-титан», «Нашим наборщикам» и др. Все они воспевают социалистическую Родину, простых

людей города и деревни, строящих новую жизнь.

В маленькой рецензии невозможно дать читателю полное представление о поэзии. Ноэ Зомлетели, который в продолжение нескольких десятков лет отдавал служению Родине все свои силы. Хочется просто порекомендовать читателю эту небольшую книжку. Мужественные стихи сами расскажут о поэте, который смело шел вперед, боролся за утверждение новой жизни.

Иона ВАКЕЛИ.

ПО РОДНЫМ ДОРОГАМ

Читаешь книгу очерков Ии Месхи, и многое из того, что раньше казалось обыденным, будничным, вдруг вспыхивает яркими красками.

«Горячее, доброе солнце» сверкает над прозрачной рекой Кодор, по которой «загорелись» сильные люди, по пояс в воде», толкают огромные бревна—по Кодору идет сплав; в теснине Дарьяла тучные отары колхозных овец забираются высоко под самые ледники, на субальпийские горные луга; в ущелье Квирилы плывет над пропастью похожий на маленький домик вагончик подвесной канатной дороги...

Об этом рассказывают очерки Ии Месхи. Они помогают лучше увидеть преображенную землю Закавказья. Особенно много интересного узнает читатель из «Путешествия по берегам Куры». Это наиболее удачный очерк в книге. Хорошо задуманный, он разворачивает широкую картину трудовой жизни народов Грузии и Азербайджана, показывает, как расцвели эти республики за последние годы.

Очеркист приглашает читателей вместе с ним отправиться в путешествие вдоль берегов Куры, и едва мы начинаем его, древняя река оживает. Шумящая и говорливая, она стремительно разбегается с высокого плато, где берет начало. «Для тех дел, которые ждут ее впереди,— замечает автор,— и разбег нужен большой».

Кура устремляет свои воды к Боржомскому ущелью, старую славу которого (кто не слышал о замечательных свой-

ствах боржомской воды?) догоняет молодая—слава колхозников и агрономов, выращивающих добротные овощи и фрукты; к городу Гори, где у слияния с Лиахвой выросли корпуса хлопчатобумажного комбината; к цементникам Каспи; к колхозу имени Махарадзе, известному не только миллионными доходами, но и традиционной дружбой с колхозниками Подмосковья... Сколько нового видишь (именно видишь, а не только узнаешь), читая этот очерк. Путешествие по берегам Куры — отличный прием журналиста, решившего показать, что люди, как воды этой древней реки, не стоят на месте, а неуклонно движутся вперед.

Ия Месхи — очеркист. Но, пожалуй, в еще большей степени ее перу близко искусство репортажа. Умение владеть обоими журналистскими жанрами и, главное, сочетать их — счастливое умение. В этом не трудно убедиться, познакомившись с книгой «Дороги родные». Точная фиксация увиденного переплетается у Месхи с живым, образным описанием природы, обстановки, событий.

Язык у Ии Месхи четкий, простой, ясный. Автор так, например, описывает цветочное хозяйство Кодори: «Есть на Кодори цветы для меда, есть — для масла, есть, наконец, просто для радости».

Ия Месхи много повидала — и не как турист-путешественник, а как журналист, который все хочет знать, которому до всего есть дело. Потому так радуется она всему хорошему, что встречается на пути, стремясь как можно полнее поведать об увиденном своим читателям.

О многих событиях пишет Месхи. О сельской гидроэлектростанции, управляемой автоматически («ГЭС на замке»), о жителях села Маяковски («Под багдадскими небесами»), о чудесных полях, на которых ученые выращивают лекарства («Зеленая аптека»)... И все они — эти события — интересны, все они запоминаются, сплетаются в общий рассказ о светлой судьбе нашей Родины.

Тем не менее, когда дочитываешь книгу до конца, невольно чувствуешь: чего-то книге не хватает, о чем-то очень важном и очень нужном автор сказал скороговоркой, вскользь.

О чем же?

Книге Месхи предпослан эпиграф М. Горького: «Превосходная должность — быть на земле человеком, столько видишь чудесного...». И в ее очерках, действительно, много интересных событий и фактов, описанийстроек, преображенных мест. Но о человеке, творящем их, мы узнаем мало. Лишь четыре очерка в большей или меньшей мере рассказывают о судьбах советских людей («Сванетия без башен», «Живет бухта Ильича», «Село имени деда Макара», «Его знакомые»). Четыре из двадцати трех!

Могут возразить: каждый, мол, понимает, что все, о чем написано в очерках,

Ия Месхи. «Дороги родные». Редактор Г. Бебутов. Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1957 г.

создано человеком. Лишняя фамилия ничего не прибавит к рассказам.

Лишняя фамилия, действительно, ничего не прибавит. Но ради чего написана книга? Ради того, чтобы наглядно показать, как велики преобразования, происшедшие в республиках Закавказья за годы Советской власти? Конечно. А разве судьба советского человека, его отношение к труду, к жизни—не самое главное завоевание Советской власти, нашей партии?! И жаль, что талантливая журналистка, умеющая зорко видеть, не заме-

тила, что «дороги родные», по которым она шла, ведут, прежде всего, к людям—очень разным и очень интересным!..

Издание книги очерков Ии Месхи — явление весьма отрадное. Отметим и то, что издательство «Заря Востока» выпустило в этом году уже вторую книгу очерков,—значит, очерки, хотя и медленно, но завоевывают в наших издательствах подобающее им «место под солнцем».

Л. РОСТОВЦЕВ.

Коротко об авторах

ТАБИДЗЕ
Галактион
Васильевич

Грузинский поэт. Родился в 1892 г. С 1908 г. регулярно печатается в газетах и журналах. В 1914 г. вышла первая книга стихов Г. Табидзе. В 1924 г. была издана его поэма, посвященная Великой Октябрьской социалистической революции. В результате поездок по промышленным районам Советского Союза в 1929 году написано одно из лучших произведений Г. Табидзе—«Эпоха». В 1933 г. в связи с 25-летием литературной деятельности Галактион Табидзе удостоен звания народного поэта Грузинской ССР.

Г. Табидзе был делегатом Первого всемирного антифашистского конгресса в защиту культуры, состоявшегося в Париже летом 1935 года.

В дни Великой Отечественной войны Г. Табидзе издал несколько книг стихов, отобразивших борьбу советского народа с фашистскими захватчиками.

Г. Табидзе — действительный член Академии наук Грузинской ССР.

ЛЕОНИДЗЕ
Георгий
Николаевич

Грузинский поэт. Родился в 1899 г. Учился в Тбилисской семинарии, затем в Тбилисском государственном университете. Первое стихотворение Г. Леонидзе опубликовано в 1911 г. Первый сборник стихов вышел в 1938 г. В том же году была опубликована эпопея «Сталин», а в последующие годы ряд поэтических сборников.

Г. Леонидзе трижды удостоен Сталинской премии: за поэму «Детство вождя», за сценарий кинофильма «Щит Джургая» и за поэмы «Бершоула» и «Портохала». Депутат Верховного Совета Грузинской ССР, член Советского Комитета защиты мира, действительный член Академии наук Грузинской ССР.

МАРИДЖАН Грузинская поэтесса. (Алексидзе Первое стихотворение Мария Марковна) напечатано в 1916 г. в газете «Сахалхо сакме», а в 1921 г. вышел сборник ее лирических стихов. С 1926 г. в творчестве Мариджан наблюдается все более явный интерес к детской литературе. Детям посвящены лучшие стихи, написанные ею в последние годы. В 1956 г. издательство «Сабчота мцeralи» издало книгу лирических стихов Мариджан. Детгиз готовит к печати книгу ее стихов для дошкольников «Чурек-чирик».

СОКОЛОВСКИЙ
Александр
Михайлович

Военный врач. Родился в 1924 г. Участник Великой Отечественной войны. В 1948 г. окончил Ленинградскую военно-морскую медицинскую академию. Наряду с основной специальностью плодотворно занимается литературной деятельностью. Его стихи публиковались в журнале «Дальний Восток», в альманахе «Молодой Ленинград», а также в различных газетах.

КАНДЕЛАКИ
Римма
Евгеньевна

Родилась в Москве. Училась в Московском институте востоковедения. В печати работает с 1930 г. Пишет на русском языке. Была фельетонистом-очеркистом газеты «Заря Востока», публиковала стихи и стихотворные переводы в московских и закавказских журналах. С 1938 г. сотрудничает в газете «Известия», журналах «Смена», «Огонек», «Вокруг света», «Пионер».

В публикуемой нами повести о Пиросмани «Бродил художник по городу», автором использованы воспоминания художников Л. Гудиашвили и К. Зданевича, поэтов Т. Табидзе, Г. Леонидзе и др.

СУЛАКАУРИ
Арчил
Самсонович

Грузинский поэт. Родился в 1927 г. в Тбилиси. В 1951 г. окончил филологический факультет Тбилисского государственного университета имени И. В. Сталина, а в 1954 г. там же — аспирантуру. Выпустил два поэтических сборника: «Стихи» (1951) и «Праздник на нашей улице» (1956). Сейчас издательство «Заря Востока» готовит к печати книгу переводов его стихов и поэм на русский язык. В 1950 г. А. Сулакаури был делегатом Первого Всесоюзного совещания молодых писателей.

Его стихи отмечены первой премией Грузинского республиканского фестиваля молодежи.

ЧИЧИНАДЗЕ
Константин
Арчилович

Грузинский поэт. Родился в 1891 г. в селе Химши. Первое стихотворение опубликовал в 1908 году в газете «Иверия». С 1921 г. вышел ряд книг К. Чичинадзе, содержащих как оригинальные стихи, так и переводы на грузинский язык произведений Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Данте, Байрона, Верхарна, Навои и других поэтов. К. Чичинадзе принадлежит ряд трудов по руставелологии. В издательстве «Заря Востока» готовится к печати книга переводов его стихов на русский язык.

ЛОМИДЗЕ
Андро
Иосифович

Грузинский писатель-новеллист. Родился в 1907 г. Был грузчиком, матросом, плавал на Черном море, работал в комсомольской и партийной печати. С 1930 г. выступает как литературный критик. Рассказы начал писать в 1940 г. В республиканских издательствах вышло восемь книг рассказов и новелл А. Ломидзе на грузинском языке.

МАГИСТРОВА
Лидия
Владимировна

Родилась в Тбилиси. В 1955 г. окончила среднюю школу и поступила на историко-филологический факультет Тбилисского педагогического института им. А. С. Пушкина, а в марте 1957 г., перейдя на заочное отделение института, выехала на Памир в составе геологической экспедиции.

Стихи молодой русской поэтессы публиковались в республиканской и центральной комсомольской прессе, а также в сборнике «Молодые голоса», выпущенном издательством «Заря Востока».

МАРГВЕЛАШВИЛИ
Георгий
Георгиевич

Родился в 1923 году в Тбилиси. Окончил Литературный институт

им. Горького, а в 1952 г. там же — аспирантуру. Систематически выступает с критическими статьями на страницах центральных и республиканских газет и журналов.

ШАДУРИ
Вано
Семенович

Литературовед. Родился в 1910 г. в селении Казбеги. В 1938 г. окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета, а в 1941 г. — аспирантуру. С 1950 г. В. Шадури заведует кафедрой русской литературы Тбилисского государственного университета.

Перу В. Шадури принадлежит двенадцать книг и свыше пятидесяти статей по различным вопросам русско-грузинских литературных связей. В 1954 г. он защитил докторскую диссертацию на тему: «Декабристская литература и Грузия».

Технический редактор К. Коринтели.

Подписано к печати 30/VII-57 г.

Формат бумаги 70×108¹/₁₆. 9 печ. натур. л. + 2 вкл.

Заказ № 832

УЭ03027

Цена 5 руб.

Типография «Заря Востока» имени А. Ф. Мясникова
Издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, 42.

Цена 5 руб.

1916
საქართველოს
საბჭოთაო

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на новый литературно-художественный
и общественно-политический журнал

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

(ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ)

В журнале будут публиковаться новые произведения грузинских писателей, а также произведения русских писателей, работающих в республике.

В журнале принимают участие выдающиеся деятели русской культуры и братских литератур Союзов ССР.

В текущем году выходит 6 номеров.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

в отделах „Союзпечати“, во всех конторах и отделениях связи.